ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ПИСЬМА К АВГУСТЕ БАРАНОВОЙ 1916–1938

Игорь-Северянин
Toila 1934.

Бенгт Янгфельдт
Рейн Круус

IGOR' SEVERJANIN

Letters to Augusta Baranova 1916-1938

Edited by
Bengt Jangfeldt and Rein Kruus

Acta Universitatis Stockholmiensis
Stockholm Studies in Russian Literature

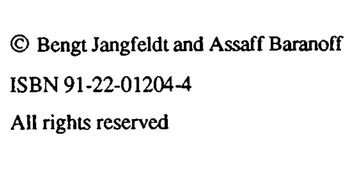
24

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН: ПИСЬМА К АВГУСТЕ БАРАНОВОЙ 1916-1938

Составление, подготовка текста,
введение и комментарии:

Бенгт Янгфельдт и Рейн Круус

ALMQVIST & WIKSELL INTERNATIONAL
STOCKHOLM / SWEDEN

ISBN 91-22-01204-4

Printed with the aid of a grant from Humanistisk-Samhällsvetenskapliga Forskningsrådet

Jangfeldt, B./Kruus, R.

Igor' Severjanin: Pis'ma k Avguste Baranovoj 1916-1938
(Igor' Severjanin: Letters to Augusta Baranova 1916-1938)

Stockholm 1988, 166 pp. + ill. ISBN 91-22-01204-4

The Russian 'Ego-Futurist' poet Igor' Severjanin (pseud. for Igor' Lotarev) lived in Estonia from 1918 to his death in 1941. Hitherto, little has been known about his life and activities during these years. This voluminous correspondence with his old friend and life-long admirer from pre-revolutionary Moscow, Mrs Augusta Baranova, sheds new light on Severjanin's life in emigration, his literary work and his contacts with other Russian émigré writers during his numerous trips to Poland, Czechoslovakia, Yugoslavia, Bulgaria, Germany, France, and other countries, including the Baltic states. The illustrations accompanying the letters are published here for the first time.

Typeset by Bengt Jangfeldt on Apple Macintosh

Printed in Sweden by

GOTAB, Stockholm 1988

Предисловие

Издание настоящей книги приурочено к 100-летию со дня рождения Игоря Северянина в 1987 г. Предлагаемые вниманию читателей письма отражают самый длительный, но наименее известный период творческой биографии поэта, связанный с жизнью в Эстонии с 1918 по 1941 год.

Считаем своим приятным долгом выразить глубокую благодарность Асафу Асафовичу Баранову, сыну А.Д.Барановой, который любезно предоставил для публикации письма Северянина и другие материалы из своего архива и оказал нам большую помощь при подготовке настоящего издания.

Хотим также поблагодарить следующих лиц, сообщивших нам ряд ценных сведений: Ю.И.Абызов, Н.Г.Аршас, Н.Н.Берберова, И.К.Борман, Л. Круут, Г.Г.Суперфин, Р.Д.Тименчик, Ю.Д.Шумаков, Alexis Rannit, Milevoje Jovanović, Ben Hellman и Bengt Samuelson.

Шведский ученый совет (Humanistisk-Samhällsvetenskapliga Forskningsrådet) субсидировал издание этой книги и работу над ней.

Стокгольм–Таллин, май-декабрь 1987 г.

Bengt Jangfeldt Rein Kruus

Содержание

Введение

I

Если не считать времени, некогда в детстве проведенного вместе с матерью на даче в Гунгербурге[1], Северянин впервые побывал в Эстонии, в рыбацком поселке Тойла на побережье Финского залива, в 1912 г.

Сам поэт в одном мемуарном очерке мимоходом заметил об этом: "Узнав Тойлу, Сологубы поселились в ней и полюбили ее. Я познакомился с нею еще за год до них – в 1912 г., когда и написал два стихотворения, приехав только на два дня."[2] Упомянутые два стихотворения – видимо, "Морская памятка" и "Морской набросок". Первое из них было напечатано в газете *Нижегородец* (1912:147, 19 авг.) с датировкой: "1912. Август. Эстляндия, Иеве, деревня 'Тойло' ‹sic›"[3] и впоследствии включено в сборник *Златолира*. Второе было опубликовано в газета *Дачница* (1912:7, 29 авг.) с посвящением Е. А. Ланиной и с той же датировкой (оно было перепечатано в сборнике *Ананасы в шампанском*).[4]

В 1913 и 1914 г. в Тойла снимал дачу Ф. Сологуб.

Так в Тойле прожил он два года
На крайней даче у полей.

писал Северянин в стихотворении "У Сологуба" (1918; сб. *Соловей*). В 1913 г. Северянин, видимо, только навещал Сологуба и его жену; к этим визитам относятся строки указанного стихотворения

Из Веймарна к нему приехать
Мне нравилось в рассветный час.

Неизвестны какие-либо стихотворения Северянина 1913 г., местом написания которых значилась бы Тойла.

Похоже, что в мае-июне 1914 г. Северянин сам впервые снимал в Тойла дачу и жил там вместе с Е. Я. Золотаревой и годовалой дочерью Валерией. В стихотворении "Прежде и теперь" (1918; сб. *Соловей*), примыкающем к стихотворению "У Сологуба", Северянин отмечает:

Второе лето на курорте
И я с ним вместе проводил.

Множество написанных в это время в Тойла стихотворений вошло в сборник *Victoria Regia* (1915).

Судя по датировкам стихотворений цикла "Амфора эстляндская" в совместном сборнике Северянина и А. Масаинова *Мимозы льна* и в сборнике *Тост безответный* (оба 1916), Северянин жил в Тойла также в мае-июне 1915 г.

О пребывании Северянина в Тойла в 1916 и 1917 гг. или о каких-либо других его эстонских связях в это время никаких сведений нет. Можно понять, почему Северянин в начале 1918 г. покинул на время Петроград, но

совершенно неясно, почему он решил переждать "смутное время" именно в Тойла, а не где-нибудь на юге или в других известных ему дачных местах в окрестностях Гатчины, Веймарна и т.д.

Один из основных источников реконструкции биографии Северянина – его собственные поэтические тексты, которые он обычно датировал довольно точно. По ним начало "эстонского" периода его творческой биографии выглядит следующим образом. 7 января 1918 г. Северянин находился в Тойла, где им написано стихотворение "Эст-Тойла" (сб. *Соловей*). А судя по датировке стихотворения "Опять вдали" (*там же*), 9 января 1918 г. он вновь был в Петрограде. Датировку "Петроград. I ‹1918›" имеет и ряд других стихотворений в сборнике *Соловей*. Сам Северянин впоследствии называл датой своего приезда в Эстонию 28 января 1918 г. (ср. письмо 90).[5] Представляется, однако, что Северянин намеренно или полусознательно выдвигает эту дату в качестве существенной вехи своей биографии по политическим соображениям, чтобы подчеркнуть свою "аполитичность".

Как известно, независимость Эстонии была провозглашена 24 февраля 1918 г. По условиям заключенного 3 марта 1918 г. Брестского мира Россия потеряла права на территорию бывших Эстляндской и Лифляндской губерний. Северянин, постоянно подчеркивающий, что он "не беженец и не эмигрант", а "просто дачник" с 1918 г.[6], связывает свое переселение со временем, когда Эстония еще формально на отделилась от России, хотя условное начало его "эстонского" периода с неменьшим основанием можно было бы отнести и к более позднему времени. В феврале 1918 г. Северянин еще участвует в литературной жизни России: выезжает в Петроград, выступает в Ярославле и Москве (см. письмо 90 и комментарии к нему).[7] В Эстонию он вместе с М.В. Домбровской вновь вернулся лишь в марте.

К этому времени Эстония была оккупирована немецкими войсками, но сообщение с Россией было относительно свободным. Согласно свидетельствам современников, лица, желавшие перебраться из России в Эстонию, должны были доехать до Ямбурга. Когда их в Ямбурге набиралось достаточно много (человек 300-400), красногвардейцы сопровождали отряд до демаркационной линии и передавали немецкому патрулю, который доводил отряд до Нарвы. В Нарве (позже в Раквере) находился карантин, по прохождении которого лица, не вызвавшие подозрений оккупационных властей, могли следовать своим путем.[8]

Видимо, так же происходило и возвращение Северянина. 9 марта 1918 г. датировано стихотворение "Ямбург", посвященное городку, "кто завтра по этапу / меня в Эстляндию пошлет" (сб. *Соловей*). В это время Северянин при датировке произведений явно придерживался старого стиля, ибо 9 марта 1918 г. по новому стилю он выступал в Москве.[9] Значит, Северянин был в Ямбурге не позднее 22 марта по новому стилю.

В стихотворении "По этапу" (сб. *Соловей*) поэт 27 (14) марта пишет:

Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под арестом пробыв.

По неясным причинам, немецкие власти отправили Северянина и М.В. Домбровскую из Нарвы "чрез Везенберг и через Тапс" в Таллин, где они, судя по датировке стихотворения "Музе музык" (сб. *Вервэна*), не позднее

26 (13) марта уже обосновались в гостинице Золотой лев. А из датировки стихотворения "В хвойной обители" (сб. *Соловей*) явствует, что не позднее 5 апреля (23 марта) они вновь были в Тойла.[10]

Весной 1918 г. произведения Северянина все еще публиковались в России: вскоре после его избрания "Королем поэтов" вышел альманах *Поэзоконцерт*, содержащий в основном произведения Северянина; издательство В. Пашуканис выпустило не позднее 29 апреля[11] сборник избранных произведений Северянина *За струнной изгородью лиры;* вышедший не позднее июня[12] сб. *Весенний салон поэтов* перепечатал два его старых стихотворения; в Петрограде издательство Земля продолжало в виде томов *Собрания поэз* переиздавать предыдущие книги поэта. Издательство Земля объявило также новый сборник Северянина *Ручьи в лилиях* – т. VIII *Собрания поэз.* Можно предположить, что с изданием этой книги связана поездка Северянина в Петроград в мае 1918 г. (см. письмо 90) – ведь "Увертюра к т. VIII" была написана им в апреле (см. прим. 10). Однако, книга не вышла. Видимо, именно к ней относится запись А. Блока от 26 августа 1918 г.: "Издательство в Смольном завалило типографию заказами брошюр, запретило печатать И. Северянина, отобрало у 'Земли' часть экземпляров Ромэна Роллана и др., чтобы продавать под своей фирмой дешевле. Меня пока не тронули."[13]

Летом 1918 г. у Северянина установились контакты с эстонскими литературными кругами. В августе три его стихотворения в переводе Г. Виснапуу были опубликованы в литературном приложении к выходившей в Тарту авторитетной газете *Postimees*.[14] В сентябре появилось сообщение, что Северянин передал возглавляемому К. Сарапом издательству Одамеэс рукопись сборника избранных "эстляндских поэз", *Pühajõgi*[15], а через месяц то же издательство получило от него рукопись еще одного сборника избранного – *Crème des Violettes*.[16]

Немецкая оккупация в Эстонии кончилась в ноябре 1918 г., и власть перешла к эстонскому временному правительству. Но в конце ноября Красная армия начала наступление и формально установила на значительной части территории Эстонии (в том числе и в Тойла) советскую власть. Она продержалась до февраля 1919 г., когда национальные войска, при некоторой военной поддержке Великобритании и добровольцев из Финляндии, Швеции и Дании, вытеснили Красную армию из Эстонии и боевые действия продолжились за ее пределами.

Несмотря на оккупационный режим и сменившее его военное положение, культурная жизнь в Эстонии в 1918-1919 гг. была чрезвычайно активной. В нее включился и Северянин. Первое его выступление состоялось 22 марта 1919 г. в Таллине[17], всего же известны семь его выступлений перед местной публикой в 1919-1920 гг. Отдельные его стихотворения были напечатаны в эстонских и местных русских газетах.[18]

2 февраля 1920 г. в Тарту был подписан мирный договор между Советской Россией и Эстонской Республикой. Относительная изоляция кончилась. У Северянина восстановились многие старые контакты (в том числе и с А.Д. Барановой) и завязались связи с зарубежными литературными кругами. Важно подчеркнуть, что Эстония оказалась открытой и для Востока, и для Запада, став в 1920-1922 гг. одним из основных промежуточных пунктов связей между Р.С.Ф.С.Р и зарубежным миром. Сообразно с

этим, для Северянина в 1920-е гг. Россия и Европа значили гораздо больше, нежели литературная жизнь Эстонии.

В зарубежье возникла и стабилизировалась обширная русская периодическая печать. С 13 августа 1920 г. в Таллине выходила ежедневная газета *Последние Известия*, постоянным сотрудником которой Северянин был вплоть до прекращения этого издания в 1926 г. Рижская газета *Сегодня*(1920:196, 11 сент.) сообщила, что с 1 сентября 1920 г. Северянин является и их постоянным сотрудником – поэт печатался в ней вплоть до 1940 г. Стихи Северянина стали публиковаться также в газетах *За Свободу!* (Варшава), *Время, Голос России* (Берлин), *Эхо* (Каунас), *Новое русское слово* (Нью-Йорк) и др.

II

В январе 1921 г. Северянин впервые выехал за пределы Эстонии: он дал два поэзоконцерта в Риге (ср. письмо 4). С тех пор выступления в странах Европы стали играть в его литературной деятельности значительную роль. По подсчетам самого Северянина, он до 19 июня 1939 г. публично выступал с чтением своих произведений 301 раз. Из них 135 выступлений состоялись в 1910-1918 гг. в России, а после 1918 г. 59 состоялись в Эстонии и 107 за границей.[19]

Письма к А.Д. Барановой дают достаточно подробное представление о зарубежном периоде творческой биографии Северянина и о его постоянных поисках средств для обеспечения "дачной" жизни в Эстонии. А.Д. Баранова была для Северянина не единственным, но весьма существенным источником материальной помощи. Не случайно, что многие известные обращения Северянина за помощью к другим лицам относятся именно к периодам, когда его переписка с А.Д. Барановой прерывалась. Так, 20 июля 1924 г. он, чтобы получить сумму, необходимую для выезда в заграничное турне, обращается к эстонскому поэту И. Барбарусу: "У толстопузых и златозубых просить – мука и унижения непомерные. Избавьте, Собрат. Верну по возвращении восторженно. Интуиция направляет к Вам, а я – ее рыцарь. И это надо мгновенно, Вы понимаете меня. Почтовый чек в заказном письме, и я – крылат". В 1926 г. Северянину оказывал помощь С.В. Рахманинов.[20] А. Формаков, гостивший в Тойла в июле 1926 г., вспоминает даже, что доллары из Рахманиновского фонда в Нью-Йорке "приходили регулярнейшим образом – каждый квартал".[21] С 1926 г. Северянину с учетом его заслуг по переводу и пропаганде эстонской поэзии нерегулярно выделялись также субсидии из государственного фонда т.н. культурного капитала.[22]

Неотразившийся в письмах отрезок биографии поэта в 1926-1927 гг. мало насыщен внешними событиями. В эти годы Северянин написал основную часть (75 из 100) сонетов, составивших изданную в 1934 г. книгу *Медальоны*. 1 октября 1926 г. в Таллине стала выходить новая газета *Вести дня*, единственная впоследствии в Эстонии ежедневная русская газета, регулярно публиковавшая произведения Северянина. В ней, – также как и в газете *Сегодня*, – Северянин, кроме сонетов и стихотворений сборника *Классические розы* (1931), в эти годы напечатал ряд переводов из эстон-

ской поэзии, выполненных для антологии *Поэты Эстонии* (1929). О редких его публичных выступлениях тех лет известно мало. На 6 февраля 1926 г. был назначен "грандиозный поэзо-вечер" Северянина в Нарве.[23] 17 марта 1927 г. он читал стихи в литературном кружке при Русской гимназии Таллина. "Из прочтенных стихов особенно понравились первые четыре: 'Пушкин', 'Блок', 'Ахматова' и 'Достоевский'. [...] По окончании вечера молодежь провожала Игоря Северянина нескончаемыми овациями."[24] 30 июля 1927 г. в Нарва-Йыэсуу состоялся концерт известного певца И.Ф. Филиппова. "Кроме оркестра в концерта принимал участие еще и Игорь Северянин со своими 'поэзами'. Можно быть не особенным поклонником его манерного исполнения своих стихотворений, но в последних никто не может отрицать несомненного поэтического таланта. Очень понравилось публике прочитанное автором стихотворение, – вариация на Мятлевские слова 'Как хороши, как свежи были розы'."[25] 23 октября 1927 г. в Тарту состоялся вечер Северянина "Классические розы". В газетном отчете отмечается: "Игорь Северянин захватил всю аудиторию и имел большой успех."[26] Из Тарту Северянин отправился в Двинск и Ригу (см. письмо 43 и сл.).

В феврале 1928 г. Северянин был в Варшаве, где его выступления имели резонанс, в частности, среди членов польской литературной группы "Skamander" (J. Tuwim, K. Wierzyński и др.). В 1930 г. отмечалось 25-летие литературной деятельности Северянина. Начало нового десятилетия ознаменовалось длительными путешествиями по Европе; в 1930-1934 гг. Северянин, пожалуй, жил больше за границей, чем в Эстонии. С октября 1930 г. по март 1931 г. он был в основном в Югославии (см. 52-53), в конце 1931 г. он помимо Югославии побывал в Болгарии (см. 59-62), весной 1933 г. он больше чем на год выехал в Румынию и Югославию (см. 75-84). Эти же годы были для него весьма плодотворными в профессиональном отношении: вышли книги *Классические розы* (1931), *Адриатика* (1932), *Медальоны* (1934), *Рояль Леандра* (1935).

III

Во второй половине 1930-х гг. много изменилось. Весной 1935 г. Северянин расстался с Ф. Крут и покинул Тойла (см. 93). Брак их официально не был расторгнут, но спутницей последних лет жизни поэта стала Вера Борисовна Коренди (ур. Запольская). А. Формаков свидетельствует: "Насколько знаю, никому из своих тогдашних добрых знакомых он об этом браке не написал. Перестал писать и мне."[27] Так прекратились не только зарубежные поездки, но и прервалась переписка со многими корреспондентами. Долгое время мало кто знал об изменениях в личной жизни Северянина, и это порой создавало неудобные ситуации: журналисты, приезжавшие в Тойла, не заставали Северянина "дома" и интервьюировали Фелиссу, стоически отвечавшую на невольно бестактные вопросы о муже; в газетах время от времени перепечатывались старые фотографии Северянина с женой и т.д. В этом свете откровенность Северянина в письмах к А.Д. Барановой (93-95) исключительна. Например, в письме С. Чукалову от 13 июля 1938 г. Северянин ни одним словом не намекает на свой новый

гражданский брак и по-прежнему передает сердечные приветы от имени себя и Фелиссы.

В 1935-1937 гг. антиурбанист Северянин живет преимущественно в Таллине. Кризис в личной жизни совпал с материальным и творческим кризисом. Он практически перестал писать стихи и занимался лишь переводческой работой. Одно из немногих в то время его выступлений состоялось 23 марта 1936 г. в Таллине на литературном вечере местных русских авторов. "Поэт, изнывающий ныне в городе по природе, прочитал пылкие свои стихи о весне [...], надрывные стихи о России, столь своеобразные и непохожие на обычный 'гражданский жанр', наконец, 'Культуру' [...]. Северянину приходилось несколько раз выходить на непрекращающиеся вызовы. К сожалению, поэт новых своих стихов не читал" (*Вести дня*, 1936:68, 24 марта).

Отмечавшееся в 1937 г. в Эстонии довольно широко 50-летие Северянина привлекло к нему большее внимание общественности. С 1937 г. он вновь получал субсидии культурного капитала, небольшой литературный заработок дали книги переводов: *Предцветенье* Марии Ундер (1937), *В оконном переплете* Алексиса Раннита (1938), *Полевая фиалка* Генриха Виснапуу (1939) и *Via dolorosa* Алексиса Раннита (1940). С 1938 г. Северянин время от времени читает лекции о русской поэзии начала века[28], знакомит местную русскую публику с эстонской поэзией[29], выступает с чтением стихов.[30] Летом 1938 г. Северянин поселился в деревне Сааркюля[31], а весной 1939 г. он переехал в Нарва-Йыэсуу. Что касается материального достатка, его жизнь все это время оставляет желать много лучшего.

В 1940 г. исполнилось 35 лет литературной деятельности Северянина и 14 марта в Таллине было устроено чествование поэта. "Президент государства К. Пятс подарил Игорю Северянину по случаю его юбилея 400 кр. [...] Вечер начался приветственной речью русского нац‹ионального› секретаря С. Шиллинга. [...] Эстонский поэт В. Адамс в живой речи, пересыпанной юмором, рисует одухотворенный портрет Игоря Северянина, как поэта жизнерадостного, влюбленного в природу, в жизнь, в солнце. [...] Конечно, для всех самым интересным было второе отделение, в котором с чтением своих стихов выступал сам юбиляр. Давно уже Игорь Северянин не читал с таким настроением, как на этом вечере. Встреченный шумными овациями всего зала, он сразу как-то преобразился. Каждое прочитанное им стихотворение вызывало шумные аплодисменты, публика долго, настойчиво требовала все новых и новых его выступлений."[32]

Временное улучшение литературной судьбы Северянина омрачило ухудшение здоровья. Новый всплеск популярности по-своему отражают газетные корреспонденции, напоминающие сообщения о состоянии здоровья государственных деятелей или кинозвезд: "У больного бронхит, причем температура утром обыкновенно нормальная, а вечером доходит почти до 39°"[33]; "Состояние здоровья Игоря Северянина значительно улучшилось, температура теперь нормальная, и благодаря хорошему уходу силы поэта быстро восстанавливаются"[34]; "Последняя сенсационная новость: Северянин с о в е р ш е н н о бросил курить и пить не только алкогольные напитки, но даже чай."[35] Заметим попутно, что такого рода внимание прессы явно не согласуется с настойчиво проводимыми в некоторых советских публикациях о Северянине утверждениями типа: "Его перестали печатать,

им мало интересовались, а в конце концов обрекли на полное забвение."[36] В 1939-1940 гг. произведения Северянина печатались в газетах *Вести дня* и *Сегодня*, а также в еженедельнике *Рубеж* (Харбин).

IV

Советские войска были введены в Эстонию еще в конце 1939 г., но только 21 июля 1940 г. страна была провозглашена социалистической республикой. 6 августа 1940 г. Эстония была официально присоединена к СССР.

Отношение Северянина к этим политическим событиям не было однозначным, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения. В данном случае ограничимся констатацией, что Северянин не замедлил с проявлением лояльности новому режиму. Начавшая выходить в Нарве газета *Советская деревня* (1940:6, 13 авг.) напечатала его стихотворение "В наш праздник":

Взвивается красное знамя
Душою свободных времен,
Ведь все, во что верилось нами
Свершилось, как сбывшийся сон.

Мы слышим в восторженном гуле
Трех новых взволнованных стран:
– Мы к стану рабочих примкнули,
Примкнули мы к стану крестьян.

Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин – преемник его!

Характерна для Северянина наивная "аполитическая хитрость" этого стихотворения: не он, Северянин, провозглашает здравицу Сталину, эти слова просто слышатся "в восторженном гуле", и поэт лишь фиксирует услышанное. 6 сентября 1940 г. в той же газете были опубликованы (неоднократно впоследствии перепечатывавшиеся) стихотворения "Наболевшее" и "Привет Союзу!"[37], снабженные анонимным редакционным примечанием, в частности сообщающим: "Послереволюционные годы Северянин провел в Эстонии, в стороне от белоэмигрантской большой дороги. В своих последних стихах Северянин заявляет о стремлении 'вернуться по домам', в лоно родного народа, великой советской отчизны."

Приблизительно в это же время у Северянина возобновилась переписка с Г. Шенгели, который в 1916-1917 гг. входил в его ближайшее литературное окружение.[38] В письме от 28 сентября 1940 г. Шенгели советовал Северянину: "Вам надлежит выступить с большим программным стихотворением, которое прозвучало бы как политическая декларация. [...] И послать это стихотворение (вместе с поэтической и политической автобиографией, с формулировкой политического кредо) надо не в 'Огонек' и т.п., а просто на имя Иосифа Виссарионовича Сталина."[39] 9 октября Северянин ответил:

"В скором времени я напишу Сталину, ибо знаю, что он воистину гениальный человек." 31 января 1941 г. Северянин сообщил Г. Шенгели: "Письмо И.В.С‹талину› у меня уже написано давно, но я все его исправляю и дополняю существенным. Хочется, чтобы оно было очень хорошим" (в архиве Ю.Д.Шумакова). Было ли отправлено это письмо – неизвестно.

При содействии Г. Шенгели два стихотворения Северянина были опубликованы в журнале *Красная новь* (1941:3) и одно в *Огоньке* (1941:13), ему заказали переводы. В Ленинграде в одном из альманахов было решено опубликовать несколько его сонетов о русских композиторах[40], наметились еще некоторые возможности литературной работы. Массовые репрессии, проведенные в Эстонии советскими властями 14 июня 1941 г., больного Северянина не затронули.

Возможно, ему действительно удалось бы включиться в советскую литературную жизнь, если бы 21 июня 1941 г. не началась война между Германией и СССР. В отчаянных письмах и телеграммах, посланных в Таллин, Ленинград и Москву, Северянин просил, чтобы его эвакуировали в советский тыл, но этого не произошло. После оккупации Эстонии немцами, Северянин некоторое время жил в Таллине, где и умер 20 декабря 1941 г. от нарушения сердечной деятельности. Он был похоронен на православном Александро-Невском кладбище (Siselinna kalmistu) в эстонской столице. Нейтральные по тону заметки о его смерти были помещены в двух контролируемых оккупационными властями эстонских газетах.[41]

V

Августа Дмитриевна Баранова (урожд. Кабанова) родилась в Москве 2 марта 1891 г. Ее отец, купец первой гильдии, старообрядец Дмитрий Иванович Кабанов (1855-1919), вырос в семье, издавна торговавшей мельничными жерновами. Положил начало этому делу прадед А.Д. Барановой, крестьянин, переселившийся в Москву. "После 1812 г. на месте лесных рядов появился 'жерновый ряд', в котором продавались мельничные жернова. После устройства бульвара стали продавать у Мясницких ворот. Купец Кабанов купил угольный, рядом с церковью Фрола и Лавра, дом и уставил весь двор жерновами. Но двора не хватило, и он арендовал у казны часть Почтового двора [...]"[42]

Со временем характер дела изменился, и главным источником доходов стали надгробные плиты. Кроме того, Д.И. Кабанов был владельцем множества доходных домов в районе Мясницкой и Чистопрудного бульвара и весьма состоятельным человеком.

Августа Дмитриевна Кабанова кончила знаменитую гимназию Mansbach'a в Москве с золотой медалью. В 1912 г. она вышла замуж за Асафа Асафовича Баранова (1889-1920), молодого юриста. А.А. Баранов был сыном мануфактур-советника Асафа Асафовича Баранова, владельца большого текстильного завода в городе Александрове, в 160 километрах к северо-востоку от Москвы. А.А.Баранов был легендарно богатым, о чем свидетельствует письмо А.П.Чехова к архитектору Ф.О.Шехтелю от 7.6. 1892 г.: "Еще раз спасибо, голубчик, за будущих петухов и кур, а также за окаянное зелье. Будьте здоровы, веселы и богаты, как Асаф Баранов."

Однако, когда отец умер в 1905 г., богатство перешло к другим родственникам, Асаф Асафович остался без наследства, и молодая чета жила на состояние А.Д. Барановой и ее отца, средствами которого снимался маленький старый особняк в Георгиевском переулке в Москве. Рядом, в отдельном доходном доме во дворе, жила мать А.А. Баранова. А.Д. Баранова с мужем общались в состоятельных кругах столицы, главным образом благодаря связям семьи Барановых. В романе А.Н. Толстого *Черное золото* (М.1932) описан роскошный ужин (стоимостью в 200.000 рублей), устроенный в Москве нефтяником Леоном Манташевым, после того, как он выиграл на бирже восемь миллионов рублей. У Толстого все происходит в 1912 г., а в своем экземпляре А.Д. Баранова пометила: "Этот ужин был 30/I 1914 года. Я только по случайности не была на этом ужине. А папа был." В этот день действительно произошла "случайность": родился ее сын, которого, подобно отцу и деду, звали Асаф.[43]

В годы первой мировой войны и революции Барановы сдавали комнаты сотрудникам шведских дипломатических миссий в Москве и Петрограде. Среди них был поэт и доцент славянских языков – впоследствии профессор – лундского университета Sigurd Agrell (1881-1937), который летом 1917 г. обсуждал с А.Д. Барановой свою работу об ударениях в русском глаголе.[44] У Барановых жил одно время и Per Emil Brusewitz, юрист, социал-демократ, который в 1917-1918 гг. работал секретарем в шведском консульстве в Москве.[45] За двух других сотрудников шведского консульства, Eric Lindelöf и Gustaf H. Sandberg, в 1918 г. вышли замуж сестры А.А. Баранова, Вера и Мария.

В 1919 г. умер отец А.Д. Барановой, а через год ее муж, в возрасте 31 года. После этих тяжелых потерь, А.Д. Баранова решила уехать в Швецию, где с 1918 г. находились ее золовки Вера и Мария со своими шведскими мужьями. Шведскую визу А.Д. Барановой, ее сыну и теще устроил Gustaf H. Sandberg, работник шведского Министерства иностранных дел. Значительно труднее было покинуть Россию. А.Д. Баранова месяцами хлопотала о выездной визе для себя и своей семьи. "Только благодаря своей фантастической энергии и своему упрямству матери удалось в конце концов форсировать эту стену", пишет А.А. Баранов в заметке о своей матери.[46] Приводим кусок из воспоминаний А.Д. Барановой, – ее разговор с чекистом Казаковым, – дающий хорошее представление об исключительной воле и незаурядном мужестве этой женщины:

"**Я**: Я хочу уехать за границу. Я уже была в МИДе, и там я узнала, что перед тем, как выдать выездную визу, им нужно получить разрешение Вашего ведомства.

Казаков: Какое заведение командирует Вас за границу?

Я: Никакое.

К: Где Вы работаете?

Я: Нигде.

К: Значит, Вы частное лицо?

Я: Да.

К: Выезд советским гражданам за границу категорически запрещен.

Я: Знаю. Но я считаю, что только из смерти выхода нет, а до тех пор можно попробовать.

К: Что Вас подтолкнуло на эти мысли?

Я: На этот вопрос могу Вам ответить точно. У меня был очень счастливый брак. Мой муж умер и теперь я в полном отчаянии, не нахожу сил жить дальше. Мне кажется, что если я попаду в совсем другую обстановку, то может быть найду опять силы и не буду больше 'ничем', как сейчас.

Товарищ Казаков пожал плечами.

Я: Можно, я задам Вам вопрос?

К: Да, пожалуйста.

Я: Вы человек женатый?

К: Нет.

Я: У Вас есть невеста?

Товарищ Казаков улыбнулся и сказал: Нет.

Я: То есть, любовница?

Товарищ Казаков смеялся так громко, как, наверно, никто раньше не смеялся на Лубянке, и сказал: Нет.

Я: Вы понимаете, товарищ, если Вы никогда не потеряли ни жены, ни невесты, ни любовницы, Вы не можете себе представить, что такое любовь и Вам трудно понять мое отчаяние. Можно продолжать?

К: Прошу Вас.

Я: Когда я раньше уезжала за границу, не надо было никакой визы – нужен был только паспорт, и паспорт был у всех. Но если бы и существовало при царском режиме ведомство, куда надо было бы пойти для того, чтобы получить выездную визу, я бы туда пошла.

К: Как Вы смеете упомянуть имя 'царя' в высшей политической инстанции!!

Казаков вскочил в сердцах, схватил револьвер и сказал громко: Я стреляю!

Я: Подождите немножко, товарищ – я хочу Вам пожать руку и поблагодарить Вас, так как я не хотела больше жить и не знала, что Вы будете моим спасителем...

Тогда револьвер упал на пол, сам Казаков упал назад на стул, взялся обеими руками за голову и спустил ее на письменный стол.Так он сидел, полулежа, с закрытыми глазами.

Я: Почему Вы медлите, товарищ, я жду Вашего выстрела.

Долгое молчание. Потом я услышала, как Казаков говорит очень тихо: Садитесь, пожалуйста, садитесь, да, сюда, сюда... Мы сидели рядом друг с другом, плечом к плечу. [...]

К: Никто не говорил со мной так, как Вы. Я теперь совсем другой человек. Я сочувствую Вам. Слушайте, что я Вам сейчас скажу. Я здесь очень маленький человек, у меня нет ни значения, ни влияния. От меня ничего не зависит, но тем не менее я буду стараться Вам помочь. Ваша просьба совсем неосуществима, но я попробую сделать так, чтобы она осуществилась. У меня к Вам появилось такое доверие, что я Вам дам номер моего личного телефона, позвоните мне послезавтра в то же время.

Я: Я не знаю, как Вас благодарить...

К: Ни слова в благодарность. Я любуюсь Вами, любуюь Вашим мужеством."[47]

Через два дня А.Д. Баранова звонила Казакову, который ответил: "К сожалению, Вам отказали в визе." А.Д. Баранова: "Можно ли что-то сделать?" Казаков: "Позвоните послезавтра."[48] Этот разговор повторялся каж-

дое "послезавтра" в течение четырех месяцев, пока однажды Казаков не сообщил ей, что визы подписаны.

В середине февраля 1921 г. А.Д. Баранова с сыном и тещей уехали в международном вагоне (попасть в который помог им тот же Казаков) в Ревель, а оттуда пароходом в Стокгольм, куда приехали 24 февраля 1921 г.[49]

В июле 1921 г. А.Д. Баранова начала работать в Стокгольмском отделении Российской железнодорожной Миссии заграницей, возглавляемом профессором Юрием Владимировичем Ломоносовым. Не имея никакого формального образования или рабочего стажа, она уже через полгода стала заведующей канцелярией.

В 1922 г. Ю.Вл. Ломоносов отправился в Москву для переговоров с Лениным, до которого уже донеслись слухи об исключительной работоспособности, деловитости и порядочности заведующей канцелярией железнодорожной миссии. А.Д. Баранова выехала из Советской России как частное лицо, но раз она работала в советском заведении, она боялась, что ее могут вызвать в Москву.[50] А Ленин, оказалось, хотел отправить А.Д. Баранову в Америку. Ломоносов, которому была хорошо известна позиция Барановой, сообщил ему, что она ни за что не уедет из Швеции. "Хорошо, – сказал Ленин, – желание Барановой будет выполнено – она останется в Швеции." Этот разговор был потом дословно передан Ю.Вл. Ломоносовым Барановой.[51]

После того, как была закончена работа железнодорожной миссии в Швеции, в самом конце 1923 г., А.Д. Баранова перешла к Представительству Главного Инженера Волховского Строительства ("Волховстрой"), которое заказывало турбины в Швеции и имело свою контору в Стокгольме. Там она работала секретарем и делопроизводителем до начала 1927 г., когда была пущена в работу Волховская гидроэлектрическая установка.

Во время работы в железнодорожной миссии, А.Д. Баранова познакомилась с Федором Федоровичем Перно (Theodor Pernaux; 1881-1937), родившимся в Риге, а теперь работающим у профессора Ломоносова. Начиная с 1924 г. Ф. Перно работал в фирме Крупп в Берлине, и в сентябре 1927 г. А.Д. Баранова перехала к нему туда. В 1929 г. они поженились в Берлине как латышские подданые. После смерти Ф. Перно в 1937 г. А.Д. Баранова вернулась в Швецию, где с 1940 г. продолжала филателистическую работу своего мужа, крупного филателиста, с уникальным собранием старых русских и балтийских почтовых марок, – с 1946 г. в качестве профессионального филателиста в стокгольмском Доме Филателии. А.Д. Баранова умерла в Стокгольме в 1975 г.

VI

По всей видимости, Северянин и А.Д. и А.А. Барановы встретились впервые в 1916 г. Об этом свидетельствует ряд фактов. Первая сохранившаяся почтовая карточка Северянина к Барановым (письмо 1), от 8 ноября 1916 г., подписана "И. Лотарев", а не просто именем, как все последующие письма. К этому же году относится и надпись на нумерованном "роскошном издании" сборника *Victoria Regia* (1916, изд. В.В. Пашуканиса): "Милому и хорошему Асафу Асафовичу Баранову с постоянным добрым воспомина-

нием – автор", сопровожденная стихотворением "Victoria Regia": "Наша встреча – Victoria Regia: / Редко-редко в цвету...". Шестнадцатым годом датировано и стихотворение "Поэза странностей жизни", с печатным посвящением А.Д. Барановой (*Миррэлия*, 1922). Есть надпись и на сборнике *Громокипящий кубок* (1915, изд. В.В. Пашуканиса), но она не датирована и вполне может относиться к более позднему времени: "Августе Дмитриевна Барановой с искренним приветом и признательностью чуткой. Игорь Северянин."

При каких обстоятельствах Северянин встретился с четой Барановых – неизвестно. Но тот факт, что подаренные А.Д. и А.А. Барановым нумерованные сборники *Victoria Regia* и *Громокипящий кубок* оба имеют порядковый номер "2", свидетельствует о теплом характере их отношений. В архиве А.Д. Барановой хранится написанный рукой Северянина и датированный 1916-м годом "Пропуск на 4 места 1-го ряда на все мои поэзовечера в Москве Августе Дмитриевне Барановой". Судя по письму Северянина от 5 мая 1929 г., этот пропуск использовался максимально: "Да, я помню, что Вы были на всех двадцати пяти моих вечерах в Москве" (47).

Последнее свидетельство о встрече А.Д. Барановой и Северянина относится к февралю 1918 г., когда Северянин на короткое время был в Москве. В архиве А.Д. Барановой сохранился список (рукой Северянина) стихотворения "Поэза последней надежды", датированный (по старому стилю) 16 февраля 1918 г. Судя по письму 90, это и было их последняя встреча.[52]

Кроме почтовой карточки 1916 г., сохранились еще два письма Северянина к А.Д. Барановой, относящихся к периоду ее жизни в России (2 и 3). Первое, написанное за три месяца до смерти А.А. Баранова в 1920 г., свидетельствует о том, что они давно не были в контакте ("не знаем – живете-ли вы теперь в Москве"). Надо полагать, что в ответ на это письмо последовало одно или несколько писем А.Д. Барановой, в которых она сообщала о смерти мужа и о предстоящем приезде в Ревель, т.к. следующее письмо Северянина (от 21 февраля 1921 г.) послано ей в эстонскую столицу, до востребования, откуда оно было переслано в Стокгольм.

По приезде в Стокгольм, А.Д. Баранова написала Северянину четыре письма, в которых, в частности, сообщала о своем желании приехать в Тойла (см. письмо 4). Но эта поездка не состоялась. На самом деле, А.Д. Баранова никогда больше не виделась с Северяниным, несмотря на его постоянные приглашения посетить его в Тойла и на то, что между Стокгольмом и Таллином было прямое пароходное сообщение. Надо полагать, что отказ А.Д. Барановой посетить Северянина в Тойла был связан с ее знакомством с Ф. Перно почти сразу по приезде в Стокгольм.

К сожалению, А.Д. Баранова, женщина весьма аккуратная, одаренная великолепной памятью, написавшая воспоминания о троюродной сестре Северянина, А.М. Коллонтай, и о других, ничего не писала о своем знакомстве с Северяниным. Не сохранились и ее письма к нему, только несколько десятков открыток (приводящихся в комментариях). Но письма Северянина к ней показывают, какую огромную роль для его материального благополучия играла эта женщина, которая в течение многих лет просто содержала Северянина и его семью.[53] И благодаря А.Д. Барановой, всю жизнь бережно хранившей память о своем друге, мы можем сегодня соста-

вить себе очень подробное представление о зарубежном периоде жизни и творчества Игоря Северянина.

Бенгт Янгфельдт Рейн Круус

Примечания

[1] Об этом Северянин упоминает в автобиографическом романе *Роса оранжевого часа* : "Мы жили в Гунгербурге, в Стрельне, / Езжали в Царское Село."

[2] "Триолеты Сологуба, написанные им в Тойле", *Вести дня*, 1934:194, 21 авг.

[3] Иеве - поселок и железнодорожная станция недалеко от Тойла. Кавычки в последнем названии отражают любопытную черту орфографии Северянина - ими он снабжает топонимы "интимные", близкие к современному понятию микротопонима, функционирующего "в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта" (Н. Подольская, *Словарь русской ономастической терминологии*, М. 1978, стр. 86).

[4] Об адресате посвящения Северянин упоминает также в письме Л.Н. Афанасьеву от 1 авг. 1912 г.: "3-го мы уезжаем в Иевве ‹sic›, в 2 1/2 ч. езды от Веймарна, в сторону к Ревелю: там живет Евдокия Андр. Ланина, которая нас очень приглашала" (ЦГАЛИ, ф. 2571, оп. 1, ед. хр. 342). У Ю.Д. Шумакова сохранился экземпляр сб. *Victoria Regia* (изд. 1916 г.) с дарственной надписью Елисавете Ильиничне Ланиной. Других сведений о Е.А. и Е.И. Ланиных обнаружить не удалось. (Нет даже полной уверенности в правильности фамилии; почерк Северянина допускает и прочтение Лапина.) Можно только предположить, что это им адресовано вошедшее в сб. *Златолира* стихотв. "Светосон", датированное "1910 С.-Пб." и имеющее посвящение "Девушкам 'Тойлы'".

[5] Ср. в письме к Г. Шенгели от 12 сент. 1927 г. (в архиве Ю.Д.Шумакова):"С 28 янв. 1918 г. я живу постоянно на берегу Финского залива. Мой адрес неизменен: Eesti. Toila. Postkontor. Igor Severjanin."

[6] Игорь Северянин, "Визит полпреда", *Вести дня*, 1939:198, 1 сент. Сокращенная перепечатка: *Огонек*, 1987:43, стр. 24.

[7] Ср. восп. о посещении им в феврале 1918 г. московского "Кафе поэтов" в Настасьинском переулке: "Однажды кафе посетил Северянин. [...] В военной гимнастерке, в солдатских сапогах, он был обрюзглив и надменный. Его сопровождала жена - 'тринадцатая и, значит, последняя'. Заикающийся, взлохмаченный ученик, именовавшийся почему-то 'Перунчиком'[= Петр Ларионов]. И еще какие-то персонажи. [...] Северянин пустил вперед 'Перунчика'. Тот долго представлялся публике. Читал стихи Фофанова и Северянина, посвященные ему самому. [...] Опустившийся, диковатый и нетрезвый, читал он неинтересно и вяло. Был пьян и сам Северянин. Мутно смотрел поверх присутствующих в пространство, выпевал въевшийся в уши мотив. Казалось, он не воспринимает ничего, механически выбрасывая хлесткие фразы. Вдруг покачивался, будто вот упадет. Нет, кончил. И, не сказав ни слова прозой, выбрался из кафе со всей компанией" (С. Спасский, *Маяковский и его спутники*, Л. 1940, стр. 104-105).

[8] См. изданный 26 марта 1918 г. в Петрограде информационный листок *Teated Kodumaalt* и газету *Eesti Päevaleht Peterburis* (1918:10, 12 мая).

[9] В. Катанян, *Маяковский. Хроника жизни и деятельности* , М. 1985, стр. 142. Поскольку календарная реформа была проведена большевиками, следование тому или иному стилю имело и идеологическую окраску. Переход на новый стиль явно не соответствовал бы подчеркнутому аполитизму Северянина. Примечательно, что столь педантичный в датировках Северянин в первые годы жизни в Эстонии вообще избегал указывать точные даты создания стихотворений, в лучшем случае отмечая месяц и год написания.

[10] Автограф "Увертюры к т. VIII" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1) помечен "Toila. 4 апр. 1918 г.", но это, видимо, дата старого стиля, т.е. 17 апреля 1918 г.

[11] Ср. рец. Н. З‹ахарова›-М‹енского› в газ. *Слово*,1918:6. 29 (16) апр.

[12] Ср. рец. в журнале *Знамя труда*, 1918:1 (июнь). Предисловие сборника датировано мартом 1918 г.

[13] А. Блок, *Записные книжки*, М. 1965, стр. 423. Речь идет о Первой Государственной Типографии, где издательством Земля печатались тома *Собрания поэз* Северянина, а также книга *Театр* и двухтомник *Стихотворения* Блока.

[14] Igor Severjanin, "Kolm luuletust", *Postimehe Lisa*, 1918: 4.

[15] *Postimees*, 1918:155, 4 сент.

[16] *Postimees*, 1918:200, 26 окт.

[17] В., "К выступлению Игоря Северянина на концерте бывшем 22 марта", *Ревельское слово*, 1919:96, 26 марта.

[18] О первых годах жизни Северянина в Эстонии см. подробнее: R. Kruus, "Eesti ja Igor Severjanin", *Looming*, 1987:5, стр. 682-684.

[19] ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 3, л. 82-82 об. Естественно, эти подсчеты условны, не все числа сходятся; в частности, есть расхождения между данным перечнем и списками выступлений в книгах *Адриатика* и *Crème des Violettes*.

[20] См. С. Рахманинов, *Литературное наследие, т. 3, Письма*, М. 1980, стр. 406; ср. письмо Татьяны Рахманиновой Северянину от 26 июля 1926 г. (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 26).

[21] А. Формаков, "Встречи с Игорем Северяниным", *Звезда*, 1969:3, стр 178.

[22] Размер этих субсидий, отпускавшихся по ведомству Министерства народного просвещения, точно установить трудно. Так, например, в газете *Вести дня* (1926:38, 7 нояб.) сообщалось о присуждении Северянину 35 000 марок (350 крон) стипендии, в архивных же материалах значится, что ему за финансовый год 1926/27 выплачено лишь 200 крон. В сводной таблице выплат из культурного капитала с 1925 г. по 15 марта 1940 г. указано, что Северянину в 1926-1931 и 1937-1940 гг. в общей сложности было отпущено 2296 крон 50 центов, при этом сумма выплаты за 1939/40 г. 500 крон карандашом исправлена на 525 - с учетом этой поправки общая сумма возрастает до 2321 кроны 50 центов. Вообще же представляется, что Северянин в качестве субсидий эстонского государства получил скорее больше чем меньше названной суммы, ибо часть выплаченных ему денег по всей видимости была проведена по другим графам расхода.

[23] См. анонсы: *Старый Нарвский Листок*, 1926:12, 2 февр.; *Последние Известия*, 1926:25, 2 февр.

[24] Вести дня, 1927:76, 19 марта; ср. Н. Николин, "Преображенный свет. Об Игоре Северянине", *Последние Известия*, 1927:69, 19 марта.

[25] К., "Концерт И.Ф. Филиппова в Гунгербурге", *Наша газета*, 1927:109, 2 авг.

[26] "Игорь Северянин в Юрьеве", *Вести дня*, 1927:290, 26 окт.

[27] А. Формаков, *ук. соч.*, стр. 181.

[28] См. "На докладе Игоря Северянина о поэтах начала XX века", *Вести дня*, 1938:16, 21 янв.

[29] См. *Вести дня*, 1938:52, 5 марта; *Старый Нарвский Листок*, 1938:28, 11 марта; *Русский вестник*, 1938:20, 12 марта; *Uus Eesti*, 1938:89, 30 марта; *Raadioleht*, 1939:7, 16 февр.

[30] О состоявшемся 6 мая 1938 г. вечере в Кивиыли Северянин говорит в письме Ф. Крут от 8 мая 1938 г. (ОР Лит. музея им. Ф.Р. Крейцвальда АН ЭССР, ф. 216, к. 2:1, л. 52).

[31] Ср. К. Россонский, "Игорь Северянин изменил Тойле. Письмо из Сааркюля", *Вести дня*, 1938:171, 1 авг.

[32] "Торжественное чествование Игоря Северянина", *Вести дня*, 1940:61, 15 марта.

[33] "Игорь Северянин серьезно заболел", *Вести дня*, 1940:90, 22 апр.

[34] Т.Б., "Письмо из Нарва-Иоезу", *Вести дня*, 1940:107, 15 мая.

[35] Л.С., "Игорь Северянин пьет только фруктовые соки", *Вести дня*, 1940:125, 5 июня.

[36] В. Рождественский, "Игорь Северянин", в кн.: Игорь Северянин, *Стихотворения*, Л. 1975, стр. 32.

[37] В выпущенном в малой серии Библиотеки поэта сборнике Северянина *Стихотворения* и ряде других изданий текст стихотв. "Привет Союзу!" приведен не по первой публикации, а по перепечатке в журн. *Красная новь* (1941:3), где без ведома автора опущена вторая строфа.

[38] См. также Е. Коркина, "Георгий Шенгели об Игоре Северянине", *Таллин*, 1987:3, стр. 89-92.

[39] ЦГАЛИ, ф. 2861, оп. 1, ед. хр. 119, л. 3.

[40] См. *О Всеволоде Рождественском. Воспоминания. Письма. Документы*, Л. 1986, стр. 126-128.

[41] *Eesti Sõna*, 1941:17, 21 дек.; *Postimees*, 1941:139/140, 24 дек. Факт появления этих заметок плохо согласуется с распространяемым многими авторами мнением о "преследовании" Северянина во время немецкой оккупации.

[42] П.В. Сытин, *Из истории московских улиц*, М. 1958, стр. 323-324. На литографии С. Дитца (ок. 1840 гг.), изображающей Мясницкие ворота и Почтовый двор, хорошо виден уставленный жерновами Кабанова двор (см. *Москва в изобразительном искусстве*, М. 1959, илл. 43).

[43] Книга была подарена А.Д. Барановой сыну Асафу в день его рождения в 1933 г.

[44] См. *Наблюдения над колебанием ударения в русском глаголе. Фонетическо-семасиологическое исследование Сигурда Агреля*, Stockholm 1917 (Archives d'Etudes Orientales, Vol. 12, Nr. 18). Агрель был делегатом шведского правительства по оказании помощи немецким военнопленным в Казани и был аккредитован при шведском посольстве в Петрограде.

[45] Per Emil Brusewitz приехал в Россию в июле 1917 г. с рекомендательным письмом от лидера шведских социал-демократов, Яльмара Брантинга, к А. Керенскому. Он хорошо владел русским языком и с большим интересом следил за развитием русской революции. Он вернулся в Швецию в 1918 г., и ездил потом в Россию чуть ли не ежегодно. В записной книжке от 1920 г., среди телефонных номеров Воровского, Радека и др., записан и телефон А.Д. Барановой (Arbetarrörelsens Arkiv, Stockholm, Per Emil Brusewitz' fond, vol. 60). Brusewitz - автор многих книг о советской России, в том числе *Det röda zarriket (Intryck och erfarenheter från en resa i Ryssland* 1920*)*, Stockholm 1920.

[46] Assaff Baranoff, "Min mor". Рукопись. Архив Б. Янгфельдт.

[47] Воспоминания А.Д. Барановой. Написаны на немецком языке в 1972 г. Хранятся в архиве А. Баранова, Стокгольм.

[48] *Там же.*

[49] Знакомство с А.Д. Барановой, видимо, было крупным событием в жизни чекиста Казакова. Через три года, в 1924 г., он передал ей привет через одну русскую женщину, ехавшую в Швецию: "Три года назад я встретил женщину, я виделся с ней всего 20 минут в своей жизни, но я думаю о ней, не могу ее забыть, такое сильное впечатление произвела она на меня" (*там же*).

[50] При получении нужных для выезда документов, А.Д. Баранова должна была подписаться под удостоверением, согласно которому она обязывается не вернуться в РСФСР. "Я была в восторге от содержания этого удостоверения [...]. Оно полностью соответствовало моему желанию. И с величайшей радостью, м.б. даже немного вызывающе или нагло подписала я три раза мою фамилию: Баранова, Баранова, Баранова" (Воспоминания). Она действительно никогда не вернулась в СССР, даже туристом.

[51] Воспоминания А.Д. Барановой.

[52] В этом списке стихотворение посвящено А.Д. Барановой и датировано 12 дек. 1917 г. Это датировка совпадает с датировкой в сб. *Поэзоконцерт* (1918), между тем как в сб. *Миррэлия* (1922) стихотв. датировано "1917. ноябрь".

[53] Надо полагать, что именно об А.Д. Барановой идет речь в процитированном Ю.Д. Шумаковым высказывании Северянина: "Не только у Чайковского была фон Мекк, и у Северянина есть сейчас меценатка [...]" (Ю. Шумаков, "Из воспоминаний об Игоре Северянине", *Звезда*, 1965: 3, стр. 194).

Письма 1916-1938

1

8. XI. ‹1›916

М‹ария› В‹асильевна›[1] и я приветствуем Августу Дмитр‹иевну›, Веру Георг‹иевну›[2], Марию Асаф‹ьевну›[3] и Вас, милый Асаф Асафович[4], – всех Вас, светло любящих искусство! Ваш Георгиевский пер.[5] напоминает мне мою Гатчину[6], и я с отрадою вспоминаю его и гостеприимный особняк, так элегантно заброшенный в Москве и вне ее...

Ваш И. Лотарев

2

Мария Васильевна и я шлем Вам и Асафу Асафовичу наши воспоминания, искренние приветы и просим поскорее откликнуться, так как не знаем – живете-ли вы теперь в Москве.[1] Когда получим от вас известия, напишем подробнее. Адрес: Эстония, Eesti, Toila-postkontor, Igor Severjäänin'ile.

Как поживает милый Макар Дмитриевич[2]? Передайте ему сердечный поцелуй.

Итак, в ожидании Ваших строк

Игорь.

Toila, 23. IV. 20 г.

3

Я ничего не могу написать Вам теперь, кроме одного: когда приедете в Ревель, дайте знать: немедленно приедем к Вам и тогда лично выразим все наше горе, нашу тоску, нашу боль за Вас, светлая-светлая![1]

Благоговейно склоненный перед Вашей Великой Любовью, смерть побеждающей,

Игорь.

Toila, 21 февр. 1921 г.[2]

4

Toila. 5 июня 1921[1]

Светлая Августа Дмитриевна!

Все Ваши письма (их всего 4) получены мною. Не отвечал же я потому, что с 11-го марта по 29 апр. мы с М‹арией› В‹асильевной› уезжали из Эстии – сначала были в Риге, а из Латвии проехали в Литву, где дали вечера в Ковно и Шавляве[2]. В Ковно прожили 27 дней. Всего же за это время дали 3 вечера (1 в Риге). В январе мы уже один раз побывали в Риге, где было тогда дано 2 концерта.[3] Весь май прошел в поездках по Эстии – по докторам, т.к. здоровье М‹арии› В‹асильевны› весьма расшатано за последние годы. Она и всегда-то была малокровна и слаба, перенесенные же за это трехлетье невзгоды сильно отразились на ней. Теперь мы на-днях вернулись из Дерпта (я дал там попутно концерт)[4], и вот я, извиняясь перед Вами, дорогая и хорошая, за вынужденное долгое молчание, с особым удовольствием пишу Вам. Нас очень обрадовало известие, что Вы приедете в Тойлу – в нашу очаровательную, прелестную, пленительную! Да, обязательно приезжайте и дождитесь нас там: я подписал условие с ковенским импрессарио[5] на Берлин, и на этих днях мы туда уезжаем. Дней через 8-12, вероятно. Пробудем в Германии неделю-другую.[6] Возможно, побываем и в Париже. Вернемся во всяком случае не позже 1-7 июля. Поэтому очень просим Вас: обязательно нас дождитесь в Тойле. Когда Вы будете в Нарве, дайте моей маме (Наталии Степановне Лотаревой, Toila, Severjäänin) телеграмму, и она вышлет на станцию (7 в‹ерст›) кабриолет и пони. Кучер – Николай Николаевич Фридрихсен, бывш. управл. имения под Сиверской. Приятно, правда, проехаться в Берлин и Париж, но летом, когда здесь так чудесно, обидно уезжать отсюда. С большим удовольствием бы поехал осенью. Но условие уже заключено, теперь поздно переделывать его. Целые дни мы проводим в природе. Ходим за 3-5 верст в леса. Я постоянно ловлю форелей. Это такое громадное удовольствие – рыбная ловля. Пишу много: за 3 1/2 года написал четыре тома. Посылаю Вам одну из трех вновь выпущенных в Эстии книг. Издание эстонского изд-ва "Odamees" в Юрьеве.[7] Две другие передам лично, т.к. в настояшее время их у меня нет. Т. XII ("Менестрель") печатается в Берлине у Закса.[8] Вскоре выходит.

Итак, ожидаем Вас к себе непременно. Очень и очень хотим Вас, как всегда, видеть. Телеграфируйте из Стокгольма, когда выезжаете. Возможно, что еще застанете нас здесь до отъезда нашего. Отвечу телеграфно, когда выяснится день отъезда. Целую Ваши ручки. Марии Асаф‹ьевне› и Вере Асаф‹ьевне›[9] прошу передать наш сердечный вспомин. М‹ария› В‹асильевна› обнимает Вас крепко. Пишите. Асаф Асафович постоянно с нами, мы всегда говорим о нем, как о живом.

Сердечно Ваш

Игорь.

5

Мы очень удивлены, дорогая Августа Дмитриевна, что до сих пор не получаем от Вас телеграммы, в которой Вы сообщали бы нам о дне Вашего в Эстию приезда. Получили ли Вы мое заказное письмо и "Вервэну".[1] Поездка в Берлин отложена до поздней осени, поэтому мы проведем все лето в Тойле и будем Вам всем сердцем рады. Приезжайте непременно: здесь очень красиво, благостно и интимно.

У меня к Вам большая просьба: в Стокгольме – "Северные огни" Ляцкого[2]. Это издательство, кажется, поставлено на хорошую ногу. Я прилагаю к этому письму библиографию, которую было бы желательно показать заправилам.[3] Хотелось бы знать – сколько и какие именно книги пожелает Ляцкий приобрести и на каких условиях. Особо дорожиться не приходится, т.к. весьма и весьма стеснен в средствах. Аванс в какую-нибудь тысячу шведских крон меня весьма бы устроил. Непосредственно же к нему обращаться считаю не очень удобным: в этом несколько дурной тон.

Если эта просьба Вас не затруднит, Вы меня исполнением ее много обяжете.

Пишите, не забывайте нас, приезжайте. Целую Ваши ручки. Привет Марии и Вере Асаф‹ьевне›.

М‹ария› В‹асильевна› Вас крепко целует, Ваших приветствует. Здоровье ее меня более, чем тревожит.

Сердечно Ваш

Игорь.

Toila, 5. VII.1921.[4]

6

Тойла. 13 окт.1921 г.

Светлая Августа Дмитриевна!

Все письма Ваши, – милые, сердечные, интересные, – я получил. Я не отвечал Вам своевременно, – я переживал тяжелое. Теперь мы расстались, на-днях я уезжаю в Берлин, оттуда в Париж и южнее.[1] Неделя назад, как я вернулся из Ревеля, где провел полтора месяца. Я гастролировал там в "Mon repos" (5 гастролей)[2] и один раз выступил в "Драма-театре"[3].

Со мною в Берлин едет эстийская поэтесса Фелисса Крут, моя невеста[4]. Она – девятнадцатилетняя очаровалка. М‹ария› В‹асильевна›, за семь лет не пожелавшая меня понять и ко мне приблизиться, снова одинока. Я жалею ее, но виноватым себя не чувствую. Вы знаете сами, что давно уже все шло к этому. Жить с поэтом – подвиг, на который не все способны. Поэт, пожертвовавший семью годами свободы своей во имя Любви и ее не обревший, прав прекратить в конце концов принесение этой жертвы, тем более, что никому она и не нужна, ибо при 'нужности' была бы призна-

тельность и более бережное отношение. Я благодарен Балькис[5] за все ее положительные качества, но одно уже отрицательное – осуждение поэта – изничтожило все хорошее.

Да, я пережил честно боль, – я имею право на успокоительную отраду. Возможны новые разочарования, – я очарован сегодняшним, и что мне до завтра![6]

С искренним к Вам влечением

Игорь.

Buchhandlung Heinrich Sachs. Berlin, Wilhelmstrasse 20. Für Igor Severianine.

7

Toila, 29. XII.1921 г.

Светлая Августа Дмитриевна!

Вчера я получил Ваше письмо – № 11. Мне до сих пор не удалось выехать за границу. С 13.Х., когда я последний раз писал Вам, произошли события: 13 ноября я потерял мать[1]. Она скончалась в полной памяти, уснула тихо. Лежала 12 дней, не болела вовсе, только ничего не ела.

20.XI. я выехал в Ревель, где пробыл 6 дней. Оттуда – в Юрьев. Дал 14.XII. концерт.[2] В Тойлу вернулся только 24.XII. 21.XII. женился в Юрьеве на молодой, – ей всего 19 лет, – эстийской поэтессе[3]. Теперь живу в Тойле у нее в доме. В Эстонии полная для меня безработица. 2.I. конц‹ерт› в Нарве, оттуда еду в Гельсингфорс[4] , после – на Запад.

В настоящее время занят переводами эст‹онских› модернистов.

Всегда пишите на Тойлу: Это – адрес постоянный. Я буду писать отовсюду.

Письмам Вашим всегда душевно рад.

Целую Ваши ручки.

Ваш Игорь

8

Eesti. Toila.12 июня 1922 г.[1]

Я был душевно обрадован, дорогая Августа Дмитриевна, получив Ваше письмо от 4.VI.[2] Открытка Ваша, о которой Вы теперь сообщаете, затерялась. Она служила ответом на мое письмо от 22.II.Не получая с тех пор от Вас известий, я очень беспокоился, не зная чему приписать Ваше молчание – тому ли, что Вы больны, тому ли, что Вы куда-нибудь уехали. Но то, что Вы живы и здоровы и так блистательно двигаетесь по службе[3],

меня очень, повторяю, обрадовало, и я с удовольствием пишу Вам немедленно, т.е. 10.VI., в день получения Вашего письма. Однако, пойдет это письмо только в понедельник, оттого я и поставил дату дня отправления: по воскресеньям у нас за почтой не ездят. Я только что вернулся с женой с рыбной ловли, и мне подали Ваше письмо. Целые дни провожу на реке. Это уже со 2-ого мая. 5-ый сезон всю весну, лето и осень неизменно ужу рыбу! Это такое ни с чем несравнимое наслажденье! Природа, тишина, благость, стихи, форели! Город для меня не существует вовсе. Только крайняя необходимость вынуждает иногда меня его посещать. С 10 янв. я в городе не был. Это очень благотворно на меня повлияло в смысле продуктивности творчества, и в результате – много новых рукописей. За это время прибавилось 4 книги: т. XV ("Утесы Eesti" – антология эстийской лирики за 100 лет)[4], т. XVI ("Предцветенье" – книга стихов Марии Ундэр, королева эст. поэтесс)[5], т. XVII ("Падучая стремнина" – роман в 2-х частях белыми стихами)[6], и т. XVIII ("Литавры солнца" – стихи[7] ‹далее кусок письма отрезан получателем›) не имею всех этих книг, чтобы выслать их Вам, мой дорогой старый-молодой друг: Вы так всегда интересно интересовались моим творчеством, что послать Вам книги свои было бы для меня громадным удовольствием, уверяю Вас. Увы, я имею их только по экземпляру. Но я сообщу Вам адреса. Возможно, Вы их получите от издат‹елей›. Адрес Кирхнера: Berlin, W 35. Genthiner Strasse 19, Otto Kirchner Co., G.m.b.H. Verlags-Buchhandlung.[8] Книги стоят по 40 герм. м., в перепл‹ете› 55. Адрес Закса: Berlin SW 48, Wilhelmstrasse 20, Russische Buchhandlung Heinrich Sachs.[9] Думаю, у него найдется и "Amores", изданный в Москве.[10] Итак, я сижу в глуши, совершенно отрешась от "культурных" соблазнов, среди природы и любви. Знакомств абсолютно никаких, кроме племянника в‹иц›-адм‹ирала› Эссена – Александра Карловича, инженера-техн‹ика›, служащего в 18-и верстах от Тойлы в Järve архитектором на заводе. Он приезжает к нам почти еженедельно. Большой мой поклонник, тончайший эстет. Переписываюсь только с Мадлэн[11], Златой[12], Башкировым[13], Северянкой и братом Эссена, живущ. теперь в Америке. Вот и все знакомые. С местными – шапочное знакомство. Да еще в Dorpat'e есть чуткая изящная душа – Борис Васил. Правдин[14], прив.-доц. Юрьевск. универс., поэт, чудный человек. Он собирается в июле на мес‹яц› ко мне. Только что потерял жену-француженку. Олег, его 5-тилетний сын, сказочной красоты ребенок. Я постараюсь доставить Вам его карточку. Я произвел Эссена, Башкирова и Правдина в принцы – Лилии, Сирени и Нарциссов.[15] Они заслужили это – они слишком любят искусство. Мария Вас. служит в Ревеле в кабарэ – поет цыг‹анские› песни, хорошо зарабатывает. Мы не виделись с нею с ноября. Жена моя – хорошая, добрая, изящная. Боготворит меня и мое творчество, сама пишет стихи по эст. и по русски. Я посылаю Вам одно из ее русских стихотв.[16] Мне с нею очень легко и уютно. Беспокоит только меня ее здоровье: на-днях она готовится стать матерью, и чувствует себя очень слабой. Ей 20-ый год, и, м.б., это облегчит трудность ее положения. Что касается Вашей службы, я и радуюсь, и беспокоюсь за Вас одновременно. Конечно, Ваши успехи изумительны, цены высоки, но Вы совсем, совсем не бережете себя, мой далекий-близкий единомышленник ‹далее кусок письма отрезан получателем›. Так вы полагаете, что Миррэлия – на Готланде?[17] Не слишком ли это определенно для призрачного?.. О, доро-

гая и любимая, светло и дружески, скажу словами св. Мирры: "Все то, что выше жизни, зовется сном..."[18] Нежно и почтительно целую руки Ваши женственно-мужественные.

Душою Ваш неизменно

Игорь.

P.S. Я пришлю Вам "Поэзу о Иоланте" в ближайшем времени, так как "Тоста" в настоящее время нет у меня в доме.[19] Фелисса шлет Вам искренний привет.

Я хочу, чтобы Вы писали мне часто и много. С особенным удовольствием буду отвечать Вам: теперь я совершенно оправился от той жуткой нервозности, которая терзала меня жестоко в иных условиях, благодаря обществу иных людей. Моя жена действует на меня благотворно: я абсолютно свободен, она совсем не ревнива, современна, чутка, развита и талантлива. Все вместе взятое дает мне возможность петь, творить, поддерживать переписку с друзьями. Всего хорошего Вам. Пишите, пожалуйста. В сент. мы едем в Германию.

Иг.

9

Берлин, 23 окт. 1922 г.[1]

Светлая Августа Дмитриевна!

4-го октября я покинул Эстию, а с 6-го нахожусь в Берлине. Мои концерты состоятся в первых числах ноября.[2] Затем я еду, по всей вероятности, в Прагу и Белград, хотя один импрессарио зовет в Копенгаген, Стокгольм и Христианию.[3] Но это еще не наверняка, – он не уверен в сборах в Скандинавии. Мне безумно хотелось бы повидаться с Вами, мой друг: м.б., Вы приедете в Берлин, если мне не удастся к Вам? Перед отъездом из Toila я получил Ваше письмо из Германии и пожалел, что опоздал своим приездом. Я рад за Вас, что Вы отдохнули хорошо: Вы заслужили – о, более, чем заслужили! – этот отдых. Берлин меня утомляет, после глуши моей эстийской мне немного здесь трудно.

Мой верный рыцарь – Принц Сирени – поэт Борис Никол. Башкиров-Верин – 8-го приехал из Ettal (около Мюнхена), – где он живет с композ. С. Прокофьевым[4], – чтобы повидаться со мной. Он пробыл в Берлине 8 дней, и мы провели с ним время экстазно: Стихи лились, как вино, и вино – как стихи. Я встретил здесь много знакомых: Минского[5], Зин‹аиду› Венгерову[6], худ. Пуни[7], Василевского (Небукву)[8], Маяковского[9], Виснапу[10] и др. Раз пять был у Гзовской[11], с которой у нас установились с прошлого года сердечные и дружеские отношения. Она по-прежнему очаровательна целиком – эта лазурная художница! Устроились мы здесь, в смысле кварт‹иры›, превосходно: у нас большая, светлая комната в семействе, все удобства, даже уют, если хотите. Моя Злата[12] приготовила мне ее заранее.

Это тем более мило с ее стороны, что теперь здесь острый квартирный кризис. Нам с женою было очень грустно и досадно, что мы, не зная возможности заочного крещения, не обратились к Вам с нежной просьбой быть крестною матерью нашего Вакха[13]. Он, конечно, остался дома с бабушкой.

Мы просим Вас принять наши искренние приветы и лучшие мысли, к Вам направленные. Пишите по следующему адресу: Deutschland, Berlin N, Wolgaster Strasse, 6. Frau Eugenie Mennecke für Igor-Severjanin.

Целую Ваши ручки.

Душевно Ваш

Игорь.

P.S. Мой сердечный поцелуй дорогому Макару Дмитривичу.

Иг.

10

Berlin, 3. XII. ‹1922›[1]

Дорогая Августа Дмитриевна,

прежде всего от всей души благодарю Вас за Вашу фотогр‹афическую› карточку: мне так приятно было увидеть вновь Ваши черты, черты человека, душевно любящего искусство. Вы изменились, да! Переживания Ваши глубокие отпечатлели свой след на Вашем родном для меня лице. Но они же дали ему какое-то особое изящество, особую утонченность. Я благодарю Вас за Ваш подарок, я тронут им.

21-го ноября я дал в Зале Филарм‹онии› свой концерт. Единственный.[2] Зал бы переполнен. Овации напоминали мне Москву. Я доволен. Предлагают повторенние вечера, но, к сожал., я вынужден отклонить: герм‹анская› марка падает стремглавно, жизнь здесь дорожает неимоверно, и мы, пока у нас еще есть деньги на дорогу, спешим уехать домой. Неименье денежн‹ых› и энергичных импрессарио побуждает меня к этому – грустному для меня – шагу: я мечтал побывать везде, я мог буквально разбогатеть, т.к. имя мое до сих пор для публики магнитно, что мне показали Рига, Ковно, Берлин. Мой же импр‹ессарио› безденежен, беспаспортен, вял.[3] Вернувшись домой, я буду давать вечера в городах Эстии и этим существовать, т.к. книги свои я продал "Накануне" за 900 т‹ысяч› герм‹анских› мар‹ок›[4], деньги за 2 месяца прожил и купил необходимые вещи. К сожал., я не мог перевести в Эстию ничего, т.к. герм. марка ниже эстонской в 25 раз!..

В результате не знаю, что делать, ибо, за время моего в Эстии пребыванья, у меня накопилось долгов на 80 т‹ысяч› эст. мар. – все это по мелочам и все бедным труженикам-крестьянам. Госиздат дает мне за книги 250 крон[5], 250 крон любезно одолжила одна моя хорошая знакомая. Не

хватает для полной ликвидации долгов 500 крон. Если бы Вы, дорогая Августа Дмитриевна, выручили меня, я с такой нежной благодарностью приветствовал бы Вашу сердечность! Мне легче быть должным Вам, человеку близкому мне по духу и способному понять меня, чем людям, пусть добрым, но далеким, чужим.

Я не могу указать Вам точно срока, когда я смогу вернуть Вам просимую сумму, но я еще не так стар, не так забыт обществом и полон сил и юношеской энергии: заработать их, чтобы возвращать, хоть по частям, надежды не теряю. Т.к. мы с женою будем теперь в постоянных по Эстии разъездах, т.к. Toila наша – глухой и отдаленный уголок, самое лучшее – если Вы будете направлять корресп‹онденцию› на моего доброго друга – Марг‹арите› Карл‹овне› Кайгородовой[6] для передачи мне (Ревель, Эстония. Морской бульвар, 17. Дом и кв. Роттерман). Я буду держать ее в курсе своих скитаний, и она немедленно переправит мне Ваши письма. Всего хорошего, доброго и солнечного желаю я Вам от души. Фелисса ко мне присоединяется, сердечно приветствуя Вас.

Душевно Ваш Игорь.

P.S. Если Вас затруднит выслать 500, вышлите хотя бы 250, – и за это я буду Вам очень признателен: ведь, это 20 т‹ысяч› эст. ‹марок› – 1/4 долга, так безумно терзающего меня, накопившего пятью годами жизни в Эстии семью в 8 человек.[7] Теперь нас двое и долгов мы не делаем вовсе.

Самое лучшее – выслать чеком в заказн. письме непосредственно на Кайгородову без передачи мне: она получит и разменяет, и разошлет всем кредиторам. Список (кому сколько) у нее имеется. Одновременно пишу ей. Она поэтесса, замужем за сыном известн. проф. Кайг‹ородова›. Чудный человек. Душа, исполн‹енная› мистики.

11

10 янв. 1923 г.[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Маргарита Карловна[2] переслала мне Ваше письмо, за которое я не нахожу слов благодарить Вас.[3] Спасибо Вам сердечное, русское наше, за обещание доброе выслать просимое.[4] Получив от Вас сто крон в январе и столько же в феврале, я расплачусь незамедлительно с большей частью мучающих меня долгов, и, хотя Вы и не обязываете меня, в силу своих взглядов, отдачей, почту за счастье вернуть, когда сумею. Своим присылом Вы дадите мне хорошее настроение, а следовательно и новые стихи, т.к. я могу работать только в светлом и спокойном настроении.

Мы с женой приехали в Эстонию только 24-го утром на пароходе "Шаса". До сих пор устроить ни одного здесь вечера не мог, т.к., во-первых, все время отдыхал от мерзостного Берлина, а, во-вторых, не так-то легко найти и здесь устроителей. На-днях мне обещали устроить в Ревеле ве-

чер, веду переговоры с Юрьевом и Валком. Как только растает снег, мы с женой уедем на ст‹анцию› Sonda, в 36-ти верстах от Тойлы, где наймем маленькую хижину на берегу очаровательного озера Uljaste (Ульястэ). Мы проведем там все лето, ловя рыбу и занимаясь поэзией. Там всего четыре избушки, от станции 3 версты по лесной тропинке. Озеро 12 верст в окружности. Высокие лесистые берега. Ни души. Масса грибов, ягод, рыбы. Продукты очень дешевы и свежи. Но для этого я должен теперь много работать, чтобы скопить к лету необходимую для проведения его сумму в 15 т‹ысяч› эст. м. Повторяю, я работы не страшусь, но, к сожал., ее нет почти из-за отсутствия настоящего импрессарио. Часто с отрадою вспоминаю Долидзе: вот это был энергичный человек![5] Осенью мы поедем в Россию.[6]

Вы нас очень обрадовали, дорогая и милая Августа Дмитриевна, своим обещанием приехать к нам в Тойлу на Пасху. Ждем Вас с искренним и восторженным нетерпением. Напишите, когда выедете, я приеду в Ревель Вас встретить. В настоящее время я готовлю к печати новый сборник – "Литавры солнца".[7] Вскоре пришлю Вам только что вышедший в свет альманах "Via Sacra", где помещены три мои пьесы. Альманах издан в Юрьеве изд-вом Бергмана.[8] Я был так рад, так доволен получить от хорошего Макария Дмитриевича такое чудное письмо. Передайте же ему мои самые сердечные воспоминания. Завтра я пошлю ему на Москву большое письмо.

Жена моя просит передать Вам ее признательный привет и благодарность за Вашу отзывчивость. Маленького Асафа мы целуем. Примите от меня маленький дар – стихи, возникшие сегодня внезапно в моей душе и немедля запечатленные мною для Вас и Вашего сына.[9]

Душевно Ваш

Игорь.

P.S. Что касается перевода на Кайгородову, лучше всего чеком на Eesti Pank, но я, право, плохо осведомлен – кронами или марками это возможно. Думаю, что выдадут марками, по примеру других стран. Из Германии, напр., выдавали осенью эст. марками.

Иг.

Продолжайте писать пока, пожалуйста, на Кайгородову.

Иг.

12

Toila, 7 февраля 1923 г.[1]

Дорогая Августа Дмитриевна,

вчера из Ревеля перевела мне Маргарита Карловна деньги, полученные ею от Вас, и я целую Ваши ручки: благодарность Вам сердечная еще раз. Вы меня выручили из трудности, – благодаря этому присылу сумма моего долга сократилась на 9.000 эст. мар., и это радует меня, как ребенка: Вы даже себе представить не можете, как тяжело, противно должать, а тем более людям, стоящим по положению и развитию с Вам‹и› не в уровень...

Живу по-прежнему в доме матери моей жены, живу на всем готовом, пользуясь большим вниманием и заботливостью. За месяц она берет с меня за все – дрова, стирка, комната, великолепный, простой, но питательный, стол – всего 3.000 эст. мар., – как видите очень дешево. В таких дивных условиях я могу в той-же степени и работать, что я и делаю с наслаждением. Так, напр., в январе я написал книгу стихов в 140 стран‹иц› и новый роман в стихах в 85 стран‹иц›.[2] К сожал., я не в состоянии, не имея постоянного заработка, платить ежемесячно даже такую мизерную сумму, и поэтому задолжал ей около 20.000. Вчера, когда я получил от Вас деньги, я отдал ей 6.000. И этот долг – самый главный, т.к., не уплачивая ей, я, вообще, не могу никак существовать, ибо она – бедная труженица, ничего, кроме двух дач, – из которых одну сдает по 300 м‹арок› в м‹есяц›, а в другой мы сами живем, – не имеющая. Лично у нее никаких заработков нет, т.к. все свое свободное время она отдает нашему Вакху, вполне заменяя ему родную мать. Ему пошел уже седьмой месяц, и это – здоровый, полный, веселый, яркощекий ребенок. Сидит уже, не сгибаясь, все что-то щебечет, смеется постоянно. Итак, я задолжал ей большую сумму, и она, в свою очередь, чтобы содержать нас, задолжала односельчанам. Как видите, получился некий круговорот, из которого почти нет выхода... И это положительно убивает меня. Все, что зарабатываю, идет на погашение долга, и ничего на жизнь не остается. Мы буквально ничего лишнего себе не позволяем, я не пью абсолютно ни капли вина (ни дома, ни в гостях), и все-же выбраться из затруднения немыслимо. Необходима помощь извне, чтобы погасить прошлое. Тогда нам будет легко и благостно, ибо мы – люди скромные, любящие природу, искусство и свободу. Никаких изысков, дорого стоящих и ничего, кроме разочарования не дающих, не нужно нам. И если-бы Вы, Августа Дмитриевна, дорогой друг мой и моего творчества, прислали в феврале или марте еще столько-же, Вы чрезвычайно облегчили бы мое положение, из которого пока нет выхода, т.к. концерты теперь никто устраивать не хочет, не имея денег и энергии.

Из присланных Вами денег я отдал еще 2.000 М.К. Кайгородовой, которая в настоящее время очень стеснена в деньгах. Этим износом я погасил свой ей долг целиком. Себе оставил только тысячу, с которой сегодня еду в Юрьев пробовать устроить там вечер. Вскоре я вернусь домой, поэтому письма свои направляйте, пожал‹уйста›, на Toila. И если вздумаете прислать деньги, прямо чеком на мое имя. Дорогая Августа Дмитриевна, как больно мне писать Вам все это – такая удручающая прозность, не ос-

тается места ни для чего отвлеченного. Вот если Вы приедете к нам на Пасху, тогда наговоримся и начитаемся вдоволь! И вовсе не будем говорить о противных, ненавистных деньгах. Мы с Фелиссой предложим Вам пойти к морю, в парк, на нашу изумительную Флаговую гору, и там Вы услышите песни нашей Природы в моем исполнении. Вам понравится Toila – о, за это я ручаюсь!

Сегодня я высылаю Вам "Via Sacra"[3]. Жду вскоре Ваших писем. Жена, ее мать и Вакх – все Вас сердечно приветствуют. Я писал тогда-же Макарию Дмитриевичу, но до сих пор ответа не имею, что меня несколько тревожит: получил ли он мое письмо.

Всего доброго Вам и солнечного, мой друг истинный.

Душевно Ваш

Игорь.

1 3

Toila, 13.II.1923 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

в великолепный морозный солнечный день пишу Вам грустные и мрачные новости. Как это досадно! Как хотелось бы сообщить что-нибудь бодрое, хорошее, но, увы!

Я съездил в Юрьев, оттуда в Ревель, – третьего дня вернулся в нашу любимую мною глушь, вернулся обескураженный людской черствостью и отчужденностью, вернулся со станции пешком, восемь верст неся чемодан с концертным костюмом и проч., изнемогая от усталости...

Никто и нигде не может теперь-же устроить ни одного вечера – вот результат моих хлопот. Один не имеет средств для начала, другой не имеет времени, третий не имеет желания, четвертый... Одним словом – удачей моя поездка не сопровождалась.

Многие обещают, оттягивают, что-то мямлят. Но я так хорошо знаю цену этим обещаниям!... А жизнь не ждет. Что мне пришло в измученную нуждой голову, которая, при малейшей удаче, могла бы быть такой ясной и творческой в с е г д а: не сумели ли бы Вы поставить "Плимутрок"[1] в Вашей библиотеке, приняв участие в этой комедии и раздав роли своим сослуживцам? Надо думать, что сбор дал бы несколько сот крон, а это так меня выручило бы из моего мрачного положения. Как был бы я рад, как счастлив хоть временно передохнуть от одолевающей меня безработицы, чтобы отдаться всецело творчеству и природе! Забыл Вам сказать в прошлом письме, что за последнее время от всех неприятностей и тревог, у меня развивается болезнь сердца, и по ночам, в бессоннице, я испытываю едкие муки, трудно передаваемые словами. А как все могло бы быть славно, ведь я, в общем, здоров и бодр! Ведь я певец солнечной ориентации, я по существу не нытик. Как, кстати, нравится Вам мой "Плимутрок"? Меня очень интересует Ваше мнение, ибо Вы – женщина чуткая,

большая интуитка. В ближайшие дни, по совету одного доброго знакомого эстонца, занимающего в Ревеле крупный пост, я думаю приступить к переводу книги эстонского народного эпоса – "Калевипоэг"[2]. В ней – 18.000 стихов, так что работа эта явится капитальным, как видите, трудом, и на это потребуется не меньше шести-восьми месяцев. Тогда я получу очень крупную сумму, но до того времени... страшно и подумать! Да и вообще трудно работать, когда душа омрачена. А я так близко принимаю все к сердцу, да и как могло бы быть иначе: острые переживания дают острые произведения, не так ли?... Напишу Вам как-нибудь более в бодрых, весенних тонах, а пока целую Ваши ручки, от всего сердца приветствуя Вас, дорогая Августа Дмитриевна. Feliss просит сердечно кланяться Вам. Вот мой друг хороший и чуткий – моя жена! Как я глубоко ей за ее нежность и ободрения меня постоянные признателен, если бы Вы знали! Она воистину бережет меня, эта женщина-ребенок! Не дает унывать мне окончательно, спасибо ей. Только и есть у меня два друга истинных: Вы и она.

Напишите, Августа Дмитриевна, напишите мне что-нибудь бодрое, светлое, как Вы умеете, – и сколько новых стихов услышит мир!... Не забывайте искренне к Вам расположенного, ценящего Вашу отзывчивость и ласку поэта, сильного в прошлом и – твердо верю в это! – и в будущем!

Душевно Ваш

Игорь.

14

Тойла, 19.III.‹1923›[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Ради Бога, что с Вами? 7.II. и 13.II. послал Вам 2 заказн. письма[2], 7.II. послал "Via Sacra", – и от Вас ни слова! Здоровы-ли Вы? Не уехали-ли куда-нибудь? Беспокоюсь, откликнитесь. Положение мое без перемен к лучшему, наоборот: с тех пор не заработал ни марки. Положение осложняется: кредитор из купцов грозит судом. И долг-то небольшой: всего 16 т‹ысяч› эст. м.! Но взять негде абсолютно. Здоровье расшатывается окончательно. Дни и ночи только и думаешь об одном позоре – невозможности отдачи немедленной. И тут еще торопят. Есть от чего с ума сойти. И несмотря на этот отчаянный ужас, все-же усиленно работаю. Не удивительно-ли? Но сбыта нет. Да, пока сбыта нет. Ребенок заболел глазами, жена от малокровья изнемогает, но помочь бессилен и ребенку, и жене. Не хочется даже говорить на эту тему: так скверно. Но пишите хоть что-нибудь: Ваше молчание так беспокоит меня. Я пугаюсь: не обидел ли я Вас чем-нибудь случайно? Быть может, расстроил Вас своими невзгодами? Тогда простите, – впредь не буду касаться этой темы. Писал же Вам на правах дружбы, откровенно. Просил, если можно, в долг. Имея 20 том‹ов› тиражных книг, думал, что со временем возвращу с признательностью. Обращаться к чужим не умею. Вас же чужою не считаю. Книги мои – капитал, временно

ничего не дающий. И есть – и нет. Целую Ваши ручки, жена Вас приветствует.

Ваш Игорь.

15

Тойла, 4 апр.‹1923›[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Сейчас получил наконец-то Ваше письмо и спешу Вам на него ответить тотчас-же. От всей души выражаю Вам горячую свою признательность за добрые Ваши обещания помочь мне и прошу принять мои поздравления с Праздниками а также выраженья соболезнованья по поводу Вашей болезни зуба. Воображаю, как это измучило Вас: знаю это по опыту, когда у меня бывали много лет назад зубные боли, доводившие меня до умоисступленья. Очень заинтересовал‹ся› переводом под Вашей редакцией, с нетерпеньем буду ожидать выхода книги.[2] За эти годы жизни моей в Эстии я перевел 3 книги с эстонского, не зная языка. Основывался только на ритме, рифмах и чутье; в прозе, дословно, переводила мне жена и сами авторы. Одна из этих книг – "Amores" Виснапуу – уже издана в Москве[3], другая выйдет осенью в Юрьеве, проданная изд-ву Бергмана еще прошлой осенью[4], а третья лежит до сих пор в портфеле автора[5], как и два новые романа в стихах[6] и книга стихотв.[7] Я слышал, что Ляцкий опять теперь в Стокгольме, но адреса его не знаю да и в переписку не вступлю: из этого вряд-ли что-либо выйдет. Если он действительно в Швеции и если бы Вам удалось это узнать, я с удовольствием выслал бы Вам незамедлительно рукописи романов и стихов, начисто переписанные для набора и просил бы Вас не отказать в любезности дать Ляцкому их для прочтенья и, если возможно, для приобретенья. Но не зная, там ли он, я затрудняюсь затруднять Вас рукописями. Во всяком случае, они у меня уже переписаны и ждут только случая ошрифтиться.[8] С тех пор, как я писал Вам (18.III), нового произошло в нашей жизни немного, и обстоятельства ее не улучшились нисколько: все та же нужда вопиюшая, ужасающая, тем более мрачная, что мать жены совсем измучилась с ведением хозяйства, не получая от меня никаких подкреплений. Сидим буквально на одном картофеле и хлебе с чаем (за последнее время) но и на это нет. Не ужас-ли?... Так что Вы и представить себе не можете, как мы теперь "живем". Мне стыдно сказать Вам, но приходится, вынуждают обстоятельства: даже 30 крон здесь уже месяц приличной жизни, и если бы я имел случай и возможность, – скажем откровеннее: если бы Вы жертвовали ежемесячно, только до осени, когда-то прославленному, ныне душимому нуждой русскому лирику по 30 крон, он благословлял бы Вас, был ‹бы› совершенно спокоен и мог бы продолжать творить неусыпно и все так-же вдохновенно, как и раньше. Да, 30 крон – это теперь капитал для меня – моя жизнь! И не стесняйтесь пожалуйста, дорогая Августа Дмитриевна, не-

большою величиною этой суммы: верьте, Вы, друг мой, меня этим не обидите, а спасаете. Повторяю: мне так немного нужно, чтобы быть радостным и молодым, чтобы быть поэтом в полном смысле этого понятья. И вот еще к Вам громадная настоятельная просьба, которая, думается, Вас не затруднит, а мне доставит истинное удовлетворение. Это: пишите мне, заклинаю Вас, каждую субботу открытку хотя бы в несколько слов, но непременно каждую субботу. Не изумляйтесь моим причудам: мне это так хочется, мне необходимо это, меня очень успокоило бы, дало бы мне больше бодрости. Вы исполните эту мою просьбу? Правда? Ну, пожалуйста, я очень-очень хочу этого. Ах, Августа Дмитриевна, ведь я как ребенок! Неужели Вы не чувствуете, не видите этого? Так что-же Вам, доброй и мудрой, стоит побаловать ребенка? Да и для Вас гораздо проще и легче писать открытки раз в неделю, чем большие письма. В этих открытках Вы сообщайте все случаи за неделю, Ваши настроенья, радости и горести. При такой системе наша дружба будет более одухотворена, в этой системе я чувствую что-то живое и живящее. А то 2 месяца молчанья это уж чересчур молчаливо, не живо как-то, томительно и мертво. А для дружбы – пульс, биенье необходимы. А иногда буду ожидать от Вас и больших писем, когда у Вас будет время и желанье. Открытка-же много времени не отнимает. Ведь, правда? Так вот, я пишу Вам это письмо сегодня, в четверг, 4 апреля; Вы получите это письмо 10 апр. Если первую открытку Вы пошлете 15-го, в субботу, я буду ее иметь уже 20-го апреля. Не дожидаясь от меня на нее ответа, в следующую субботу бросьте в кружку вторую и т.д. Я-же буду отвечать Вам на каждую. И будет все великолепно, и поэт будет рад, и весна солнечна![9]

Жена моя и я шлем Вам и маленькому Асафу наши искренние приветы и самые сердечные пожеланья всего доброго. Будьте благостны! Мы ожидали Вас, не получая так долго писем, на Пасхе и думали, что Вы готовите нам-сюрприз, приехав внезапно. Вот было бы хорошо! Может быть летом Вы соберетсь к нам? Подумайте об этом хорошенько. Но заранее простите за то, что не сумеем теперь принять Вас, как следует, как душевно хотели бы. Но природы, вдохновенья и восторга было бы в изобилии, да и помещенье приготовили бы для Вас прекрасное и, конечно, гратис. С ребенком Вы провели бы лето здесь очень удачно: окрестности Тойлы славятся на всю страну. Позвольте мне поцеловать Ваши ручки, дорогая и исто-хорошая Августа Дмитриевна. Передайте Асафу мое спасибо за его строки[10] и поцелуйте его.

Всегда Ваш неизменно

Игорь.

P.S. Простите за бумагу, чернила... Это так все ясно, к сожалению.[11]

16

Тойла, 10 апр. 1923[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Вот опять пишу Вам, на этот раз более бодро. Дело в том, что мне удалось найти в нашей деревушке человека, после разговора с которым, он с радостью берется быть моим импресарио по всем городам Эстии. Это – учитель местной школы. Человек он интеллигентный, честный, и это самое в нем для меня нужное и ценное, чрезвычайно энергичный и рисковый. Получает он гроши и рад будет подработать на стороне, и, в случае успеха, поедет со мною осенью в Ригу, Ковно и далее. Но для начала устройства в Эстии концертов необходима сумма, как мы с ним высчитали точно (снятье зал, афиши, программы, билеты, залог за городск‹ой› сбор [самое крупное], оркестр для танцев [без этого нельзя], буфет, вешалка) всего в 20 т‹ысяч› эст. мар., т.е. приблизительно 220 шведск. крон. И тогда я спасен! Каждый концерт дает лично мне, как я знаю по опыту, от 3 до 15 т‹ысяч› эст. мар., а городов в одной только Эстии 12: Ревель, Юрьев, Везенберг, Нарва, Вейсенштейн, Феллин, Пернов, Валк, Гапсаль, Гунгербург, Верро, Печёры. И везде русский язык знают и ходят охотно: и немцы, и эсты, и евреи. Так что "изобретение" мое – устраивать вечера самостоятельно – прямо-таки великолепно, не правда-ли? Порадуйтесь вместе со мною, дорогая Августа Дмитриевна, и помогите мне осуществить мое намерение! Да и для Вас я думаю гораздо удобнее выслать единовременно 220 крон, чем, как я просил в прошлом письме, по 30 ежем‹есячно› – последнее для Вас, думается, было бы хлопотно слишком. И ручаюсь Вам, что, если мы начнем устройство, допустим 1-го мая, уже через месяц я буду иметь деньги, и не очень для меня малые.[2]

А 1-го мая в школе прекращаются занятия, и мой педагог – в моем полном распоряжении. Вот было бы хорошо, если-бы Вы, моя Добрая, могли к этому времени меня субсидировать указанной суммой. Только один раз, и мы поставим и разовьем дело. Публика любит меня везде попрежнему, – это я заключаю по многим признакам, – так что до провала дело не дойдет, и, в крайнем случае, хоть немного да выручим, а не потеряем. А я буду и малому рад: много-ли мне, соловью, нужно?! Итак, простите, что снова тревожу Вас, но это действительно идея прекрасная, и я не мог отказать себе в удовольствии тотчас-же поделиться ею с Вами, с человеком так сердечно и глубоко ко мне относящимся. Жду в ближайшем же Вашем письме Вашего ответа и горю надеждой неугасимой. Спасите и вдохновите, вернее только поддержите мое кипенье: я уже вдохновился и верю, пламно верю, что Вы, одобрив мой план, дадите мне возможность его осуществить – и чем скорее, тем лучше! Я беру Ваши ручки и почтительно печатлею на них в поцелуях свой восторг, свою надежду! Feliss, зажженная моей весенней лучистостью, восторженно смотрит в Ваши глаза и приветствует Вас от всего своего сердца!

Душевно Ваш

Игорь.

P.S. Надеюсь к осени или к зиме вернуть Вам эту сумму с горячей благодарностью.

Иг.

17

Тойла, 20. IV.1923

Дорогая Августа Дмитриевна!

Вы очень порадовали меня открыткой № 1, – она дала мне бодрость, и я вздохнул несколько облегченнее: спасибо Вам, мой друг.

Повторяю: поступите, как Вам удобнее – или ежемесячно, или сразу, как я писал в прошлом письме, для устройства антрепризы. Но если это Вас затруднит, пожалуйста, без стеснения, ежемесячно: как-нибудь обойдемся. Во всяком же случае я Вам душевно признателен и великий должник Ваш. Теперь позвольте переменить тему и надеюсь к финансовому вопросу впредь не возвращаться и не касаться его вовсе: уж очень не люблю я беседовать на эту тему без крайней надобности. Вы спасаете меня своим обещанием одолжить временно на мое с у щ е с т в о в а н и е, – и я благодарю Вас воистину. –

К сожал., большого письма, которое Вы хотели послать мне вечером 14. IV., до сих пор я еще не получил. Надеюсь в следующем письме дать на него ответ.[1]

Странная весна в этом году: еженочно заморозки, дни стали тусклыми и мокрыми, постоянные туманы, море в плотном льду, река стоит. Вследствие всего этого я не могу открыть сезона своей любимой рыбной ловли. Приедете-ли Вы с Асей к нам на лето? Вероятно, в письме Вашем, ежедневно мной ожидаемом, кроется Ваш взгляд на этот вопрос. Дача моей тещи, находящаяся рядом с нашей хибаркой, только что освобождена из-под постоянных жильцов, приведена в порядок. 4 комнаты внизу, кухня, веранда. 3 комн‹аты› наверху. Чисто, уютно. Есть кровати с пружин‹ным› матрац‹ом›, кресла, стулья, диван, вся посуда. Цена сходная – 6 т‹ысяч› эст. мар. за все лето. Стол можно иметь у тещи. Если мне удастся ее снять (в случае Вашего приезда, конечно), весь низ в Вашем распоряжении. И само собою – бесплатно. Я-же возьму дачу в кредит, – осенью расплачусь. Если же обстоятельства воспрепятствуют Вам (что было бы для меня очень грустно!) приехать в Тойлу, мы с женой уедем на озеро Uljaste, о котором, помнится, я уже писал Вам, и будем жить там скромнее скромного, ловя рыбу и погрузясь в природу. Вы представить себе не можете, как хотелось бы мне повидаться с Вами и хотя бы месяц провести вместе в Тойле. Когда я буду иметь возможность, я вышлю Вам несколько видов нашей очаровательной местности.

Теперь, до открытья рыбного сезона, окончив цикл зимных литер‹атурных› заданий, я массу книг перечитываю вместе с женой: тут и Тургенев,

и Пьер Лоти[2], и Станюкович, и Бурже[3], и Смайльс[4], и Алексей К. Толстой, чья трилогия не знает времени[5]. Книги достаем у одной онемеченной эстонки, большой любительницы музыки, литературы, цветов и воспоминаний жизни ее в княжеской семье в качестве экономки. Эта "Юлия Абрамовна" чрезвычайно типична. Женщина она уже пожилая, и, на свое несчастье, сломала прошлой весной ногу, так что принуждена сидеть на месте без движения, что ей, экспансивной натуре, дается с немалым трудом. Она очень добрая и симпатичная, мы искренно ее жалеем.

Пока позвольте поцеловать Ваши ручки и от всего сердца пожелать всего доброго. Жена сердечно ко мне присоединяется в моих пожеланиях.

Всегда Ваш

Игорь.

18

Нарва, 28 апр. 1923 г.[1]

Дорогая Августа Дмитриевна, получил "№ 2" и благодарю Вас. Пожалуйста, не беспокойтесь относительно "учреждения антрепризы": мне совершенно достаточно и "первых" чисел.[2] Приехал сюда на один день по делам.[3] Грущу, что Ваше настроенье препятствует Вам написать побольше. Что с Вами, мой друг? У нас выпал снег, и все бело: поля, дорога, леса. Весна очень тусклая и мрачная. От Мак. Дм. давно не имею вестей, хотя и писал ему 11 апр. большое письмо. Мечтаю, что Вы приедете на месяц-другой летом в Эстию. В Стокгольме ли Ляцкий?[4] Пока – всего доброго желаем Вам мы оба. Целую Ваши ручки, шлю привет.

Всегда Ваш

Игорь.

19

5 мая 1923 г.
Тойла.[1]

‹Дорогая› Августа Дмитриевна, почему-то ‹открытка "№› 3" запаздывает, – как Ваше здоровье?‹...› я был на-днях обрадован, получив от милого Макария Дмитр. письмо, где он сообщает о новых помпезных постановках в Большом театре "Лоэнгрина", "Риенци" и "Аиды"! Собинов[2], по его словам, все тот-же кудесный. В ближайшие дни мы думаем выехать на озеро, как только будет для этого возможность. Сегодня ожидаю от Вас письма, хотя обыкновенно получаю по четвергам. Жена просит передать Вам ее искренний привет. Целую Ваши ручки.

Настали теплые дни, море обезольдилось. Я поймал уже две форели. Следоват., можно считать рыболовный сезон открытым.

Всегда Ваш

Игорь.

P.S. Только что получил "№ 3". Меня очень востревожило Ваше сообщение о бронхите. Если доктора посылают на юг, от сердца советую поехать: можно любить Швецию и вместе с тем себя.[3] А к осени возвратитесь в Стокгольм. Поезжайте куда-нибудь в Давос или в окрестности: места испытанные. Жду "№ 4" с большим волнением, – хочу знать, как Ваше здоровье, мой друг.

Иг.

20

Суббота, 12 мая 1923 г.[1]

Меня весьма тревожит Ваш бронхит, дорогая Августа Дмитриевна, не запускайте болезни, прошу Вас! Открытку, посланную Вашей подругой, получил, – она меня несколько успокоила.[2] Жду теперь Вашей собственноручной, – из нее пойму, что Вы уже встали с постели. Поскорее обрадуйте меня этим. У нас весна в полном разгаре, – и на душе – весение! Жена Вас приветствует.

Ваш Игорь.

21

Суббота, 19 мая 1923 г.[1]

Дорогая Августа Дмитриевна, весенние зовы в природу так сильны, что не могу дождаться дня, когда уедем из нашего "города": я называю Тойлу городом оттого, что постоянно живу в ней, и здесь много летом дачников. А хочется в безлюдную глушь. Когда приедем в "Uljaste", напишу Вам оттуда. А пока целую Ваши ручки, от сердца всего здоровья Вам желая. Жена шлет свой привет.

Ваш Игорь.

Среда, 23 мая. Не успел выслать письмо из-за праздников: 3 дня не ходила почта. А сегодня получил чек, за кот. душевно Вам признателен. Следов., завтра уезжаем на озеро. О, если бы Вы знали, как я рад уйти це-

ликом в рыбную ловлю! Очень рад, что Вы уже поправились. Пишите на Тойлу, – перешлют.

22

№ 8
Суббота, 26 мая 1923 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, посылаю Вам один из видов Тойлы – водопады Aluoja.[1] Большое спасибо за письмо. Я так рад, что туб-бацилл не найдено! Берегите себя, не переутомляйтесь. Вчера получил письмо от Мак. Дм.[2] Это мне было очень отрадно. Отчего Вы приедете в Эстию только в октябре? Было бы очень хорошо, если бы летом. Так близко живем друг от друга и никогда не видимся, – не удивительно-ли?

Жена просит передать Вам ее живой привет. Целую Ваши ручки.

Ваш Игорь.

23

Озеро Ульястэ, 1 июня 1923 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

С дивного озера, на берегу которого расположен наш дом, я посылаю Вам свой привет и еще раз выражаю свою глубочайшую Вам признательность, памятуя, что, благодаря Вам, ныне я пользуюсь всей этой благодатной красотою!

26 мая мы перебрались сюда. Нам посчастливилось найти здесь, в маленькой рыбачьей деревушке, у одного рыбака, комнату в новом хорошем доме. Комната обширная, высокая, светлая, идеально чистая. Внутри – белые сосновые бревна, – что может быть гигиеничнее? На окнах неизменные олеандры, резиновые деревья, кактусы, которые, однако, здесь "дела не портят"... В нашем полном распоряжении – лодка, с которой мы и начали ловить рыбу, выезжая за 3-5 верст от берега. До сей поры поймали уже 36 окуней от 1/8 до 3/4 ф‹унта› каждый. Надеемся на более крупных, когда, в июле, начнется дружный клев. Тогда-же будут брать и лещи, достигающие, по словам старожил, до 25 ф.! Водятся и щуки, и угри. Теперь остается только держаться бюджета, чтобы сводить ежемесячно концы с концами. Хотя это и прозаично, но приходится. Комната обходится в 500 марок в месяц, дрова 300, табак 300, так что остается 1500 на стол, т.е. 50 м‹арок› в день. На эту сумму, хотя и страшно трудно, кое-как все-же просуществовать можно. Цены здесь не дешевле повсестранных, т.е. вообще стоящих в Эстии. Для примера: 1 ф. хлеба – 8 мар., 1 бут. молока – 10 м., 1 ф. сала – 50 м., 1 ф. масла – 70 м., 1 ф. сахара – 32 м., десяток яиц – 40 м. и

т. д. Как видите, цены изрядные, но для иностранцев Эстия самая дешевая страна в мире.

Я так устал, мой друг, от вечной нужды, так страшно изнемог, так изверился в значении Искусства, что, верите-ли, нет больше (по крайней мере теперь пока) ни малейшего желания что-либо написать вновь и даже ценить написанное. Люди так бесчеловечны, так людоедны, они такие животные, говоря с грустной – щемящей сердце – откровенностю. Так не нужны они мне, так несносны, не меньше, о не меньше, чем я – им! Не сумели ценить и беречь своего соловья, и приуныл, и пригорюнился соловушко, такой еще недавно детски радостный, бездумно-восторженный, а теперь умудренный печальной явью, совсем обезголосенный людской черствостью, практичностью, пошлостью.

О, если бы Вы и озеро исцелили меня, вернули прежнюю беспричинную жизнерадостность, единственно-истинное на этой Земле!!

Нежно целую Ваши ручки, моя Feliss шлет Вам самые искренние глаза, самые скорбные улыбки. Она, маленькая, уже подстрелена обывательским кощунством в отношении Поэта!

Всегда Ваш

Игорь.

24

9 июня 1923 г. Озеро "Uljaste"

Извилистая тропинка вокруг прозрачного озера приводит Вас к янтарной бухте, на берегах которой так много морошки, клюквы и белых грибов. Мачтовые сосны оранжевеют при закате. Озеро зеркально, тишь невозмутима, безлюдье истое. Вы видите, как у самого берега бродят в прозрачной влаге окуни, осторожно опускаете леску без удилища в воду перед самым носом рыбы, и она доверчиво клюет, и Вы вытягиваете ее, несколько озадаченную и смущенную. Лягушки, плавая, нежатся на спинках смотря своими выкаченными глазами прямо на Вас, человека, не сознавая ужаса этой человечности, им чуждой: они так мало людей видят здесь. Стада диких гусей и уток проносятся над озером, разом падая на его влажную сталь. Все это озеро и его берега, и весь колорит природы напоминают мне в миниатюре Байкал. Я говорю как раз об этом в одной из своих новых поэз.[1] И я очень жалею, дорогая Августа Дмитриевна, что мы с Фелиссой лишены радости радоваться вместе с Вами созерцанием всей красоты этого лесного уголка Эстии!

Ваш Игорь.

25

15 июня 1923 г. "Uljaste"[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Завтра я получу от Вас три открытки. Почта придет через три недели после отъезда нашего из Тойлы: приедет сестра Фелиссы и привезет все, что накопилось за этот срок. Я блаженствую среди лесов и воды. Окуни клюют <...> Мы поймали их <...> Совсем не тянет <...> с грустью думаю <...> придется оторвать <...> чтобы, начиная с Бельгии, вновь выискивать средства к жизни. Когда осенью Вы приедете в Эстию, я обязательно покажу Вам это дивное озеро – этот маленький Байкал. Все более и более я прихожу к заключению, что единственно правильное и безошибочное абсолютно – избрать жизнь в природе и уйти в нее целиком. Все остальное – ложь, мишура, тщета. К будущей весне я заработаю столько денег, чтобы привести свой план в исполнение, тем более, что для этого нужны гроши. Жена шлет Вам свой искренний привет. Целую Ваши ручки, жду с нетерпением писем.

Ваш Игорь.

26

Иванов день в Тойле 1923 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Основываяь на Вашем любезном обещании, высказанном в последней открытке Вашей, выслать чек пятнадцатого июня, мы к двадцатому явились в Тойлу, т.к. из Стокгольма почта идет пять дней. Приехали мы потому, что истратили последний грош, а жить в совершенно чужом месте в кредит не представлялось возможным. К крайнему огорчению чек опаздывает, и до сего дня, т.е. 24 июня, еще не получен. Это обстоятельство вынуждает нас сидеть в Тойле и ожидать чека. Это тем огорчительнее, что как раз теперь начался клев лещей, которого я ждал с таким нетерпением всю зиму. Благодаря неправильности и неточности почты, я лишен радости быть на своем озере и вновь окружен безденежьем, дачниками и физиономиями своих вечных кредиторов. В результате – совершенно расклеился и чувствую себя мерзко, сижу все дни дома и только и мечтаю о часе, когда смогу вновь попасть в Uljaste. Из письма М.Д. узнал, что наконец-то дождались Вы приезда сестры.[1] Радуюсь от души за Вас и прошу передать ей мои приветствия. Один мой знакомый обещал привести в Uljaste "Тост безотв<етный>". Я перепишу "Поэзу о Иоланте" и вышлю Вам ее незамедлительно.[2] Как поживает маленький Асаф? Я думаю, он говорит по шведски не хуже, чем по русски, – не так-ли? М.Д. прислал нам фотограф. открытку – с невестой он сам. По-моему он выглядит очень хорошо, помолодел и посвежел. Мечтаю отдохнуть до 1 октября основательно, а затем

двинуться или по Европе, или-же прямо в Москву. И в том, и в другом направлении мною уже предприняты соответствующие шаги. Так, напр., на-днях я получил письмо от Долидзе[3], который устраивает теперь вечера Алексею Н. Толстому. Кстати – не знаете-ли Вы адреса Александры Михайловны Коллонтай, моей троюродной сестры?[4] Жена и я шлем Вам наши лучшие пожелания. Целую Ваши ручки.

Всегда Ваш

Игорь.

27

Тойла, 30 июня 1923 г.[1]

Ваше безмолвие теперь уже положительно пугает меня, дорогая Августа Дмитриевна! Две недели – ни звука. Мы до сих пор все еще в Тойле. Я не знаю, что и подумать. Очевидно, дело уже не в почте, а что-то у Вас произошло. Жду с большим волнением известий. Шлем Вам наши добрые пожелания, ждем писем. Откликнитесь – что с Вами? Привет сестре и маленькому Асе.

Ваш Игорь.

P.S. Я взволнован тем более, что давно знаю Вашу почти классическую аккуратность и точность![2]

Иг.

28

Тойла, 11 июля 1923 г.

Вместо очередной субботы пишу Вам в среду, дорогая Августа Дмитриевна. Благодарю Вас за открытку, рад, что у Вас все благополучно, а я, признаться, очень беспокоился. Благодарю также за обещание выслать чек, получив который в тот-же день поеду на озеро. Извиняюсь, что не написал в субботу, но настроенье у меня все это время – очень и очень подавленное, настолько, что перо валится из рук и безверие все сильнее, все мрачнее. Наступило дивное лето, но я его не вижу, т.к. приходится жить вовсе не так, как хочется, а Вы, думается, знаете без пояснений, что это значит. Тем более трудно это для меня при моем характере. Для того, чтобы я был светел и продуктивен так мало нужно, и отчаяние черное берет, когда и этого нет. А обстоятельства складываются именно таким образом, что вне озера у меня вовсе нет н и к а к о й ж и з н и, а сплошь страданье. Я не буду теперь в открытке вдаваться в подробности, как-нибудь

при случае, при личном свидании, я сообщу Вам много непреложного и печального в высочайшей степени, а пока скажу Вам только, что считаю дни и часы, когда смогу быть на озере. Прошу принять Вас мой искренний, самый сердечный привет. Целую Ваши ручки, верю в Вас, в Вашу дружбу.

Ваш Игорь.

29

Uljaste, 14.VII. 1923 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

как только получил от Вас открытку, что чек выслан, отправился к себе на озеро, вздохнув с облегчением. Показав хозяевам чек, получил кредит, а сам, получив его из Тойлы, отправил в Ревель для учета по курсу дня. Выражаю Вам свою искреннюю признательность за него. Итак, в настоящее время сумма моего к Вам долга равняется 160 кронам.[1] Я не теряю надежды возвратить Вам ее с благодарностью через год-два. Вы оказываете мне большую, неоценимую услугу, давая мне теперь кроны, т.к. я положительно не желаю жить теперь в Тойле и мечтаю продержаться на озере вплоть до своего отъезда за границу в конце сентября или в первых числах октября. Единственно о чем заклинаю Вас – не откажите высылать точно ежемесячно, дабы я мог спокойно набраться сил к предстоящей трудной поездке. Первый раз Вы выслали 15 мая, во второй – 7 июля. Поэтому, дорогой друг, получился слишком большой промежуток, и у меня нарушился весь бюджет. За это время я вынужден был опять задолжать теще, что для меня крайне неприятно и болезненно. Я верю, Вы войдете в мое положение и дадите возможность впредь вовсе не ездить в Тойлу до осени. О, если бы Вы были так добры – выслали деньги первого и пятнадцатого августа: это дало бы мне возможность "войти в жизнь". А затем уже – 15 сент. Если бы Вы сделали так, я был бы счастлив, как может быть счастливо только дитя, т.е. безоблачно, беспредельно. Обращаюсь к Вам, как к родной. Других родных у меня почти нет никого. Да, почти н и к о г о. Не ставьте же меня в зависимость от людей мне чуждых – вот страстная моя мольба. Это – непереносная боль, это такое униженье непередаваемое.

А раз не будет т а к о г о положенья, о чем грустить мне? Озеро, тишь, стихи, надежды на осеннее путешествие. Буду светел, радостен, н е з а в и с и м.

Отправляю это письмо через одного учителя, который послезавтра едет в Тойлу.

Я так светло хочу видеть Вас, чтобы поцеловать Ваши ручки, смотреть в Ваши ясные глаза и говорить, говорить с Вам‹и› без конца о том, о чем го-

ворят только с такими испытанными друзьями, как Вы, дорогая моя и хорошая.

Всей душой Ваш

Игорь.

P.S. Самый сердечный привет Вашей сестре и маленькому моему другу.

Иг.

30

‹Toila, 24.VII. 1923›[1]

‹Искрен›ний привет Вам, дорогая ‹Август›а Дмитриевна! В эту неделю ‹...› много рыбы, собрали много ‹...›. Лето установилось дивное. Так хорошо в природе, что с ужасом думаешь об осени, когда придется оторваться от нее и погрузиться в пустынные глуби человечества. Как омерзительны и отвратны города со всей своей гнусью и неоправданностью!

Ваш Игорь.

31

‹Тойла, 1 авг. 1923 г.›[1]

Очень давно опять не имею от Вас весточки, дорогая Августа Дмитриевна, не уехали ли Вы куда-нибудь на дачу? Продолжаем сидеть на озере, где теперь хороший клев. По делам приехал на один день в Тойлу, откуда сегодня иду на один вечер в Ярве к Александру Эссену, где устроим импровизо-концерт. Завтра утром предполагаю быть уже в Uljaste. Жена и я шлем Вам наш сердечный поклон. Всего, всего хорошего. Пишите. Вчера в Тойле сгорела одна из лучших дач. Сгорела до тла, хотя и работали 2 пожарных команды. Потрясенье сильное. Целую Ваши ручки.

Всегда Ваш

Игорь.

32

Дорогая Августа Дмитриевна!

Сообщаю Вам свой новый адрес: Eesti Estland. Tartu. Jakobi tän. 58. Борису Васильевичу Правдину[1] для меня. Завтра уезжаю в Тарту. Подробности в письме.

Сердечно приветствую Вас, благодарю за все.

Ваш Игорь.

Toila, 3 сент. 1923 г.

33

Юрьев, 27 окт. 1923 г.

Вы удивляетесь, мой друг, дорогая Августа Дмитриевна, удивляетесь Вы, что я, так часто ранее Вам писавший и поверявший в тяжких письмах своих все свои нужды и невзгоды, вдруг умолк, и с 3 сент. перестал писать вовсе? – Что же здесь удивительного? Разве я имею нравственное право постоянно расстраивать Вас, жалуясь на свои неудачи, на невозможную безработицу, лишающую меня самого элементарного, что требуется для существования? разве мало я говорил, не желая говорить, на эту тему? разве Вам еще не окончательно ясно, что в положении, подобном моему, бодрые слова и яркие чувства органически немыслимы? Сколько раз хотелось писать Вам, сколько раз! И каждый – перо опускалось: зачем? – тревожить друга? вечно ныть? Не стоит, не хочется, постыдно и бестактно. А хорошего так мало я имел сообщать Вам. Получив Ваш последний чек и письмо о нем, я понял, что пора что-либо предпринять решительное и в городе, т. к. среди боготворимой мною природы, увы, я не мог ничего заработать. Сердечно, восторженно признательный Вам за лето (какой дивный несравненный дар!), за три месяца прозрачного озера, уединения и благости, я вынужден был круто, сразу, оторваться от Красоты и окунуться в прозаическую гнусь городскую. Послав 4-го сент. из Järve, куда мы зашли из Toila проститься с Александром Карловичем Эссеном, Вам открытку, 5-го мы проехали последний раз на Uljaste, проведя там целый день в милой лодке, ловя окуней и вдыхая Природу, а вечером, в темноте и под дождем, наш Kalamees, очаровательный хозяин хутора, отвез на ст‹анцию› Kabala (5 верст от озера), и мы отправились в Юрьев "пытать счастья".[1] Остановились у Правдина, я разменял кроны в банке, получил 2.700 эст. марок и с этими деньгами мы начали свою "жизнь" в городе. На другой же день нашли себе комнату с отдельным входом на Звездной около Лунной за 1500 м‹арок› в месяц без дров, где теперь и живем. Я стал искать издателей. Их здесь мало, и все они эстонцы. Русских книг не жаждут. С трудом удалось продать Эдуарду Бергману новую

поэму в 3-х частях – "Роса оранжевого часа", которая выходит в декабре.[2] Книга в 112 стран‹иц›. Получил я за нее... 7.000 эст. мар.!.. Не подумайте, что шучу: до того ли мне? Одним словом, Вы понимаете, отдал даром. И как еще радовался и торжествовал при этом! Затем мне удалось продать изд-ву "Sõnavara" другую книжку: Мария Ундэр. "Предцветенье".[3] Перевод с эстонского. Книга в 64 стран‹иц›. Получил я за нее... 3.000 эст. м.!.. И на этот раз не шучу, – к сожалению! Зато уже больше мне ничего продать не удалось. Теперь у меня на руках имеется 3 рукописи, пристроить которые здесь уже немыслимо. Поэтому нового ничего не пишу. Что же касается концертов, дело обстоит значительно хуже: в Юрьеве живу вскоре два месяца, и не одного вечера организовать не удалось, несмотря на усиленные старания. Нет предпринимателя – вот и все.

Зато удалось устроить по концерту в Везенберге и Нарве.[4] Нарва дала... 600 марок, а Везенберг... 1500 м. убытку! Дождался, досиделся: мои вечера дают убыток! Это мои-то вечера! Нашлась в Финляндии одна старая петербургская поклонница, устроила мне в Гельсингфорсе 3 вечера подряд (17, 18 и 19 окт.).[5] Ездили мы с Фелиссой, успех имели выдающийся (как, впрочем, и везде!), прожили в Гельсингфорсе неделю, денег получили "в обрез", жизнь там безумно дорога́, эмиграция нища́. Рады были, что вернулись без убытка, еще осталось 3.000 эст. м. Приехали 21-го в Юрьев, и вот теперь проживаем эти последние деньги, страшась думать, что будет дальше.

А душа, между тем, рвется в природу, и с таким упоением бросил‹ась› бы обратно в Uljaste! Но для этого нужны определенно 3 т‹ысячи› в месяц, и их-то и нет, и скопить на пару месяцев не приходится, не имея возможности абсолютной. А жизнь на озере и прекраснее, и дешевле!

Сирота, импресарио Смирнова[6], явился в Гельсингфорсе на мой первый концерт, наговорил комплиментов и пригласил в первых числах ноября в Берлин и Прагу. Если не обманет и сдержит слово, прислав аванс на дорогу, может быть и воспряну немного. Только плохо что-то во все это верится, ибо многие меня обманывали за эти годы.

Видеть Вас, Августа Дмитриевна, мне и жене моей очень хочется. Видеть, говорить с Вами, читать Вам новинки. С наслаждением приехали бы к Вам погостить на недельку-другую, да денег нет, конечно. Живем теперь по заграничному паспорту, визу получить – дело легкое: дают сразу. Если бы было возможно Вас повидать! Но дорога стоит дорого для нас: тысяч десять, вероятно. Были бы рады, конечно, если бы Вы сами приехали, да Вы заняты постоянно. Я думаю, что наша дорога могла бы окупиться, если бы я прочел в каком-нибудь салоне в Стокгольме свои поэзы. Прибыли я не ищу, когда могу видеть Вас. Подумайте и напишите. Сколько лет я уже не видел Вас!

Адрес мой теперь на Правдина. Целую Ваши ручки, жду сообщений о Вас. Жена Вас искренно приветствует.

Душевно Ваш

Игорь.

34

Toila, 4. II. 1924 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, только вчера, приехав сюда с озера, где живу уже с 15. XI, нашел Вашу новогоднюю открытку, пересланную Правдиным! От души благодарю и жалею, что не знал об этом раньше. Обещанного письма, однако, мне не переслали, – видимо, Вы ждали ответа на открытку и не писали его. Итак, жду от Вас теперь писем – и субботних, и закрытых.

Живу попрежнему на озере Uljaste, где упоительно, много работая и проводя время среди природы. К сожал., как Вы уже знаете, от нас почта (Kabala) в семи верстах, и через нее получать и отправлять письма затруднительно, в Тойле же я бываю очень и очень редко. Живем отрезанные от всего мира с его враждой нескончаемой. Пишите на Тойлу постоянно, ибо теперь буду бывать там 2 раза в месяц регулярно, и в эти дни стану Вам отвечать аккуратно. Итак, буду теперь здесь около 20-го февр. Надеюсь, к этому времени пришлете весточку о себе. Сообщите, прошу Вас, адрес Мак. Дм. (тот-же ли он?). Целую Ваши ручки. Жена Вам сердечно кланяется. Как Ваше здоровье и маленького Аси?

Всегда Ваш

Игорь.

35

Toila, 5. I. 1925

Дорогая Августа Дмитриевна!

Правдин переслал мне Вашу открытку, чем доставил искреннее удовольствие.[1] Я очень удивился, не имея от Вас больше года писем и даже думал, что Вы куда-либо перевелись. Не писал Вам именно поэтому еще, что полагал о Вашем переезде на другую квартиру. Впрочем, я послал Вам открытку к прошлому Н‹овому› Г‹оду›, и не получил ответной. С большим удовольствием возобновил бы еженедельную – субботнюю – переписку, но, к сожал., это т е п е р ь трудно будет провести в жизнь, ибо я все время в разъездах. Лучше поступим так: буду писать Вам обязательно каждое пятое число закрытое письмо, Вы-же мне каждое пятнадцатое.

В первых числах февраля еду в Берлин, Париж и Прагу, до этого времени буду в Юрьеве, Ревеле, Jõgewa и др. местах. В ноябре был в Риге[2], Двинске, Либаве. В октябре вернулся из большого турнэ, уехав 8-го августа. Побывал в Берлине, Штеттине, Данциге, Цоппоте, Варшаве[3], Лодзи, Вильне, Белостоке, Бресте, Пинске, Луцке и Ровне. Везде давал концерты, кроме Берлина, т. к. летом был там разъезд публики. Заработал настолько удачно, что смог отдать кредиторам 36.000 эст. м., чем сильно сократил сумму долгов. Рад этому в высшей степени... Пришлось и купить кое-что.

В общей сложности получил около 700 долл‹аров›, но, к сожал., жизнь в Польше и Германии очень дорога, и львиная доля заработка пошла на отэли и пр.

Теперь везу книги на продажу (8 рукописей!). К 1-му февраля (день двадцатилетней моей литерат. деятельности, т.к. первое стихотв. было помещено 1-го февраля 1905 г.[4]) изд-во Бергман выпускает в свет две новые книги. Если удастся, вышлю и Вам.[5] Говорю: "удастся", т.к. наши издатели не очень-то обращают внимание на просьбы авторов.

Теперь жду от Вас сообщений, как Вы прожили этот год. Весьма жалею, что и прошлым летом не побывали у нас на озере и на море. М.б., удастся в это лето? Пишите пока на Тойлу. Следующий адрес сообщу 5.II.

Жена Вас приветствует и поздравляет.

Адрес Мак. Дм. потерял. Сообщите, пожалуйста.

Опять в Берлине виделся с Костановым и его семьей всей. Милейшие люди они, его-же трагедия всегда печалит меня: такой одаренный![6]

Целую Ваши ручки.

Ваш Игорь.

36

Дорогая Августа Дмитриевна!

Я очень благодарен Вам за телеграмму с приветствием к моему юбилею и милое письмо. Я рад, что у Вас все благополучно, и что Вы чувствуете себя хорошо. "Солнечной женщине" было помещено осенью во "Времени" (Берлин)[1]. Стих. это вошло в сборник моих стихов 1922-23 гг. "Литавры солнца", имеющий выйти в свет до осени.[2] "Поэзу о Иоланте" я вышлю Вам в ближайшие дни.[3] Сейчас я пишу Вам из Järve, от Эссена, куда пришел из Тойлы сегодня. Завтра утром еду в Ревель. Дней через десять-пятнадцать еду в Берлин – Париж – Прагу.[4] Юбилей прошел более, чем тихо. Этот день провел в Тойле. Служили на могиле мамы панихиду и молебен. Никого из городов не приглашал. Тем более своих "односельчан". Получил пять телеграмм и семь писем, в четырех газетах меня вспомнили немного.[5] Вот и все. Да, впрочем, иначе и быть в наше время не может... Офокстроттились все слишком. Жена шлет Вам свой искренний привет. Целую Ваши ручки, жду письма. Поцелуйте от нас Асю.

Всегда Ваш

Игорь.

Järve, 5.II.1925 г.

37

5. III. 1925. Toila

Дорогая Августа Дмитриевна,

пусть прежде всего этот месяц ознаменуется присылом мною Вам давно обещанной "Поэзы о Иоланте"! Наконец-то я, выбрав свободную минуту, переписал ее для Вас.[1] И только для Вас: переписывать не люблю и не имею времени, ибо работаю теперь во многих изданиях (Ревель, Рига, Берлин, Варшава и Париж), еженедельно посылая туда стихи, рассказы и статьи об искусстве. Дело наладилось. На-днях в Юрьеве вышли в свет новые поэмы[2]. Т.к. теперешние издатели экземпляров автору, кроме одного, не дают (экономия!), авторы же зарабатывают так мало, что о покупке не может быть и речи, сообщаю Вам, думая, что Вам небезъинтересно ознакомиться самой и ознакомить с моими книгами милого Макария Дмитр., адрес издателя: Estland, Tartu, Jaani uul, 26 — Vadim Bergmann. Книга каждая стоит меньше 1/2 доллара. Конечно, после Парижа (поездка наша туда пока отложена несколько) я смог бы прислать Вам и сто экземпл., но, думается, Вам интересно прочесть теперь же и не откладывая. Поэтому то я и сообщаю адрес Вадима Эдуардовича.[3]

В настоящее время я пишу новый большой роман онегинской строфой из жизни России периода 1890-1917гг. Написал уже ровно 2 части (80 строф по 14 строк). Предвидится еще столько-же, если не больше. Надеюсь к маю закончить труд. Эта работа, собственно, и заставляет меня несколько отложить поездку, хотя есть и иные причины.[4]

Идея Ваша – разговор по телефону – выполнима, думается, и теперь: Toila соединена телефоном с Ревелем, а Ревель, вероятно, со Стокгольмом. Если Вы хотите стихов, вызывайте, – я к Вашим услугам. И мне будет приятно – очень приятно – читать для Вас, В а м... Предполагаю, когда поеду во Францию, побывать и в Италии, где мы, м.б., встретимся. А если не там, возможно, и в Эстии: м.б. Вы поедете через Ревель? Если я Вас очень попрошу об этом?

У нас выпал глубокий снег, и Toila приняла совсем зимний вид: снова салазки, лыжи, лунные ночи... Хорошо! Живем мы очень уединенно и, кроме как у Эссена, ни у кого не бываем: люди в н е искусства, – что может быть с ними общего? Всюду политика, а я ее органически не выношу. Читаем всю изящную литературу, какую только удается доставать, а это очень трудно.

Целую Ваши ручки, знакомые с шелестом вешним страниц сборников поэз. Жена свидетельствует Вам свое внимание.

Ваш неизменно

Игорь.

Письмо "вне абонемента"[1]

С большою к Вам просьбой, дорогая Августа Дмитриевна: мне нужно немедленно выехать в Париж, Берлин и Прагу – дать вечера, продать попутно несколько рукописей книг. Имею 100 крон, не хватает еще столько-же. Будьте хорошая, пришлите немедленно эту сумму, и я тотчас же выеду, при чем обязуюсь честным словом выслать Вам из за границы недели через две-три эту сумму. О прежнем долге пока не упоминаю, это будет теперь трудно, но новый погашу незамедлительно.[2] Со дня на день ждал 100 крон (в герм. зол. марк.) из берлинского "Времени", но оно закрылось временно, и вот в результате – моя просьба к Вам, ибо Вы – самый лучший друг и поможете мне выбраться на заработки. Через месяц вернусь с обеспечением на все лето и осень, и часть зимы. Все бумаги и визы готовы, нужно только их взять. Сезон кончается, и я спешу ехать. Жалею, что и то потерял так много времени. Пока тороплюсь, целую Ваши ручки, жду скорого ответа. Это письмо вне очереди, 5-го апр. напишу Вам снова и надеюсь – из Франции.

Фелисса просит Вас принять ее сердечный привет. Асю целуем.

Ваш Игорь.

Toila, II, 23. 1925 г.[3]

P.S. Если я теперь-же не выеду, я попаду в такое-же положение, как в те годы, а это ужасно, не правда-ли?[4] Верую, что Вы этого не допустите: пока еще не поздно, тем более, половина денег имеется у меня неприкосновенная, а это так много значит. Прошлое турнэ по Польше дало мне большую пользу!

Игорь.

На-днях буду в Юрьеве – достану все-таки книги для Вас – должен достать – и вышлю с упоением!

Я так настроился ехать, так хочется новых мест, людей, успехов, блеска, тем. Я как-то не старею, дорогая Августа Дмитриевна, и в свои 37 лет часто чувствую себя двадцатилетним, и "девятнадцативешние" это так хорошо видят...[5]

Вот и сейчас мне так легко писать Вам, зная наверное, что Вы не погасите во мне вдохновения, не охладите моего порыва и дадите поэту остаться поэтом и поступить, как ему хочется, как ему нужно. От неудачи никну, блекну, от успеха – крылат, жив, блестящ! Еще раз – Ваши ручки!

Игорь.

С. Прокофьев писал мне на-днях. Он теперь в Германии. Очень хочу повидаться с ним. Его "Любовь к трем апельсинам" – событие в Европе.

В Америке же она шла уже 3 года назад с выдающимся успехом.

Я думаю дать ему либретто для новой оперы.

Отчего бы либретто не написать поэту? ведь их обыкновенно пишут какие-то фельетонисты из захудалых изданий.

‹Приписки на полях:›

Получив от Вас деньги, выеду на другой же день.

В дороге буду писать Вам каждую неделю.

39

Toila, 7. IV. 1925

Дорогая Августа Дмитриевна!

Вы мне доставили большое удовольствие, исполнив мою просьбу, да и я не сомневался в этом: ведь Вы – Вы. Очень благодарен Вам и обрадован. В ближайшие дни еду, – укладываемся. Следующее письмо – из Берлина.

Солнце так вдохновенно, река вскрылась ото льда, вскоре появятся подснежники и перелески, зацветут фиалки и анемоны – их у нас так много на лужайках. Пользуюсь случаем поздравить Вас с Праздниками – Вас и Асю – и поблагодарить за карточку, где Вы все та-же, как будто и не было семи лет. Жена Вас поздравляет и приветствует. Спешу на почту: сейчас уходит.

Ваш всегда

Игорь.

40

Дорогая Августа Дмитриевна!

Приехал сюда 27 апр., вчера дал концерт, к сожал., в маленьком зале, т.к. русских здесь уже мало и все беднота.[1] Настроение не из приятных, ибо жизнь дорога безумно, а денег пока очень мало. Импрессарио обеднели тоже и дают гораздо меньше, чем раньше. Завтра выяснится дальнейшее. Целую Ваши ручки, надеюсь на лушее.

Ваш всегда

Игорь.

P.S. Привет от Костанова!

Berlin, 5.V. 1925 г.

41

Дорогая Августа Дмитриевна!

На-днях я вернулся из-за границы. 35 дней пробыл в Берлине, 14 – в Праге. За все это время дал (удалось дать) 2 вечера. Оба в Берлине только.[1] Первый вечер дал 100 нем. марок, второй... 10 м.! Антрепренер Бран. Та самая Мэри Бран[2], которая надула Липковскую[3] и пробовала надуть Прокофьева.[4] Других импрессарио вовсе не нашлось. Положение ужасное. Думал заработать, но оказалось все иначе. Пришлось брать субсидии в союзе журналистов и у Чехо-Слов. правительства.[5] Пришлось брать, чтобы кое-как прожить в Берлине и Праге, чтобы кое-как вернутсья. 1-го октября еду снова – пробовать, и все уверяют, что будет все отлично. Пока же на мели. До осени. Причины? Их много: позднее время, экзамены, разъезд на курорты, жара. Издательства до осени книг не покупают.

Не писал Вам с дороги, – рука не поднималась, так я был расстроен и измучен. Уж простите, дорогой друг, не сердитесь. Вы – чуткая, Вы поймете. Поэтому и долг свой я, к крайнему огорчению, не смогу вернуть раньше зимы. Но зимою не сомневаюсь, что удастся. Мало того – у меня к Вам мольба: поддержите до осени, посылая ежемесячно по 10 хотя бы крон. Каких-нибудь четыре месяца. Иначе я погиб. Я сижу теперь буквально без марки. Ужасно! Гонораров из газет хватает в лучшем случае на 2 недели в месяце. При самой скромной жизни. В Берлине виделся почти ежедневно с Липковской, и Лидия Яковл‹евна› предложила мне в октябре устроить совместно с нею концерты в Париже и Бессарабии, где она постоянно живет. Мне это весьма улыбается. Часто виделся с Юрьевской[6], Аксариной[7], Чириковым[8], Немировичем-Данченко[9], Гзовской, Гайдаровым[10] и др.

Все они надавали мне своих портретов, книг, всячески обласкали, помогали и письмами, и денежно, и приемами скрашивали грустное. Морально я доволен поездкой. И даже очень. Но материально – тихий ужас.

Приветствую Вас, целую ручки.

Жена просит передать Вам сердечный поклон. Мы оба целуем Асю.

Ваш Игорь.

Toila, 22.VI.1925 г.

P.S. В довершение всех невзгод у меня появилась странная болезнь желудка. Возможно, что язва. Докторов здесь нет и денег на них тоже. Ну, посмотрим...

Иг.

Toila, 5. X.‹1925›[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Только теперь, когда уже алеют, лимонея, клены, когда мелкий дождь непогожей осени льется с неба, как слиянные слезы всех обездоленных и тоскующих, в маленькой избушке, куда мы на-днях перебрались после лета, только теперь я нахожу в себе силы и не могу бороться с неодолимым желанием написать Вам, своему другу, первому человеку, кому, вообще, пишу за последние три месяца. Я много раз, не хотя никому, Вам хотел написать и столько же раз отказывал себе в этом, боясь огорчить Вас огорчительными сведениями о своей жизни, боясь омрачить Вас той неизбежной мрачностью, меня окружающею, где все казалось бы предназначено для восторгов жизни и радости ее восприятья, чья милая душе и сердцу русского природа говорит и напоминает о родной природе, чьи благостные озера исполнены нашею грустью – беспричинною и величавою, очищенною устремлениями нашего духа в надземное, грёзами о всеобщем братстве народов, может быть, утопическими, но зато такими упоительными в своей – пусть тщетной! – вселенности.[2]

Но что и как мог я писать Вам, когда ежедневно, почти ежечасно я был поглощен все лето в мерзостные расчеты денежные, в думы об ежедневном добывании буквально куска черного хлеба на свое пропитание и на пропитание болезненной и хрупкой жены с ребенком. Я не мог в достаточной мере насладиться божественным днем и не менее божественной земною ночью человеческой, данными нам на краткий срок нашего гощения на этой очаровательной, изумительно прекрасной все-таки планете. Встать утром, впивая его красоту до болезненности полно и остро, и не знать как прожить зачинающийся дивный день, что есть, чтобы мочь ощущать последовательную красоту дневных часов и оранжевого повечерья – ведь, это так обидно до слез, так нелепо и оскорбительно для поэта, о, дорогая моя! Тем более, что для поэта, – я подчеркиваю: для поэта именно, а не для писателя, – так действительно немного нужно, чтобы быть сытым, и, следов., безоблачным. На шведские деньги – всего одна крона на весь день с семьею! И как страшно, когда и ее нет, и неоткуда ее взять, тем более, что в столе много рукописей для издания, в горле – голоса для эстрады, в груди – вдохновения для творчества! И все тщетно, ибо ничего никому в это гнусное реалистическое время не нужно. Теперь, когда современная, с позволения сказать, цивилизация воздвигла вертикальную кроватку Shimmi и Fokstrott'a[3], есть ли людям надобность в чистой лирике и есть-ли людям дело до лирических поэтов – как они живут, могут ли они, вообще, жить. Положение же мое ухудшилось за последнее время – все лето – по той причине, что ревельская газета "Последние Известия", дававшая мне прожиточный ежемес‹ячный› минимум просто напросто умирает от худосочия и не в состоянии впредь давать мне даже тех грошей, на какие мы кое-как перебивались. Другие же эмигрантские газеты дают так мало, что хватает лишь на неделю в месяце, и это в лучшем случае. Никакими же побочными способами я заработать не могу, ибо

болен теперь окончательно: постоянные головокружения от плохого питания, ночные изнурительные поты, хронический кашель, лихорадка и одышка после ведра – одного ведра! – воды.

Что-же, сознаемся без страха: близка, очевидно, гибель, т.к. нет никаких доходов, в долг же брать не у кого. И без того должен всем и каждому, больше не у кого брать. Да, надвигается гибель. Вы прислали мне все, что могли, – я благодарю Вас, благодарю. Конечно, если бы Вы могли посылать мне ежемесячно 20-30 крон, я был бы спасен. Но для Вас это трудно, и я не вправе ни просить их у Вас, ни пользоваться ими. Ревельская же местная русская колония настолько бессердечна, хотя и весьма денежна, что зимою еще уморила с голоду Крыжановскую-Рочестер[4]. Когда писательница умерла, у нее не было... рубашки, и для гроба дала рубашку эстонская крестьянка. Запомните этот случай: он характерен и весьма показателен.

Так вот, в результате я сижу в курной избушке, – часто без хлеба, на одном картофеле, – наступают холода, дров нет, нет и кредита, и пишу Вам. Я хочу сказать раз навсегда: не оттого я редко пишу Вам, что мне не хочется, – мне не хочется расстраивать Вас, не расстраивать же мне не удастся: я – поэт интимый, искренний, мне не удастся лгать и не хочется. Я и стихов-то полгода писать не могу. Спасибо Вам за все сердечное. Пишите иногда, – мне приятны Ваши письма. У меня же и на марку часто нет. Асю поцелуйте милого. И сама Вы – милая и хорошая для меня всегда. И знаете: такая нужда, а злобы нет ни к кому. Уж такова, видно, душа поэта. Жена Вам очень кланяется, благодарит за все доброе. Ручки Ваши целую.

Ваш Игорь.

43

Toila, 8.III.1928 г.[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Чрезвычайно рад Вашему отклику, – спасибо за постоянное расположение. Я его очень ценю в людях, и это – редкость. Два дня назад я только что вернулся из Варшавы, Вильно и Двинска, где давал концерты.[2] Пробыл всего в отсутствии полтора месяца. Время шло упоительно. В окт. ездил в Ригу и Двинск на три недели.[3] Сообщите, давно ли Вы и на долго ли Берлине.[4] Вообше, жажду знать все о Вас. Фелисса Мих. и я приветствуем Вас искренне. Настроенье бодрое. Близость весны остро ощущается. Видитесь ли с Костановым? Целую Ваши ручки. Сколько времени ничего не знать о Вас! Пишите же, не откладывая: старые друзья верны Вам. Всегда. Даже, когда не пишут годами!..

Игорь.

44

Дорогая Августа Дмитриевна,

Не посетуйте на меня, что до сих пор не удосужился ответить Вам на все Ваши письма: причин много, и все они, прошу верить, уважительны.[1] Одно скажу: никогда не переставал помнить Вас, желать с Вами встретиться, и этим я прав. Прежде всего разрешите поздравить Вас, что Вам удалось найти близкого человека.[2] Это тем более ценно, что люди с каждым днем все более отдаляются друг от друга, уготовляя себе какой-то новый Вавилон. Я сердечно рад за Вас: это – редкость. Я думал повидаться с Вами в эту зиму проездом в Париж, куда мы хотели с женою попасть к 27 янв. – к открытию сезона Русской оперы Кузнецовой-Масснэ.[3] Но грипп нарушил все наши планы, ибо он повсеместен. Поэтому ни во Францию, ни в Литву мы не поедем до будущего года, теперь-же, в ближайшие недели, побываем лишь в Риге и Двинске, где мне предложено дать несколько вечеров и где я не был с ноября прошлого года. Прошлую зиму (январь-февраль) мы провели в Варшаве и Вильно, имея ряд вечеров. Поездка удалась блестяще.[4]

Очень Вы тронули меня, вспомнив о первом февраля.[5] Надеюсь, в будущем году встретить этот день или в Париже или-же в Москве, куда, возможно, поедем осенью. Тяга туда все ширится: то-ли жизнь кончается, то-ли душа молодеет, как это ни противоестественно на первый – беглый – взгляд. Я верю в большие возможности своего возвращения домой. Весь вопрос, как взглянет на это правительство моей родины, т.е. предоставит-ли мне визу и даст-ли разрешение на устройство вечеров – чисто лирических и, следов., аполитичных. Пока никаких шагов в этом направлении не предпринимал.

За это время новых книг не выпускал ни одной, подготовляя к печати сборник за семь лет (1923-29) – "Классические розы".[6] Большая книга страниц в триста. Не все написанное за эти годы – лишь избранное. Новый роман мой – "Lugne" – еще не вышел отдельным изданием: он прошел прошлой зимой в "За Свободу!" в Варшаве в девяти воскресных номерах газеты.[7] Последнее время пишу только в "Сегодня". И то весьма редко.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы, Августа Дмитриевна, посетили мою Тойлу и взгянули, как я живу вот уже двенадцатый год. Этим летом жена моя получила от матери в собственность квартиру, которую мы перестроили по своему вкусу.[8] Итак, вскоре мы будем в Риге. Было бы очень хорошо, если бы Вы тоже приехали в Ригу (от Берлина это совсем пустяки) меня послушать и показать нам себя. В самом деле, это великолепная идея! Что думаете Вы по этому поводу? Напишите, пожалуйста, теперь-же, я-же сообщу Вам заранее о дне нашего отсюда отъезда. Целую Ваши ручки. Фелисса Мих. Вас искренне приветствует.

Неизменно Ваш

Игорь.

Toila, 5.II.1929 г.

45

Двинск, 10.III.1929 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Увы, пятое марта я провел в пути и не смог написать Вам. Поэтому делаю это сегодня. Письмо Ваше получил в Тойле перед отъездом. Благодарю Вас искренне. Радуюсь успехам Аси. Скажите ему, когда увидите, что я желаю ему всего светлого. Это, видимо, хороший мальчик.

Мы с женою уехали из дома 2.III., провели один день в Юрьеве, два в Риге, с 6-го же обретаемся здесь, гостя у своего хорошего знакомого, к которому вот уже третий раз за эти годы приезжаем. Был и он у нас в Эстии. Это – молодой человек, учитель, поэт, музыкант. Человек вполне обеспеченный, живет в своем доме вместе с матерью. 12-го здесь состоится мой поэзоконцерт, в котором и он принимает, по моей просьбе, участие.[1]

Что касается Риги, я не сошелся в условиях с импрессарио, опаучивающимися ежедневно все более и более: я не нашел для себя возможным выступать за сорок процентов с валового сбора. Минимально – 50. Теперь я веду переговоры с кино-театром "Капитолий" – одним из лучших в Риге – о гастролях (семидневных). Вопрос выяснится 13-го утром – в день нашего отсюда отъезда. Поезд уходит в 5.55 веч., и, получив утреннюю почту, я буду знать, как мне поступить: проехать ли в Юрьев, минуя Ригу, или-же, в случае принятия Дирекцией моих условий, сойти в Риге. Во всяком случае я рассчитываю быть дома между 16.III – 25.III, поэтому свое письмо от 15.III соблаговолите направить прямо на Эстию. Вы интересуетесь "Литаврами солнца". Эта книга до сих пор еще не вышла из печати. На-днях выходит "Поэты Эстонии" (Антология за сто лет. Переводы из 35 поэтов). Эта книга печатается уже три года и весьма объемиста.[2] От жены моей и меня шлю Вам искренние приветы. Дня два назад здесь выступала Карсавина[3], у нас имелись билеты, но мы все-же не были на ее вечере, т.к. было чрезмерно холодно, и я остерегался перед концертом. Целую Ваши ручки. Жалею, что свиданье наше опять отсрочено. М.Д. мое постоянное воспоминание.

Всегда Ваш

Игорь.

46

Toila, 10.IV – 1929

Дорогая Августа Дмитриевна!

Мы возвратились из Риги – через Юрьев – 27.III. утром, и на своем письменном столе, в числе накопившейся в мое отсутствие корреспонденции, я отыскал и Ваше милое письмо, благодарю Вас.

Я принял условия "Капитолия" (вернее – театр принял мои: почти) и целую неделю выступал ровно с тремя стихотв. по шести минут ежевечерне.[1] Но жизнь в Риге и дорога отняли львиную долю заработка, впрочем, как и всегда. Но с этим нужно мириться. Сборы всегда полные, прием очень хороший, но я уклонялся от "биссов".

Благодарю Вас за газету[2] и открытку. И Мак.Дм. тоже, конечно. Разумеется, интересно было еще раз убедиться – пусть с грустью, – как люди опрометчивы в своих суждениях: если бы тов. Бухарин и Плеханов потрудились прочесть все мои книги внимательнее, в особенности же стихи последних семи лет (в газетах), они, м.б., избавили мое имя от несовсем подходящего к нему эпитета.[3] Впрочем, в этом "рассеянном" отношении к моему творчеству повинна вся русская общественность во главе с г-ми Мережковскими, некоторым образом ее дирижерами. У меня 25 томов, но сколько же в них "будуарных" мотивов? Капля в море. Так создаются репутации...

Простите меня, что пишу не в срок: положительно не мог взяться за перо эти дни. Вы поймете, правда? Бывают такие мгновенья...

Фел.Мих. и я шлем Вам, М.Дм. и Асе наши лучшие пожелания.

Мы оба чувствуем слегка себя простуженными и не выходим эти дни. Снега почти нет, яркое солнце, но лед на море и на речке еще очень толст, и о весенних лососках думать преждевременно. Но удочки приведены уже в порядок. Как-то прошлой весной мне посчастливилось поймать таймень в 5 3/4 ф. Эта рыба вкуса изумительного. Но она здесь большая редкость.

Всегда Ваш

Игорь.

P.S. Вакху уже 6 1/2 лет. Рисует. Веселый. Живет попрежнему у бабушки. Спасибо за память.

47

Toila, 5.V.1929 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

с признательностью возвращаю Вам открытку, с интересом мною просмотренную. 23.IV. я открыл сезон, поймав лососину в 2 1/4 ф. Вчера поймал лососину в 3 1/4 ф. Рыбы в эту весну много, но лично мне удалось поймать всего две пока. Весною лососина входит после ледохода в реку, и вся река оживает: появляется много удильщиков, начинается азарт. На удочку некоторым счастливцам удается поймать от 1 1/2 до 13 1/2 ф.! На-днях войдет язь, сырть и максан. Хожу дважды в день. Конечно, я мог бы поймать и более, но трудно здесь достаются выползни (большие черви), да и удилище мое, подаренное Башкировым, – из Мюнхена, – недостачно длинное, весною же речка сильно разливается.[1]

Мне было очень приятно прочесть в Вашем письме, что Вы перечитывали мои сборники, что Вы храните хорошие о московских временах воспоминания. Да, я помню, что Вы были на всех двадцати пяти моих вечерах в Москве. Часто и я вспоминаю Георгиевский, где было всегда так приятно бывать.[2] Увы, это уже не повторится н и к о г д а: как неповторное, дивно и жутко... Если М.Д. поедет когда-нибудь к Вам, я прошу его с женою навестить и нас по пути. (Ст‹анция› Иеве, пятая от Нарвы). Я вышлю лошадей по телеграмме.

А Вас, очевидно, трудно заполучить в наши края. Что делать. Да и удобства наши слишком относительны, и мы боимся, что Вам без комфорта было бы трудненько. Впрочем, здесь имеются очень сносные пансионы с приличным питанием и хорошей светлой дачей. 20 долларов с человека за месяц – стол, комната, белье постельное. Недорого? Еще бы! Дешевле трудно найти в других странах. В прошлом году приезжали и из Латвии, и из Германии, и даже из Японии... На лето. Объясняется это тем, что местность наша чрезвычайно живописна, удобна и дешева. Аптека, 6 лавок, 2 булочных-кондитерских, мясные, зеленные, дважды в неделю доктор. Почта, радио чуть ли не в каждом доме, телефон, театр, оркестр, футбол и проч. И – море! И 70 озер. Нет, я 12-ый год живу и попрежнему очарован, и о лучшем мечтать страшусь. Целую Ваши ручки. Жена просит передать ее искренний привет.

Всегда Ваш

Игорь.

P.S. Сейчас вернулись с речки, где Фел.Мих. поймала только что две лососины по 2 1/2 ф. каждая.

Иг.

48

Toila, 5. VI. 1929

Дорогая Августа Дмитриевна!

Итак, Ася сегодня уже у Вас, – искренний привет ему.[1] Искренне радуюсь Вашему с ним свиданию: на земле так мало людей, с кем хочется видеться. Тем ценнее они для нас.

Строки, о которых Вы меня спрашиваете, не мои, но чьи именно – я не знаю: у Бальмонта так много строк, что их трудно помнить. Посылаю, кстати, Вам его стихи ко мне, – думаю, Вы их не читали. Только они у меня, к сожал., в одном экземпляре: прочтете, будьте добры вернуть.[2] Это же относится к моим стихам, которые посылаю Вам для прочтения.[3] В каждом письме буду Вам что-либо посылать из новинок.

Вчера мы с женою были в Нарве – ездили по делам, пробыли 40 минут: от поезда до поезда. Езды от нас 1 ч.10 м. да и 1 3/4 ч. ходьбы на станцию.

Дорога теперь – без дождей – очень хорошая, даже приятно прогуляться 8 килом. А так, вообще, мы редко бываем в городах. В Ревеле, напр., не были с янв. 1928 г. Семь часов езды, с весны скорый - 3 ч. езды. До Юрьева – восемь часов. Это на пути в Ригу.

На июнь мы были приглашены к поэту Виснапу на его дачу под Юрьевом. Но теперь выяснилось из письма его жены, что у нее плеврит, и мы находим ехать неудобным, боясь стеснить. А они зовут, несмотря на болезнь. Отложили поездку пока.[4]

Гостей у нас никого нет пока. Собирается летом только вдова Арцыбашева из Варшавы[5] да художник Кайгородов (сын профессора)[6] с женой из Ревеля. Да некоторая молодежь из Вильно, Юрьева и Нарвы. Сейчас иду на речку. Целую Ваши ручки, жду письма. Фелисса Мих. просит передать ее сердечный привет.

Всегда Ваш

Игорь.

P.S. Не забудьте, пожалуйста, поклониться от меня дорогому Макарию Дмитриевичу: я постоянно чувствую к нему влечение, и повидаться с ним было бы для меня большим удовольствием.

Иг.

Видели ли Вы когда-нибудь рижскую газету "Сегодня"? Больше всего я пишу в ней.

Иг.

49

Toila, 10. VII. 1929 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

я только вчера вернулся из Luunja, где с 25. VI. гостил на даче у Виснапу. Почты там вблизи нет (3 версты, а я целодневно сидел на Эмбахе и не мог оторваться от своей рыбы). Вот этим и объясняется запоздание этого письма, что очень обидно для меня, поверьте.

Время провели приятно, я ловил много окуней, подлещиков и ершей, ездили с "дорожкой", на которую попадались изрядные щуки. По Эмбаху большое движение: пароходы, баржи, лес, лодки, парусники. Много русских – причудских – рыбаков. Над рекой стоит русская речь, иногда весьма рискованная, и это несколько странно в европейской, цивилизованной стране. Я как-то основательно отвык от этой "русскости" за эти 12 лет. Вообще, в Причудье народ дик и темен, и эстам приходится много прикладывать труда в борьбе с косностью края.

На-днях в Юрьеве вышла моя новая книга "Поэты Эстонии" (переводы из 33 поэтов)[1]. Издатель прислал мне всего один экземпл., мотивируя дороговизной издания (1 доллар). Поэтому я лишен удовольствия выслать

Вам книгу. Если пожелаете приобрести, адрес: Estland, Tartu, Jaani uul. 15, Vadim Bergmann.[2]

Сейчас тороплюсь закончить письмо, т.к. меня ждут на озере. Надеюсь в будущем письме побеседовать с Вами подробнее. Фел.Мих. просит передать Вам ее искренний привет, целую Ваши ручки.

Ваш Игорь.

50

Дорогая Августа Дмитриевна!

Не удивляйтесь, что не писал и "пропустил все сроки": никому не писал, ничего не писал, – надо ли извиняться?...

Получил все Ваши письма и открытки[1], и от М.Д. алтайское письмо. Хорошо там! Припомнил свой "Алтайский Коктебель" из "Гр‹омокипящего› кубка".[2] Всегда туда меня тянуло...

Вот видите, как нехорошо Вы поступили: поехали и в Швейцарию, и в Италию, а, когда звал Вас сюда, нашли какие-то отговорки, вроде отсутствия денег! А между тем и дорога сюда дешевле, и жизнь тоже. Не в деньгах было, очевидно, а в том, что Вас тянуло поюжнее, что, впрочем, вполне понятно, и поэтому прошу счесть мои слова за шутку, не велика важность, если слегка грустную...

8-го сент. я дал концерт в Печерах (б. город Псковск. губ.).[3] Это у границы. Погода была отчаянная: холод, дождь, буря. Собралось все-же почти 3/4 зала, и успех был очень большой: "восторгам не было границ". От нас до Печер 12 ч. езды через Тапс, Юрьев, Валк и Верро. Живописный мужской монастырь на окраине городка. Холмистая местность. Население русское. Одна поклонница "в бурю и грозу" за 30 верст в автомобиле съездила, чтобы засыпать поэта цветами из своего имения! Вместе со мною выступал пианист Всеволод Гамалея, б. муж М.Н. Бариновой.[4] Я знаю его с детства, когда он еще был правоведом и ухаживал за моей сестрой. В 1925 г. мы встретились с ним в Берлине, и я перетянул его в Юрьев, где он с тех пор живет постоянно, изредка концертируя.

Вскоре – в путь. Напишу Вам с юга. Но Вы успеете еще мне черкнуть на Toila: уедем между 20-25 ноября. М.Д. передайте, прошу Вас, письмецо.[5]

Фелисса Мих. и я шлем Вам наши добрые пожелания. Не сетуйте за молчание: повторяю – месяцами не берусь н и к а к за перо. И стихов новых нет.

Всегда Ваш

Игорь.

Toila, 1.XI.1929

51

Toila, 5.I.1930 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

благодарю сердечно Вас и Асю за поздравления, вместе с женою поздравляем Вас с пожеланиями всяческого благополучия.

Поездка наша на юг не состоялась в эту зиму, но мы и не очень жалеем об этом: погода стоит совершенно сентябрьская, 5 гр. тепла, выпадают дожди, почки совсем весенние. До сегодня мороз и снег были всего дважды: один раз в конце ноября было 1/2 гр. мороза рано утром, без снега, и затем снег выпал 23.XII. и пролежал до 29.XII., причем мороз достигал 6 гр. А теперь, напр., совсем тепло и бесснежно, так что и на юг не нужно. Отчего Вы умолкли? Вероятно, полагали, что мы странствуем и не знали, куда писать, ожидая от меня адреса? Переслали ли мое письмо М.Д.? Я написал ему стихи. На-днях они появятся в "Сегодня", конечно без фамилии и даже без инициалов, чтобы как-нибудь не повредить ему. Но мысленно они посвящены ему.[1] Надеюсь, будет время, он узна̀ет это. Вообще, я написал до Рождества (ноябрь-декабрь) 20 стихотв. Печатаются в трех газетах – в Риге, в Варшаве и в Шанхае.[2]

Отсутствие новых книг дает себя чувствовать, очень грущу, что не могу следить за новой беллетристикой и поэзией. Жена ухитряется отыскивать у туземцев классическую литературу, и ее мы штудируем добросовестно. Сейчас, напр., читаем Короленко. За эти годы Ф.М. прочла <u>полностью</u> Байрона, Шекспира, Достоевского, Тургенева, Лескова, Мопасана, Дюма (84 т.!), Бальзака, Гончарова, Гоголя, Чехова, Киплинга, Мордовцева[3], Андреева, Шпильгагена[4], отдельные книги Горького, Жорж-Занд, Оржешко[5], д'Аннунцио, много Сологуба, П. Романова[6], Л. Леонова, Никандрова[7], Шишкова, Куприна, Арцыбашева, Матэрлинка, Бурже и бездну других. Но, напр., Сейфулину, Пильняка, Федина, Алданова, Бунина и др. здесь нельзя получить, и это грустно. В особенности хотелось бы достать погремевшую "Митину любовь". Вообще же – Бунина и Шмелева.

Как Вы провели Праздники? Как самочувствие? Как успехи и здоровье Аси? Пишите, прошу Вас. Надеюсь, переписка наша войдет с нового года в свое русло, и не будет особо длительных перебоев. Целую Ваши ручки. Фелисса Мих. просит передать Вам ее искренний привет.

Всегда Ваш

Игорь.

52

Toila, 12.III.1931

Дорогая Августа Дм.!

Верю, Вы удивлены, что не имеете от меня вестей и откликов на свои письма, но дело объясняется просто: 21.X. мы с женой уехали заграницу и вернулись только 4.III. За это время мы побывали почти во всей Югославии (Белград, Суботица, Горажда, Новый Бечей, Белая Церковь, Вел. Кикинда, Сараево, Земун, Панчево, Дубровник-Рагуза, Каттарро, Цетинье, Любляна), а затем весь февраль прожили в Париже, и через Берлин, Ковно и Ригу вернулись домой. Напишите о получении этой открытки и я подробнее напишу Вам.[1]

Ваш Игорь.

53

Toila, 5. IV.1931 г.

Дорогая Августа Дмитриевна! Получил Ваши открытки.[1] Рад, что все выяснилось. Итак, каждое пятое пишу Вам впредь. Да, мы с женой жалели, что проезжая Берлин, не могли с Вами повидаться, но мы не были в городе, а просто пересели из поезда в поезд в Шарлоттенбурге. Ехали через Аахен, Ганновер, Кёльн, Эссен. В Париже еще было тепло, шли все время дожди, а уж в Германии было много снега. Да, поездка наша была весьма длительной: с 21.X. по 4.III. За это время дал концерт в Варшаве, три в Белграде[2], два в Париже[3], два в Дубровнике (Рагуза), два в Горажде. По одному в Суботица, Любляне, Сараево. Державная комиссия[4] предложила мне дать вечера в женских инст‹итутах› и кадетских корпусах. Таким образом, мы побывали в Горажде, Белой Церкви, Великой Кикинде и Новом Бечее. В Научном Инст., в Белграде, при Палате Академии Наук, я прочел две лекции: "Первая книга Фофанова" и "Эстляндские триолеты Сологуба" и свой новый роман в стихах: "Lugne"[5]. Держ. ком. приобрела у меня три книги моих стихов: "Классические розы" (1922-30), "Медальоны" и "Lugne". Первая книга на-днях выйдет в свет (я уже читал дней пять назад корректуру) и поступит всюду в продажу. Весною выйдут и другие.[6]

Неделю провели мы на Адриатике. (У нас были бесплатные билеты I класса на три месяца по всей Югославии.) Жили в Рагузе на берегу моря. Чудесная вилла в саду. Апельсины, лимоны, миндаль, розы, глицинии. И это 18-24 января. 28-30 на солнце, 15-16 в тени! В открытом авто совершили дивную поездку в Цетинье через Ерцегнови, Зеленику, Пераст, Каттарро. Перевалили хребет (1700 метров), видели близко Ло̀вчен (2300). В Каттарро изнывали от тепла, через час, поднявшись по 28 серпантинам в гору[7], зябли от холода. Как красива Югославия! Я говорю о Боснии, Герцеговине и Далмации. Да и Монтенегро прелестно.

Когда из Любляны альпийским экспрессом ехали около восьми часов по Швейцарии, это нас уже оставляло холодными. Ни в какое сравнение Югославия итти не может. В ней все так величественно-примитивно, дико и потрясающе. 36 часов от Белграда до Рагузы поезд извивается в скалах над безднами. Более 300 тоннелей. Цвет рек изумительный: не малахит, не изумруд, не бирюза, – невыразимо-зеленый, ядовито, яростно! Как обозначить его точно? Нет слов, нет красок. Такова, напр., Дрина в Боснии. Поезд долго идет вдоль ее извилин. Между Вишеградом и Усти-Прача. Уже несколько стихотворений написал я в пути. Но, конечно, это почти невозможно передать.

Успех был всюду выдающийся, но дорòга (отэли, поезда и пр.) очень дорогà, так что материально мы пока что не разбогатели, но до окт. коекак продержимся и – снова в путь. Маршрут намечен следующий: Ковно, Берлин, Брюссель, Париж, Ницца, Югославия, Болгария, Румыния. В последних двух странах мы еще не были. Кроме того, не были в Сербии в Мариборе, Сомборе, Загребе, Нише, Скоплье и Новом Саду. Между тем, многие из этих городов звали дать вечера. Придется и повторить в некоторых, как, напр., Париж, Любляна, Сараево, Белград, Суботица, Горажда, Рагуза. В Ковно не был с 1921 г., в Берлине с 1925 г. Как Вы думаете относительно Берлина? Много-ли сейчас русских, не отражается ли кризис на посещаемости театров и концертов? Если посоветуете, остановимся и дадим вечер, если нет – проедем мимо, повидавшись денек с Вами. Впрочем, до осени времени еще много, и неизвестно м н о г о е... В Париже встретили Ремизова[8], Тэффи[9], Оцупа[10], многих старых знакомых, в том числе Анаиду и Петра Костановых. У них и жили последние 10 дней. Сначала жили в Boulogne, на Denfert Rocherau, у леса Булонского, куда часто ходили гулять. Встречались там и с Юсуповыми, у которых бывали иногда.[11] И они были у меня на концерте. Княгиня Ирина все еще очень интересна и красива, хотя 22.II. было 17 лет, как она замужем. Милые, простые люди, очень любящие искусство вообще, мои стихи в частности. Петр Маркович[12] все хворает, нервничает. Жаль его. И заработки скверные совсем.

А мы встречаем весну. 3 градуса в тени, и таянье дружное. С таким удовольствием пойдем, как только вскроется лед, на речку ловить лососек. Читать ничего не хочется, когда чувствуется весна, да и книг нет. Все, что привезли с собою, прочитано давно. На-днях у нас был гость – директор Госуд. Завода инженер А.К. Эссен, наш друг с 1920 г. Провел два дня. Погуляли в парке у моря, почитали многих поэтов. А так мы месяцами никого не видим, да и не очень грустим об этом: зимою столько всегда вокруг людей в путешествии! В Белграде все дни были расписаны дней за 10-12 вперед. Принимали всюду воистину по царски. В одном Белграде более 80 чел. х о р о ш о знакомых, а сколько мèльком!

Итак, жду от Вас 15.IV. письма. Сообщил Вам все новости. Теперь очередь за Вами. Фелисса Мих. и я Вам, Вашему мужу и Асе сердечные шлем приветы. Прошлой осенью послал Вам стихи для М.Д.: "Ночь на Алтае". Получили-ли? Целую Ваши ручки.

Всегда Ваш

Игорь.

54

Toila, 5.V.1931 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, Вашу открытку и письмо получил, благодарю Вас. Мы с женой радуемся выздоровлению Вашего мужа (сообщите, пожалуйста, его имя-отчество).

Наступает весна, появляется травка и подснежники, лед прошел, прилетели скворцы, но в горах у нас еще много снега. Мы уже ходили на речку ловить рыбу, уже поймали четыре лососки: 3 1/2, две по 1 1/2, 3/4. Очень хороша весна у нас на севере, а вот в Югославии жаловались нам, что совсем весны не видят: сразу после зимы лето. Я доволен, что не на юге живу: было бы очень досадно жить без весны.

На-днях читал вторую корректуру своей книги "Классические розы", выходящей в Белграде. Масса убийственных опечаток. Я принял меры, чтобы их впредь не было, но это очень трудно бороться с безграмотностью так называемых "интеллигентных" корректоров. Сколько огорчения причинили мне за эти годы издатели в Берлине! Напр., сборники: "Фея Eiole", "Менестрель", "Миррэлия" полны невероятных ошибок.[1] Сообщаю Вам стихи "Ночь на Алтае":

На горах Алтая,
Под сплошной галдеж,
Собралась, болтая,
Летом молодежь.

Юношество это
Было из Москвы.
И стихи поэта
Им читали Вы.

Им, кто даже имя
Вряд-ли знал мое,
Им, кто сплел с другими
Все свое житье...

Ночь на бивуаке.
Ужин из ухи.
И костры во мраке.
И стихи, стихи!

Кедры. Водопады.
Снег. Луна. Цветы.
Словом, все что надо
Торжеству мечты.

Ново поколенье,
А слова ветхи.
Отчего-ж волненье
Вызвали стихи?

Отчего-ж читали
Вы им до утра
В зауральской дали
В отблесках костра?

Молодежь просила
Песен без конца:
Лишь для русских – сила
Русского певца!

Я горжусь, читая
Ваше письмецо,
Как в горах Алтая
Выявил лицо...

Toila, 1929. ("Сегодня", Рига).

Стихи вошли в "Классич. розы". Туда вошли стихи 1922-30 гг. Всего 160. Целую Ваши ручки. Ф.М. и я шлем Вам и мужу Вашему искренние свои приветы. Итак, жду от 15.V. письма.

Всегда Ваш

Игорь.

P.S. Только на-днях отделался от жестокой невралгии правой стороны головы. Ежедневно от 11 у‹тра› до 3 дня. Очень изнуряло.

55

Toila, 5.VI.1931

Дорогая Августа Дмитриевна!

Письмо Ваше своевременно получил, – благодарю Вас. Время летит очень быстро, – вот уж и весна почти прошла. Погода все время меняется: то грозы, то град, то чудные жаркие дни, то хмурые и холодные. Сейчас, напр., 6 град. тепла. В горах все еще снег. Думаю, Ася уже приехал к Вам, и Вы рады. Радостно радости ближнего. Что касается Эссена, это тот самый. Он приветствует Фед.Фед.[1] Жизнь наша течет очень буднично и однообразно, но в этом однообразии много своеобразного очарования. Скучать мы не умеем, наслаждаясь природой. Книга моя все еще печатается. Уж очень долго что-то! На-днях были гости из Нарвы, вскоре ждем из Ре-

веля. В ночь на 24. VI. у нас жгут костер, играет в парке оркестр, танцуют.[2] На фоне моря все это очень живописно. Приезжает много публики в автокарах и автомобилях. Между Toila и Гунгербургом (37 верст) ходят автобусы. Где думаете проводить лето?

Фелисса Мих. и я шлем Вам, Фед. Фед. и Асе наши сердечные приветы. А осенью мы, кажется, поедем прямо через Ригу, Варшаву и Будапешт в Белград, Софию и Кишинев. Впрочем, пока ничего неизвестно в точности, и трудно вперед загадывать: уж очень напряженное время... Вы не находите?..

Игорь.

56

Toila, 5. VII. 1931 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

очень обидно, что в это лето Асе так мало придется с Вами побыть, что эти переэкзаменовки отвлекают его от Вас. Вполне сочувствую Вам. Но что же поделать. Зато он хороший, видимо, юноша, и со временем все образуется. Главное – не унывайте. Воображаю, как он мучается сам. В котором он классе? Что думает после школы предпринять. Любит ли искусство? Музыку или поэзию?

А у нас злоба дня: сумасшедший. Да, он появился в местечке Иеве за 12 верст от нас. Сын бедных хуторян. Учился в университете, но заучился и "спятил". Был в сумасш. доме, но т. к. родителям тяжело за него платить, его выпустили на свободу. И теперь он "орудует". Нападает исключительно на женщин и бьет их до полусмерти. Одну женщину бил до того на кладбище, что, придя домой, она умерла. Иногда (представляете себе удовольствие жителей Toila?) приходит и в нашу деревушку и разгуливает в парке. На-днях поймал в парке пастушку 12 лет и чуть не задушил. А иногда нападает на дороге между Toila и Иеве. В общем, мы знаем лично четырех, кого он пробовал убить. И никто ничего не предпринимает, а власти его не трогают, – ждут, когда убьет еще кого-нибудь. Управа же местечка не находит нужным платить за него в дом умалишенных. Милые времена, не правда-ли? Фелисса же Мих. любит прогулки в одиночестве по парку, и, следов., рискует жизнью. На-днях я заявлю обо всем этом мин‹истру› внутр‹енних› дел. Целую Ваши ручки.

Ваш Игорь.

Ф. М. и я шлем серд. прив. Ф. Ф. и Асе.

57

Toila, 5. VIII. 1931 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, вот еще один месяц прошел – как сон, пронесся, и все меньше и меньше впереди этих месяцев![1] К нам понаехали гости отовсюду, и шум, и гам с утра до ночи. Но все-же я уделяю минутку для этой открытки. Лето стоит дивное, дни пленительные, без дождя, без особой жары. Фелисса Мих., – она приветствует Вас и Ф.Ф., – ежедневно купается в море, а я не могу – сердце. Читали ли Вы мои новые стихи (их там 5) в журнале "Числа"? № 5, выходит в Париже.[2] Спасибо за вырезку из "Руля". А я не знал. Но портрет очень примитивен и плох, не правда-ли?[3] Сегодня получил письмо из Белграда, – моя книга выходит на-днях в свет. ("Классич. розы".) Сумасшедший куда-то упрятан. А каково времячко и для Германии, и для всего мира! Чувствуется близость встряски и встряски основательной... Сплошная жуть. Целую Ваши ручки. Сердечный привет Фед. Фед. Что М.Д.? Пишет ли он Вам? И ему, и жене его, когда будете писать, передайте, пожалуйста, от меня приветы.

Всегда Ваш

Игорь.

58

Toila, 5. IX. 31 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, вот и еще одна осень в нашей жизни – желтеют и алеют листья, серые деньки, бури на море, холодный воздух по утрам. Гости наши все разъехались – и прив‹ат›-доц‹ент› из Юрьева[1], и маг‹истр› фил‹ософии› из Праги[2], и барышня из Гунгерб‹урга›[3], и вдова художника из Ревеля[4], и еще одна дама из Юрьева, и супруги из Нарвы. Дня через два приедет один поляк из Варшавы, – и вновь никого, если не считать Эссена, живущего тут-же, т.к. расстояние в 16 килом. для нас не более, чем горожанам окраина города. Между 1-15 окт. мы, с Божией помощью, уезжаем на заработки – в Югославию, Болгарию и Румынию. Возможны три маршрута: 1) Ревель – Рига – Варшава – Будапешт – Суботица – Белград. 2) Варшава – Вильна – Любляна –Белград. 3) Ревель – Рига – Ковно – Берлин – Брюссель – Париж – Любляна – Белград. Все будет зависеть ог графини К‹арузо›[5] в Брюсселе и от одной дамы в Париже: если удастся там сорганизовать вечера, мы поедем через Берлин. И тогда уж конечно будем очень рады с Вами повидаться на денек, тем более, что в Берлине пересадка обязательная. Хорошо было бы и выступить где-либо попутно, хотя бы и в небольшом зале. Или даже где-либо в салоне у какой-нибудь меценатки, если такие еще не перевелись.

Книга моя на-днях только вышла из печати, но я еще ни одного экз. не получил.[6] Как Вы живете? Что нового у Вас? Как Ася?

А пока, в ожидании скитаний, мы целодневно в парке, где удим форелей и окуней. В это лето я написал всего 4 стих.[7] – необходимо дать отдых и сердцу, и мозгу. Фелисса Мих. и я шлем Вам, Фед.Фед. и Асе наши искренние приветы. Нас очень тянет Далмация на Адриатике, где мы провели в январе неделю. Там, около Каттарро, в 18-ти от него кил., есть прелестный городок Ризан, где, возможно, мы поселимся недели на две, и я напишу стихи несколько иной тональности, ловя в бухте кефалей.

Ваш Игорь.

59

Toila, 19. X.1931 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, простите, что чуть опаздываю, но перед отъездом масса хлопот. Мы уезжаем 20 окт. в 3 ч. дня в Ревель, оттуда дня через три в Юрьев, Ригу. В Белграде будем около 8-10 ноября. Я напишу Вам оттуда и, вообще, буду попрежнему писать каждое пятое, где бы мы ни были. В Париж и Брюссель мы сейчас не поедем.[1] На-днях я получил из Югославии уже билеты 1-го класса для разъездов по всей стране gratis. Это очень любезно и удобно. Фелисса Мих. и я шлем Вам, Фед. Фед. и Асе наши искренние приветы. Сообщаю адрес до ноября: J. Rakitin[2], для меня. Belgrade. Yougoslavie. Rimska, 13. Вы, конечно, успеете написать сюда. Жалеем очень, что не удастся повидаться: в этом, право, что-то роковое...

Здесь так прелестно, что сердце сжимается при мысли, что надо уезжать!

Ваш Игорь.

P.S. Не было ли рецензий в "Руле" о моей книге?

60

Любляна (Лайбах).
7. XI. 1931 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Сейчас мы прибыли сюда, и я спешу написать Вам, т.к. 5-го не мог этого, к сож., сделать. 3.XI. дал вечер в Варшаве, 5.XI. в Мариборе (Марбурге)[1], 6.XI. в Птуе (Петеуме). Здесь даю 9.XI, а затем сразу же едем в Белград, где жду от Вас весточки. Мы едем уже с 20.X. 3 дня были в Ревеле, 3 дня в Юрьеве[2], 2 в Риге и 5 в Варшаве. Погода за Тиролем стала летней, солнце горячей. Прелестный город Марбург! Живописный. Милые люди. Одна

дама свезла нас в своем авто за 18 кил. в древний Петеум. Но в открытке трудно все рассказать. Когда-нибудь впоследствии. Целую Ваши ручки. Ф.М. приветствует, как и я, Вас и Ф.Ф. Всего доброго.

Ваш Игорь.

61

г. Казанлык, 5.XII.1931 г.

Дорогая Августа Дмитриевна! Пятое декабря застает нас в Болгарии, в городке, расположенном в знаменитой долине роз у подножья Балканских гор. Сегодня даем концерт. С 12.XII. мы обретаемся в Болгарии, встречая повсеместно самый сердечный, самый воистину братский и восторженный прием. Дал в Софии два концерта, в Пловдиве два, один в Стара Загора. Отсюда едем в Сливен, Рущук, Тырново, Варну, Шумен, Плевну и Ловеч. Вернемся в Софию около 15.XII, где предположен третий концерт. А потом, с Божией помощью, в Белград и дальше. 24-25.XI. ездили с начальником культ. отдела[1] и его женой в автомобиле мин. народн. просв. за 136 килом. от столицы в тысячелетний мужской Рильский монастырь, расположенный среди отвесных гор со снежными вершинами на высоте более 1500 метров.[2] Поездка оставила глубокое впечатление. В Софии встречаемся ежедневно с Масалитиновым[3], Краснопольской[4], Любовью Столицей[5], А.М. Федоровым[6], вдовой Нест‹ора› Котляревского[7] и мн. др. Болгарское общество приглашает на обеды и ужины, мин‹истерство› оплачивает отэль. Все это очень мило и трогательно, но не менее утомительно. Часа нет свободного. С утра фотографы, интервью, редакторы, почитатели. А в провинции, во всех городах, ходят барабанщики, сзывают грохотом барабана толпу и громогласно объявляют, – просто кричат, – о моем концерте! Так что имя мое звучит повсюду, даже на перекрестках улиц. Нельзя сказать, чтобы это было очень приятно. Но что поделать: надо зарабатывать свой покой! Покой, заработанный шумом – какая ирония!..

Ф.М. и я шлем Вам и Ф.Ф. наши искренние приветы. Целую Ваши ручки. Где-то будем 5 янв.?

Всегда Ваш

Игорь.

62

Toila, 5 янв.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

Мы вернулись домой 1 янв. в 11 ч. веч. прямо из Дубровника, где встречали Рождество в цветущих розах и зреющих перед окнами виллы апельсинах, при 22 град. тепла, и попали в полосу морозов и снежных вихрей. Еще 27-го давал в Белграде концерт, и вот мы уже дома. Благодарим Вас, Фед.Фед. и Асю за поздравления, получен‹ные› в Белграде и, в свою очередь, поздравляем всех вас. В дороге мы очень устали, т.к. не спали ровно семь ночей, и теперь отдыхаем. Мы побывали в 19 городах, в том числе и в Сараево, где провели 8 часов у знакомых, и дали в общей сложности 15 концертов. Это меня так утомило, что я отклонил 8 вечеров и поспешил домой, где так своеобразно очаровательно. Результаты материальные по причине всеобщего безденежья не блестящи, но все же я вполне доволен. Уж очень дешевы билеты в этом году: первый ряд в Софии шел по 10 лев, в провинции по 5 лев! В Белграде по 40 динаров – это уже прилично. Целую Ваши ручки, шлем привет Фед.Фед. и Асе. Все Ваши письма получил своевременно. Вскоре принимаюсь за большую работу по переводу стихов с болгарского.[1] Осенью, возможно, проедем прямо в Дубровник к своим друзьям, которые усиленно приглашали нас погостить у них на вилле длительнее.[2] У них своя машина, и мы вновь хотим в Каттарро, Цетинье и Сполатто (Сплит). Там мы еще не были.

Ф.М. шлет искр‹енний› привет свой.

Всегда Ваш

Игорь.

63

Toila, 5.II.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

шлем Вам с Фед.Фед. свой февральский привет. Рады, что Ася учится теперь лучше. Наш Вакх, – ему 1-го авг. исполняется 10 лет, – учится в сельской школе очень хорошо. Второй год уже бегает. На-днях получил извещение из Парижа о свадьбе Анаиды Марк‹овны› с кн. А.В.Оболенским.[1] Помните ли Вы ее? Встречаете ли в Берлине Элеон‹ору› Марк‹овну›[2] и ее мужа? Ведь, Вы меня с ними и познакомили в 1918 г.

14.II. меня приглашают выступить в концерте в Ревеле в конц. зале "Эстония"[3], вмещающем около 2500 человек и славящемся на весь мир своей акустикой. Смирнов[4], напр., говорил мне, что объездив весь мир, считает "Эстонию" на втором месте. На первом ставит зал в Сиднее. Я уже выступал там дважды.[5] Теперь вскоре четыре года в Ревеле не выступал.[6] Веду

переговоры. Не знаю – сойдемся ли в условиях. А 17.II. назначено мое чтение в Нарве, где тоже не читал года четыре. Об этом уже объявлено в эст. газетах.[7] Приезжайте с Фед.Фед. летом в Тойлу на дачу. Или к нам погостить. Когда-то еще мы попадем в Берлин: он не по пути всегда... Целую Ваши ручки. Фел.Мих. и я шлем вам обеим свои приветы.

Всегда Ваш

Игорь.

64

Toila, 5.V.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

Приветствую Вас с возвращением домой. В марте не писал по той причине, что Вы дали знать о своем отъезде, а в апреле боялся писать на Меран, думая, что письмо мое Вас там уже не застанет. Все Ваши письма и открытки получил своевременно, – благодарю Вас за них.[1]

В феврале выступал в Ревеле[2] и Нарве[3], в апреле снова в Нарве[4]. Первый раз в зале было 250, а вторично 400 человек. В Ревеле же 1200. Везде прием был очень хорошим. Теперь до осени засел в деревне. Ловлю весенних лососок, поймал уже 9 штук: 3 1/4, 2 1/2, 1 3/4, 1 1/2, 1 и три по 1/2 ф. Одна, – фунтов в 7, – сорвалась, что очень досадно. Но она порвала себе губу.

На Пасху приезжали к нам Кайгородовы из Ревеля. Провели неделю. Она – теософка, он – художник.[5] Набросал три этюда. По вечерам много читали стихов. На этих днях приезжает к нам из Лондона одна молодая дама[6]. Проведет у нас все лето. Англичанка по отцу, итальянка по матери. А осенью мы хотим посетить Югославию и Румынию. Из Дубровника (Рагуза) нас очень зовет к себе одна добрая знакомая, Мария Андреевна Сливинская, у которой мы каждый раз на вилле останавливаемся.

Отчего бы и Вам и Фед.Фед. когда-нибудь не побывать там? Дивный край, в особенности далматинское побережье Адриатики, Черногория и Босния. Ехать лучше всего через Вену, Марбург, Загреб, Броды на Сараево. Но, конечно, красивее путь через Белград на Сараево. Приезжайте туда в октябре-ноябре, там мы и встретимся с Вами. Это – чудная идея. У Сливинской большая вилла на берегу моря, раньше они держали пансион, но думаю, что и теперь они уступили бы Вам одну из комнат. Веранда вся в глициниях, в саду розы и апельсины.

Как идут экзамены Аси? Наш Вакх весной в третий класс переходит. Всего же 6 классов подготовительных к гимназии. Вот Вы каждый год путешествуете, и это очень интересно. Когда же в наши края, на Балтийское море? А следовало бы взглянуть на север, на нашу хибарку: и здесь много очарования и даже, если хотите, красоты. Впрочем, Тойла – лучшее место всей Эстонии...

И Фелисса Михайловна, и я шлем Вам и Фед.Фед. и Асе наши искренние приветы. Целую Ваши ручки.

Сердечно всегда Ваш

Игорь.

65

Toila, 5.VII.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

Вы так и не ответили на мое письмо от 5-го мая, письмо, в котором я советовал Вам побывать осенью в Югославии, где мы могли бы с Вами, б.м., встретиться. Наши письма тогда разошлись, т.к. Вас не было в Берлине, – это я понял из Вашей открытки.[1] В июне я, каюсь, не писал, т.к. не знал, где Вы снова находитесь (как уже однажды было зимою). Но полагал, что Вы, по приезде домой, все же меня вспомните. Ответьте, пожалуйста, теперь сразу же, чтобы восстановить переписку, т.е., чтобы 5 авг. я мог смело уже Вам писать, зная наверняка, что письмо мое будет Вами получено. Прошла уже половина лета: отцвели сирень и яблони (у нас это совсем недавно!), отзвучали соловьи, в лесу набухают грибы, – приближается осень. Опять уже осень? так скоро? Да, да, осень. Так проходит жизнь... Мы целыми днями у моря, у речки, в парке. Изредка кто-нибудь приедет из городов. Вскоре ждем одну молодую даму из Лондона. Она должна была давно уже быть здесь, но у нее заболела младшая сестра, что задержало ее приезд из Англии. В настоящее время мы с Фелиссой Мих. сделались издателями: печатаем в Нарве на свой счет новую книгу стихов: "Адриатика". Нас побудило на этот шаг два обстоятельства: невероятная дешевизна типографского труда и необходимость (неизбежность, увы!) скорого заработка: сбережения наши от последней поездки кончаются, иссякают, – надо хоть на дорогу до Югославии заработать. Но это удастся только в случае распродажи половины издания. Всего же мы печатаем 500 экз. Продавать будем не очень дорого: 8 франц. франков за экземпляр. И только в таком случае удастся что-нибудь заработать. В магазины издания не дадим: слишком большие комиссионные (40 проц.) да и опасно: не получишь с них после денег!.. Поэтому решили просить н а д е ж н ы х знакомых содействовать распространению книг, т.е. предлагать книги их знакомым. Написал уже в Париж, Брюссель, Лондон, Белград, Софию и т.д. К сожал., в Берлине у меня нет никого, кроме Вас, кому я мог бы доверить книги. Но мне ужасно неприятно беспокоить Вас! М.б., все-же разрешите, дорогой друг, прислать Вам несколько экз. на пробу? Вы нас очень этим обяжете. В Берлине можно продавать на нем. марки сообразно с франками. Да, издание книги – это единственный более или менее приличный выход из того неприличного положения, в котором, благодаря кризису, может вновь очутиться поэт, за последние годы ставший-было слегка оправляться от тягот былых лет зарубежья... Сообщите, как Ася – т.е., как его успехи? Как

Вы с Фед.Фед. проводите лето?[2] Что думаете по поводу Рагузы осенью? Вот было бы хорошо! Фел.Мих. и я шлем Вам, Фед.Фед. и Асе лучшие наши воспоминания и чувства. Целую Ваши ручки. Жду весточки. Сколько экз., – если, конечно, Вы позволите, – Вам прислать? Вскоре будут готовы и мои новые портреты. А Белград задерживает выпуск моих двух новых книг: "Lugne" и "Медальоны".

Всегда Ваш

Игорь.

66

Estonie. Toila. 5.VIII.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

приветствуем Вас, Фед.Фед. и Асю в горах Швейцарии! Лето проводим прелестно. На-днях приехала к нам из Лондона знакомая.[1] Она любит движение и веселье. Мы очень этому обрадованы. Спасибо большое за содействие касательно книг. Книги вышли в свет только вчера. Я пришлю Вам в конце августа.[2] Фел.Мих. и я шлем вам всем искренние пожелания. Ждем вестей.

Ваш всегда

Игорь.

67

Toila, 5 сент. ‹1932 г.›[1]

Дорогая Августа Дмитриевна,

получили ли Вы мою открытку от 5 авг. на Лугано и вернулись ли уже домой? 30 авг. я выслал Вам 20 экз. книжки своей, – как она дошла: не смялись ли, не запачкались ли? Я разослал уже по всей Европе 285 экз. За две недели выручил 3/4 себестоимости!..[2] Как Вы путешествовали? Довольны ли поездкой? Я получил от Вас только две открытки. У нас сезон дачный закончился. Эссен прожил 6 дней. Вспоминал о Фед.Фед. и просил ему кланяться. На-днях ждем эст‹онского› поэта Адамса. Приедет с невестой к нам дней на 10. В этом году много в лесу брусники и грибов. Мы пробудем здесь до 25 окт. Наша миссис Braithwaite все еще у нас. Пробудет до поздней осени, а потом уедет в Италию к сестре. Шлем с Фел.Мих. Вам, Фед.Фед. и Асе искренние приветы наши. Скоро ли уедет Ася в Стокгольм? Пишите все подробно. Дела наши не из блестящих, но надеемся на дальнейшую успешную продажу книг. Вскоре рассчитываем уже на при-

быль. Тянет в Рагузу. Возможно, поедем туда прямо, а оттуда уже в Румынию.

Целую Ваши ручки. Жду письма.

Всегда Ваш

Игорь.

68

Toila, 5.X.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

очень порадовались мы за Вас, что так удачно путешествовали этим летом, что Ася был с Вами и что его успехи радуют Вас. А помните, было время, когда Вы были сильно обеспокоены его судьбой. Но у каждого юноши бывает такая полоса, когда он временно слабо учится, с годами – иногда с месяцами – это проходит. Так и у Аси: кризис миновал и, уверен, впредь пойдет все благополучно. А мальчик он, видимо, способный, раз мог поступить в лучшее учебное заведение Стокгольма.[1] Помогай ему Бог в его занятиях! Что касается нас с Фелиссой Мих., могу Вам сообщить, что в конце октября мы предполагаем отправиться в путь на всю зиму на заработки. Принимая во внимание, что в Югославии и Болгарии мы уже были, при чем в первой два года подряд, на этот раз, раньше всего, мы хотим посетить Румынию, а оттуда, при благополучном стечении обстоятельств, возможно, вновь проедем в Югославию, на Адриатику, в Рагузу. Но пока это только мечты, тем более, что Мария Андреевна Сливинская писала мне на днях, что они с Александром Влад. собираются уехать из Рагузы навсегда. Не мыслим себе пребывания в Далмации без их общества; это на редкость обаятельная чета. Если они уедут, мы, пожалуй, и не поедем туда вовсе. Но пока что они усиленно нас к себе приглашают. Однако, нам больше смысла ехать сразу в Бессарабию, где столько русских и где, значит, можно так или иначе рассчитывать на заработок. Дела наши, как и каждую осень, слабы, мы заняты теперь выискиванием средств к движению. Но теперь достать деньги чрезвычайно затруднительно, благодаря милой мировой ситуации. И нужны то гроши: каких-нибудь 50-60 долларов, но достать их нам, повторяю, не так-то просто. Я разослал уже по Европе 345 экз. "Адриатики", отовсюду пишут об удачной продаже, но, к сожал., деньги переводить почти немыслимо. Эстония и отчасти Латвия целиком окупили мне стоимость издания, и я уже не в убытке, но прибыли пока нет, т.к. нельзя достать денег из-за границы. Поэтому я пошел на явный риск, прося всех знакомых, продающих любезно мои книжки, посылать деньги в простых письмах. Из Варшавы получил на-днях таким способом 25 злотых. Теперь жду из Югославии, Болгарии, Литвы и друг. мест. Вот и Вы, дорогой друг мой, если Вам посчастливилось продать несколько экз., не откажите в любезности послать до нашего отъезда немецкие марки в простом письме: перед отъездом, сами знаете, каждый грош

имеет громадное значение. Но лучше всего послать одной акредитивой, при том не очень новой, дабы избежать хруста, свойственного всем ассигнациям. Впрочем, м.б., Вы найдете какой-нибудь другой способ пересылки? Если же нет, рискуйте, прошу Вас, тем или другим способом. О получении немедленно извещу. Самое позднее, конечно, около 15-20 окт., т.к. после 20-го мы думаем сразу же уезжать. С пути и из Румынии я буду писать Вам обязательно, и, если к январю-февралю попадем в Рагузу, м.б., и Вы с Фед.Фед. проедете туда? Это было бы упоительно! Все наши гости уже разъехались. На-днях уехала от нас жена поэта Виснапу, пробывшая две недели, а вчера уехала в городок Иеве (в 12 кил. от нас) и missis Braithwaite, проведшая у нас 2 1/2 мес‹яца›. Она будет теперь давать в Иеве уроки итал‹ьянского› языка. Имеет их уже 7. По субботам будет приходить к нам. Жаль, что это продлится недолго, т.к. мы вскоре уезжаем. Ей будет скучно среди чужих. Осень с каждым днем все больше и больше вступает в свои права: листья желтеют и алеют, море бурно, в саду астры и георгины, но еще много солнца и очень тепло. Иногда я хожу ловить окуней и щук за 6 кил. в леса к Иеве – я очень люблю прогулки пешком, и мне было приятно узнать из письма Вашего, что и Вы с Фед.Фед. совершали легко и бодро большие "проходы", а еще лучше по старинке: "переходы..." Мы с Фелиссой Мих. теперь много читаем. "Атлантида" и "Иисус Неизвестный" Мережковского, "Отчий дом" Чирикова, несколько книг Ремизова, Зайцева, Бунина и "Трагедия адм‹ирала› Колчака" в 5 т. Мельгунова.[2] Но все это не то, что хотелось бы прочесть и чего нет под рукой. По обыкновению!.. Я целую Ваши ручки. Сердечный привет Вам и Фед.Фед.

Эссен приветствует и благодарит за память. На-днях мы виделись тут с ним, и я передал ему привет от Фед.Фед.

Неизменно Ваш всегда

Игорь.

P.S. Когда будете писать Асе, скажите ему, что я вспоминаю его и приветствую.

Иг.

69

Toila, 14.X.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, чрезвычайно признателен Вам за любезное письмо Ваше от 9 окт. Отвечаю незамедлительно. То, что сообщаете о вывозе денег из Эстии, конечно, крайне затруднительно, но мы все же надеемся получать по пути небольшие суммы, следуемые за книги. Самая же насущная надобность именно здесь перед дорогой, т.к. я сильно опасаюсь, что мне не хватить на билеты, визы и проч. У меня же обыкновение - покупать билеты в бюро путеш‹ествий› сразу до места назначения. В этом способе таится масса преимуществ: покупаешь сразу на одну валюту, дешевле и действительны они 2 месяца. Так вот, основываясь на этом,

я и попросил бы Вас перевести деньги непосредственно сюда, в Эстонию. Конечно, было бы самое удобное - почтовым переводом, но, если нельзя, банковским чеком. Дело в том, что почта у нас рядом, а ближайший банк в 12-ти километрах. Впрочем, это уж не так страшно, если нет иного способа. Боюсь, что не соберу в этом году из-за кризиса нужной суммы, поэтому-то и обращаю также внимание на каждую, даже мелкую, получку: понемногу отовсюду - в результате что-то. Вы отлично, верю, меня понимаете. Мы с Фелиссой Михайловной шлем Вам и Федору Федоровичу искреннюю нашу благодарность за отзывчивость вашу и просим принять наши самые теплые приветы. Итак, в ожидании от Вас весточки скорой, целую ручки Ваши. Настроение пока все-таки очень бодрое и светлое. Впрочем, это уж у меня такая натура. И это, несомненно, очень и очень хорошо, не правда ли? Поедем мы через Ревель, Юрьев, Ригу, Варшаву, Львов, прямо на Кишинев. Я напишу Вам с дороги. Да и из Toila, когда получу, извещу Вас. Всего хорошего. Всегда с Вами.

Игорь.

P.S. В Париже книжки мои продает Тэффи, в Брюсселе - графиня С.И. Карузо, давняя приятельница из Харькова, в Нью-Йорке художник С.В. Животовский[1], в Софии вдова акад. Нестора Котляревского и т.д. Всем им написал, но ответов пока нет: еще рано. На-днях начну, вероятно, получать. От всего этого зависит наша судьба, а вернее - день отъезда в Румынию. Асе, пожалуйста, кланяйтесь при случае. Неужели Вы и весною не приедете в наши края?! Здесь так очаровательно.

Иг.

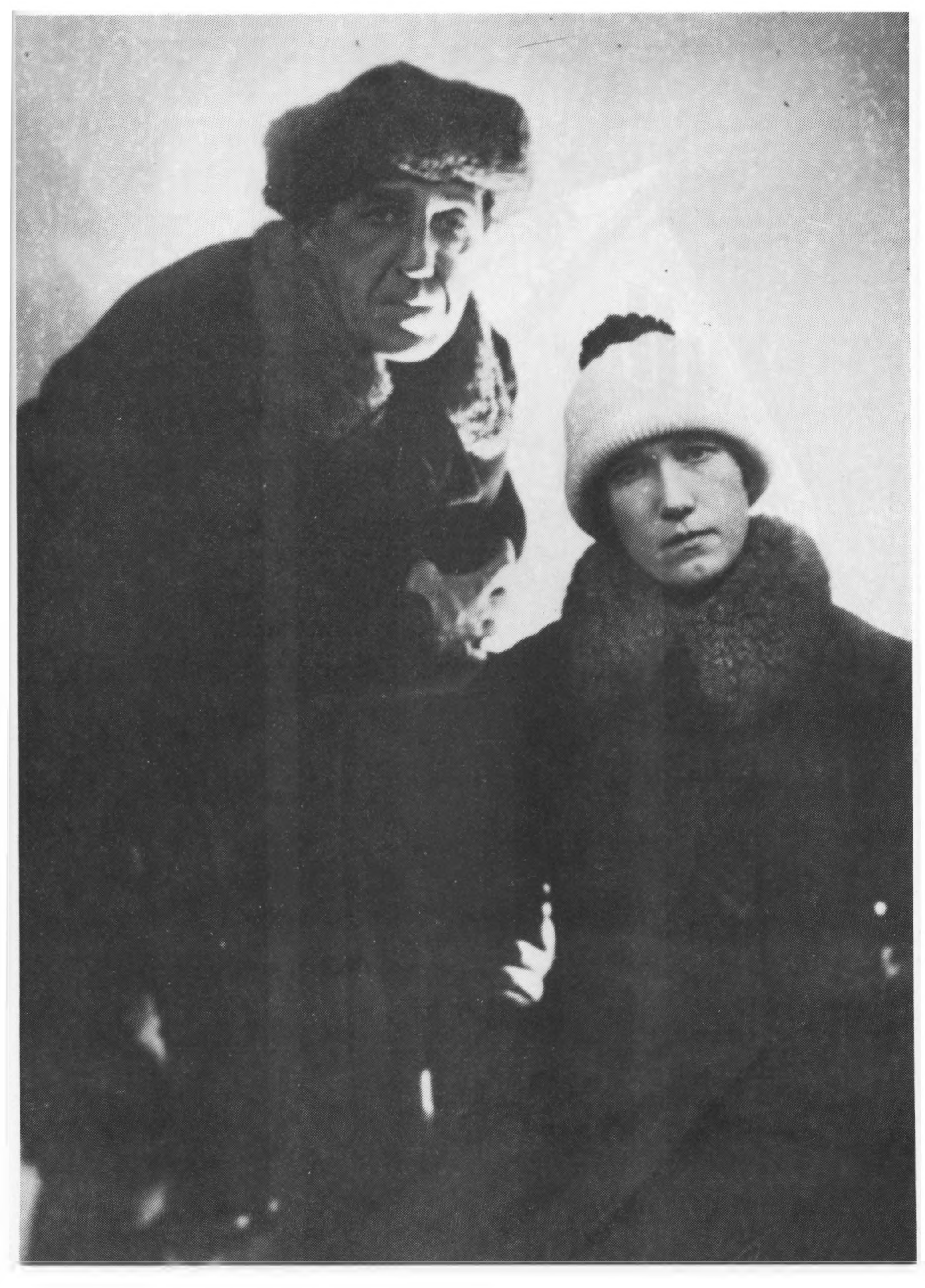
Сколько, интересно, экз. удалось Вам пока продать?

70

Toila, 24. X.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Перевод Ваш получил в субботу, 22 окт. Не нахожу слов благодарить за Вашу большую любезность. Благодаря разнице в курсе, я имею 4 кроны лишних: здесь продаю по кроне. Теперь буду ждать из других мест. Когда поедем, сообщу. Спешу отправить эту открытку. Получил и второе Ваше письмо, - спасибо. Очень приятно было узнать, что в Испании есть человек, которому понравилась "Адриатика".[1] Привет незнакомке. Вы интересуетесь Вакхом? Фел.Мих. дает ему ежедневно двухчасовой урок русск. языка. Он делает большие успехи. Они читают вместе Чарскую, Купера и Жюль Верна. Учится он в III классе. Сплошные пятерки. Всего здесь 6 классов. Потом в гимназию в Нарве. Мальчик он хороший, не лжет никогда. Бойкий и предприимчивый. Строит сам аэропланы, делает коробочки

Игорь Северянин и Фелисса Круут. 1930-е годы.

Дом Северянина в Тойле. Фото: Arne Saar 1984.

Игорь Северянин. Шарж из газеты Сегодня, 10 ноября 1927 г.

Залъ Александровской Гимназіи

19 октября 1923 года

DEKLAMATION SOARE AV
IGOR SEVERJANIN OCH ARIADNA ISUMRUDNAJA

ПОЭЗОКОНЦЕРТЪ

ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

при участіи

АРІАДНЫ ИЗУМРУДНОЙ

ПРОГРАММА:

ОТДѢЛЕНІЕ 1-ое.

1. Весенняя яблоня.
2. Я чувствую, какъ падаютъ цвѣты.
3. Нелли.
4. Звон.
5. Бываютъ такія мгновенья.
6. Дифирамбъ.
7. Фіалка.
8. Каретка куртизанки.
9. Это — она.
10. Весенній день.

Антрактъ 10 минутъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-ое.

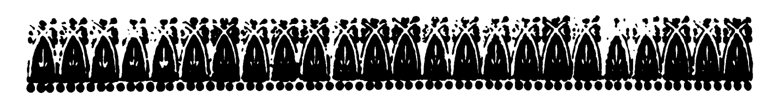
11. Когда ночами...-*исп. Аріадна Изумрудная.*
12. Капризъ Изумрудной Загадки.
13. Соловей. Интродукція къ т. IX.
14. Уже въ жасминѣ трелятъ соловьи.
15. Ея монологъ.
16. Все глуше паркъ.
17. Катюлинька.
18. Девятнадцативешняя.
19. Поэза отчаянья.
20. Русская.

Антрактъ 10 минутъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

21. Качалка грезерки.
22. Диссона.
23. День на фермѣ.
24. Барбарисовая поэза.
25. Въ шумномъ платьѣ муаровомъ...
26. Завѣтъ.
27. Это было у моря.
28. Въ грѣхѣ — забвенье.
29. Весенніе тріолеты.
30. Поэза странностей жизни

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАС. ВЕЧ.

Программа вечера Игоря Северянина в Хельсинки 19 октября 1923 г.

Uljaste. "Дом на диване". Левое окно принадлежит комнате, которую снимал Северянин. Фото: Arne Saar 1984.

г. ШАВЛИ. ТЕАТРЪ „ФАНТАЗІЯ“

ПЯТНИЦА 8-го АПРѢЛЯ

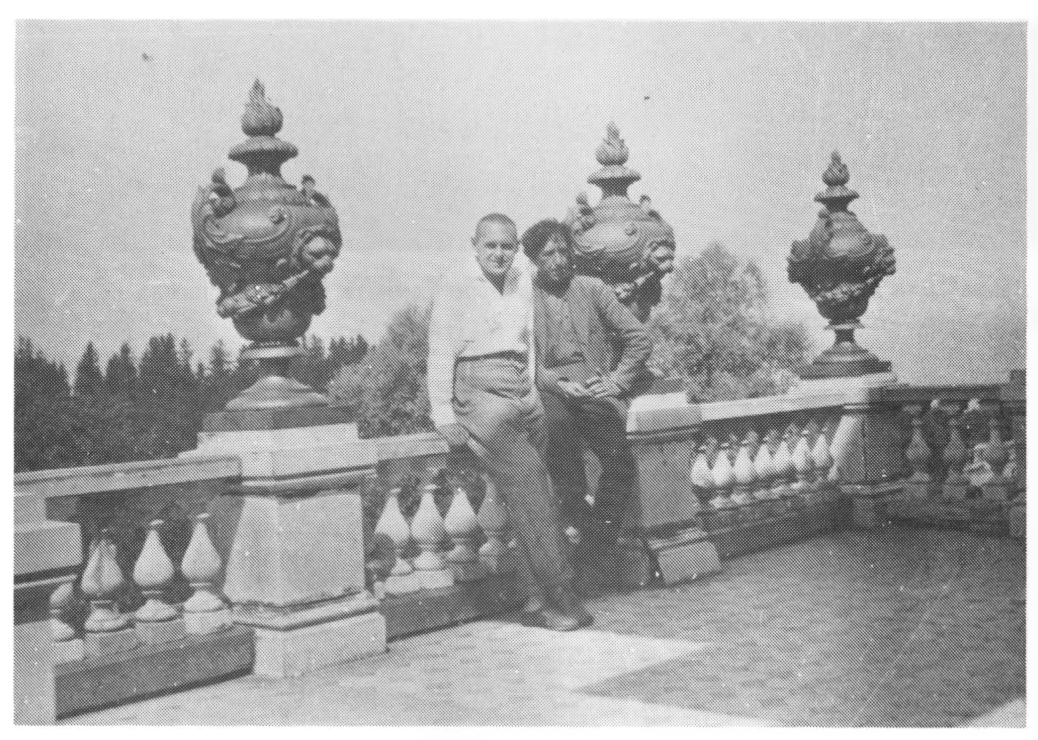
ПОЭЗОКОНЦЕРТЪ

Игоря Сѣверянина

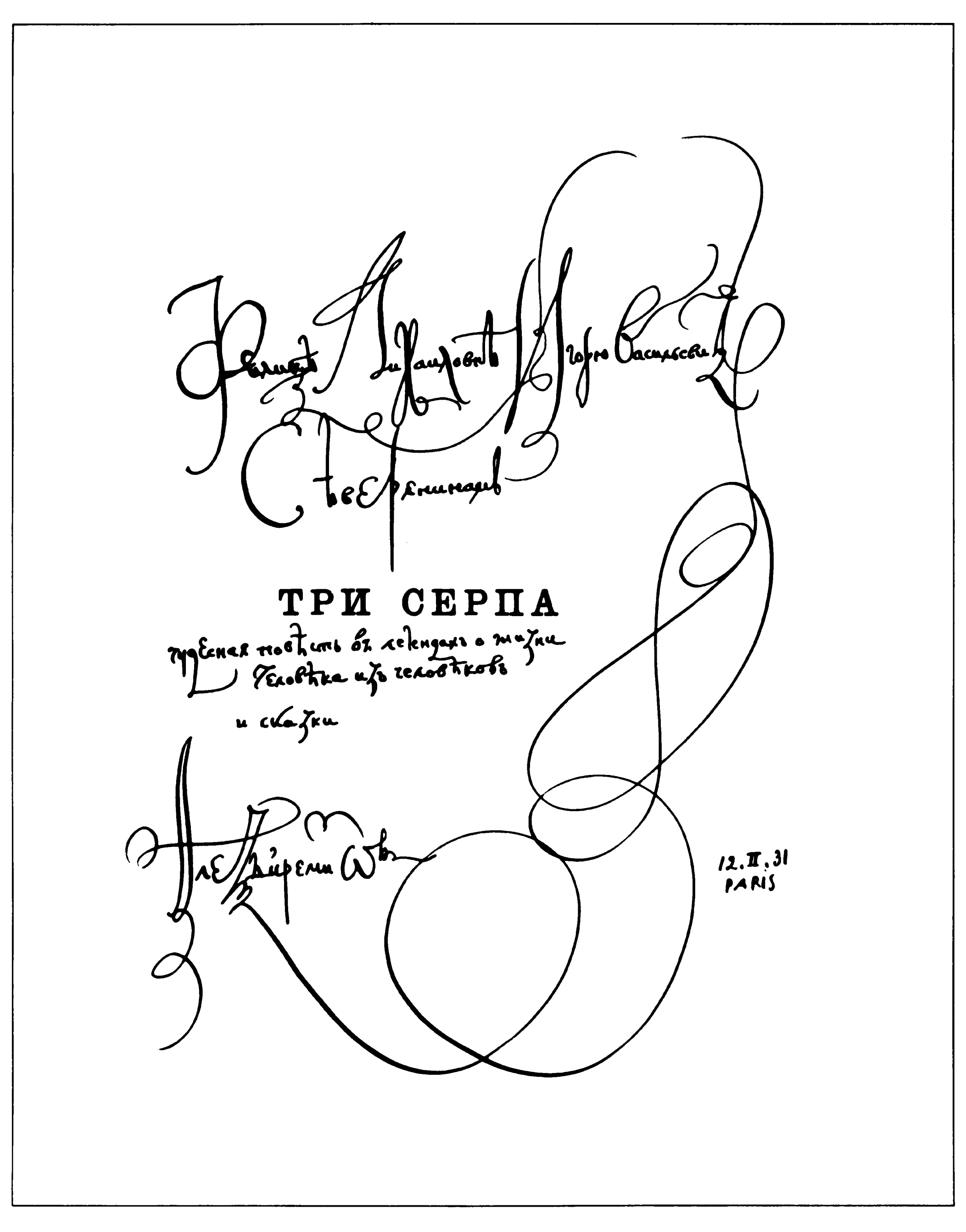
при участіи: БАЛКИСЪ САВСКОЙ (декламація),
артиста Итальянской оперы (Basso Cantanto) С. М. УЛЬМАНА,
и проф. АЛЕКС. БРАУЭРА (рояль).

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАС. ВЕЧ. Подробности въ программахъ.

Афиша выступления Игоря Северянина в Шавляе 8 апреля 1921 г.

Игорь Северянин и Аугуст Гайлит (?) на террасе бывшего дворца Елисеева в Тойле. 1920-е годы.

Надпись А. Ремизова на книге "Три серпа": "Фелиссе Михайловне Игорю Васильевичу Северяниным чудесная повесть в легендах о жизни человека из человеков и сказки. Алексей Ремизов. 12. II. 31. Paris."

ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОКЪ

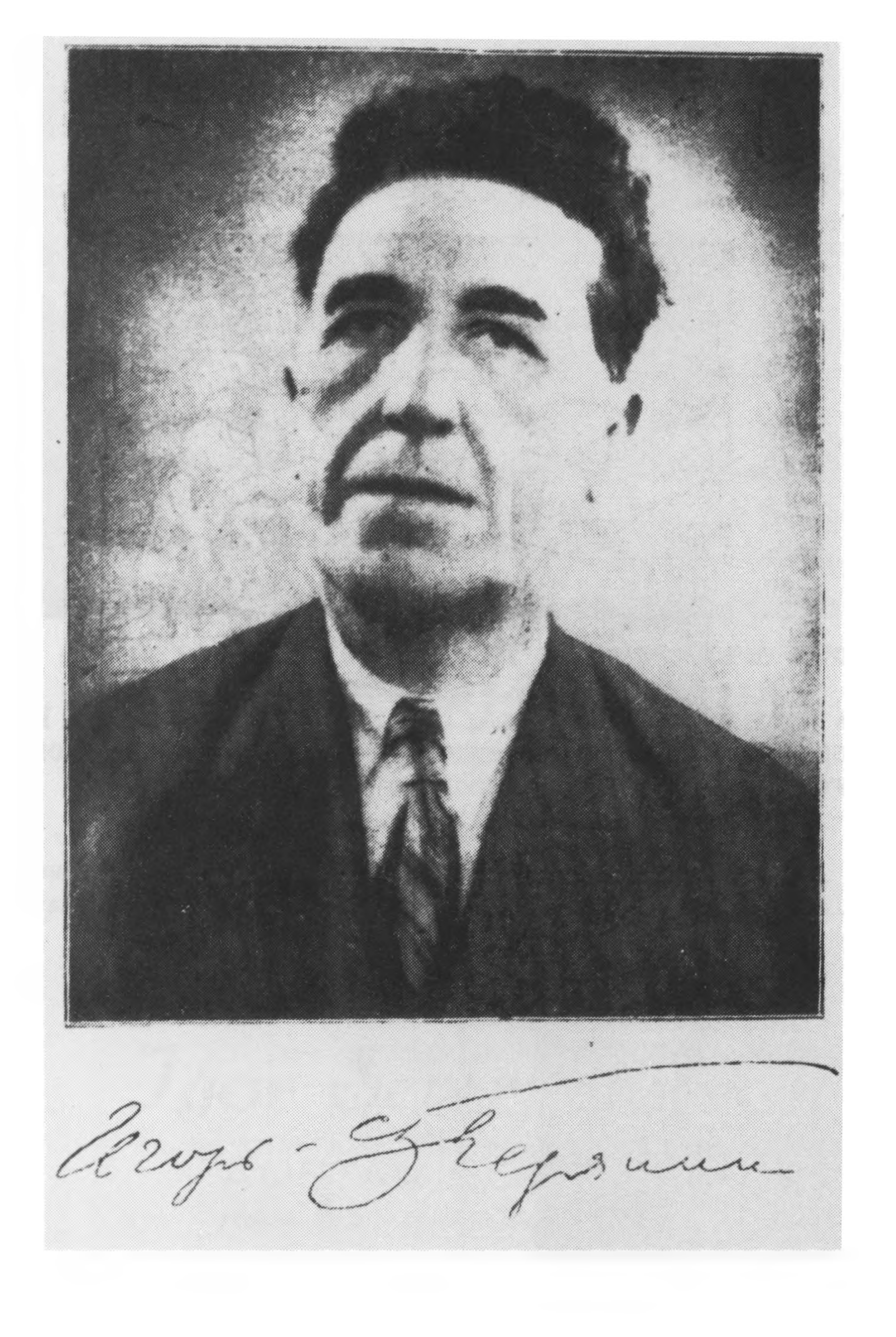
ZOLOTOI PETOUCHOK

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№№ 2-3 1934

Обложка журнала Золотой Петушок, 1934: 2/3.

Игорь Северянин. Фотография из журнала Золотой Петушок, 1934:2/3.

На банкетѣ въ честь И. А. Бунина въ гостиницѣ „Золотой Левъ", въ Таллиннѣ.

За столомъ (справа-налѣво): И. А. Бунинъ, эстонскій поэтъ Г. Виснапу, Игорь Сѣверянинъ, директоръ таллиннской Русской городской гимназіи А. Пѣшковъ, представитель Русскаго театра артистъ и режиссеръ Л. Эбергъ.

На банкете в честь И. А. Бунина
(из газ. Русский вестник, 14 мая 1938).

Игорь Сѣверянинъ
Къ предстоящему вечеру поэта въ залѣ «Шопенъ» (8, рю Дарю) въ пятницу 27 февраля

Газетное объявление о поэзоконцерте Северянина в Париже 27 февраля 1931 г.

Обложка программы вечера в честь 35-летия литературной деятельности Игоря Северянина в зале Клуба Черноголовых в Таллине 14 марта 1940 г. Рисунок Б. Линде.

А. Д. Баранова с сыном Асафом. Стокгольм 1924 г.

Toila, 7 IV. 925.

Дорогая
Августа Дмитріевна!
Вы мнѣ доставили большое
удовольствіе, исполнивъ мою
просьбу, да я и не сомнѣвался
в этомъ: вѣдь Вы — Вы.
Очень благодаренъ Вамъ и обрадованъ.
В ближайшіе дни ѣду въ Югославію.
Слѣдующее письмо — изъ Берлина.
Солнце такъ вдохновенно,
рѣка вскрылась ото льда, вскорѣ
появятся подснѣжники и перелѣски,
зацвѣтутъ фіалки и анемоны —
ихъ у насъ такъ много на лужайкахъ.
Пользуюсь случаемъ поздравить Васъ
с Праздниками — Васъ и Асю —
и поблагодарить за карточку,
гдѣ Вы всё та-же, какъ будто и
не было семи лѣтъ. Жена Васъ
поздравляетъ и привѣтствуетъ.
Спѣшу на почту: сейчасъ уходитъ.
Ваш всегда Игорь.

Игорь Северянин: Письмо А. Д. Барановой от 7 апреля 1925 г. (39)

А. Д. Баранова (слева), Ф. Ф. Перно и Ю. Вл. Ломоносов. Стокгольм, 10 апреля 1923 г.

Вторая годовщина Российской Железнодорожной Миссии заграницей. Стокгольм 1922 г. А. Д. Баранова – крайняя слева.

Фотография А.М. Коллонтай с дарственной надписью А.Д. Барановой: "Дорогой Августе Дмитриевне в знак самых теплых и дружеских чувств. 1929 год. Осло. А. Коллонтай."

Дорогой
Августе Дмитріевне
Перно
в знак
неизменнаго
душевнаго влеченія
и сердечной признательности
за все воистину
дружеское и доброе,
делаемое ею мне и
семье моей десятки
лет.

Любящій
Игорь-Северянин

Toila.
Eesti. 20.XI.1934 г.

Надпись Северянина А.Д. Барановой на книге Медальоны (1934): "Дорогой Августе Дмитриевне Перно в знак неизменного душевного влечения и сердечной признательности за все воистину дружеское и доброе, делаемое ею мне и семье моей десятки лет. Любяший Игорь-Северянин. Toila. Eesti. 20.XI.1934 г."

из сосновой коры, рисует. Всегда чем-нибудь занят. Фел.Мих. и я Вам и Фед.Фед. шлем самые искренние наши приветы.

Целую Ваши ручки.

Всегда Ваш

Игорь.

P.S. Вакх много слышал от нас о Вас и Асе, живо интересуется и преисполнен хороших чувств к далеким друзьям нашим. Он шлет Вам, Фед.Фед. и Асе свой привет. Кланяйтесь, пожалуйста, и от нас Асе.

Иг.

Меня мучает мысль, что Вы не все еще экз. продали: удастся ли Вам все распространить? Крайне неловко... Еще раз большое-большое сердечное спасибо!

Сию минуту получил Ваше письмо от 20.X! Приношу Вам за него свою признательность, тронутый до глубины души. Итак, еще 8 экз.! Это уже лучше...

Бог даст, разойдутся все.

71

Toila, 5.XI.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна! Пятое ноября застает нас все еще дома, и теперь уж я совсем не знаю, когда удастся нам уехать и удастся ли вообще. В Ревеле мы так все еще и не побывали, ожидая со всех сторон получек за книжку, но их, этих получек, чрезвычайно мало, и многие совсем ничего не сообщают. При таких условиях трудно на что-нибудь решиться. Все же деньги, которые удалось получить, понемногу распыляются и уходят на жизнь здесь. Жизнь, правда, дешева до удивления, но и она чего-нибудь стоит. В результате – не только ‹не› удалось что-либо отложить на дорогу, а не хватает на прожитие и, несмотря на героические наши усилия, пришлось уже задолжать теще за ребенка, тем более, что ему пришлось шить новое пальто, купить сапоги и новые для школы книги. Но других долгов пока, слава Богу, нет – живем на наличные гроши, выручаемые от книг. Но теща сама в крайне стесненных обстоятельствах, и долг наш, в размере 16 долларов, весьма для нее существен. Фелисса Михайл. угнетена и нервничает, что из-за нашего сына страдает ее престарелая (более 70 лет!) мать. Перешивать же из моих старых вещей невозможно, т.к. я ношу в деревне вещи до тех пор, пока они буквально не расползаются по швам!.. Что же касается Вакхиного крестного отца, то Эссен, несмотря на то, что является очень милым и просвещенным человеком, за все 10 1/4 лет существования своего крестника не помог ему ничем и никогда. Даже шоколадной плитки не привез никогда!.. По новым, – послевоенным, – понятиям это, очевидно, называется бережливостью, но по

старым русским, если память мне не изменяет, это называлось несколько иначе... Вообще, должен с грустью признаться, что русская колония в Эстонии отличается какой-то совершенно особой неотзывчивостью и бессердечием, несмотря на то, что среди нее есть много людей не только состоятельных, но прямо-таки миллионеров! Работать же в газетах и журналах стало немыслимо: везде партийщина, кружковщина, кумовство. Больше года я не работаю н и в о д н о й газете! А самое главное – редакции мстят мне, пользуясь моей теперешней зависимостью материальной, за всю мою былую независимость и самостоятельность, и игнорирование авторитетов. Ситуация не из легких, как видите! Все наши корифеи вроде Мережковских, Куприна, Зайцева, Шмелева и др., получают субсидии из Югославии и Чехословакии в размере 500-1000-2000 франков в месяц![1] Мы же лишены этой возможности, т.к., когда об этом узнали, было уже поздно: начался кризис, и новых стипендиатов не брали уже. Целую Ваши ручки. Искренний привет от Ф.М. и меня Вам, Фед.Фед. и Асе.

Всегда Ваш

Игорь.

Простите за неинтересное письмо, но очень уж наболело на душе и кому еще и сказать, как не Вам, другу испытанному.

72

Toila, 5.XII.1932 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Вскоре Рождество, а мы все еще сидим дома. Уже по календарю декабрь, а зима такая необычная: ежедневно сияет солнышко, нет ни снежинки, в саду цветут анютины глазки!.. По утрам я занят интенсивной перепиской старых рукописей, подготовляя некоторые из них к печати, – если удастся это сделать, – весною. Днем, в сумерки, мы с Фелиссой Мих. делаем нашу обычную прогулку по гористому чудесному парку нашему, совершаем свое ежедневное "рондо", заключающее в себе ровно 5 килом., по вечерам читаем Загоскина, Мережковского, Шмелева и много стихов. Каждый вечер, – вот уже шестой год, – к нам приходит одна молодая петербурженка-беженка, любящая литературу, и принимает живейшее участие в чтении. Это очень милая дама, с которой всегда так уютно и хорошо мы себя чувствуем.[1] Раньше было в Тойле около 350 беженцев, а теперь человек 10. Большинство из них орыбачилось, некоторые торгуют рыбой. Что касается книжек, всего продано уже 144 экз., прибыли кр‹он› 88.27, но получено пока кр. 65.00 чистой прибыли. Продано же на сумму кр. 138.27. Возвращено же пока 114.99. Из этого следует, что имеет смысл издавать раз в году книжку. На очереди: "Lugne" (Люнь), роман в стихах, и "Медальоны" (сонеты о поэтах, писателях и композиторах). Но эти книжки уже будут по 64 стр., и каждое издание обойдется себе по 80.00 крон. Прода-

вать думаю по той же цене. Правда, прибыль будет несколько меньше, но зато книга пойдет лучше, думается. Печатать буду по 1000 экз.: надо пользоваться кризисом, потом такое издание будет стоить не меньше 300 крон. Если бы имел свободные деньги, напечатал бы немедленно и припрятал бы до весны. А весною, м.б., будет много дороже. К сожал., сделать этого не могу. Кое-как сводим концы с концами. Даже по всем лавкам расплатился. Разве же это не чудо – жить на такую маленькую книжечку четвертый месяц?! Около 15 янв. попробуем все же двинуться в дальний путь. Но пока это лишь мечты. И не очень приятные... Вы меня ужасно обрадовали сообщением о билетах шведской лотереи. Спасибо, спасибо Вам сердечно. Я очень заинтересовался этой возможностью. Дело в том, что я всю жизнь мечтал о билетах, иногда покупал и никогда не выиграл ничего. Но, – странное дело, – всегда верил и верю в них. И знаю наверняка, что выиграю. Как только заработаю что-либо, непременно приобрету билеты: с нового года в Эстонии учреждается госуд. лотерея. А когда бывает розыгрыш Вашей? Вы пишите – дважды в год. Когда именно? Каждый ли раз Вы проверяете таблицы? Не пропустили ли? Я очень Вам благодарен за чудесное обещание. И – почем знать?.. Поэту ли не верить в чудеса? Верю, верю восторженно! Когда узнаю от Вас дни розыгр‹ыша›, уже заранее буду каждый раз настраиваться и жить иллюзиями: это так облегчает тяготы житейские. Я, вообще, надежд не теряю и всегда жду чего-то необычного и значительного. Что-же, часто мечты мои и сбывались... Не могу жаловаться. Когда будете писать мне, сообщите, пожалуйста, точное число оставшихся у Вас экз.: мне это нужно знать для ведомости по изданию. Прошлый раз было у Вас 8. Удалось ли уменьшить это число? Пользуюсь случаем поздравить Вас, Фед.Фед. и Асю от лица Ф.М. и своего с приближающимися Праздниками Р.Х. и Новым Годом и пожелать всего доброго и хорошего. Целую Ваши ручки. Вакх тоже приветствует всех вас. Вот уже почти месяц, как Ф.М. начала учить его и по немецки, т.к. в школе нем. яз. начинается только с 5-го кл‹асса›. Она нашла нужным дать ему подготовку. А с весны будет заниматься и по французски, хотя этот язык в начальной шестикл‹ассной› школе вовсе не преподается. Англичанка наша[2] переехала на зиму в городок Иеве, а летом опять будет у нас, и возможно, что летом Вакх начнет учиться и по английски. По своему опыту знаю, как трудно без языков.

Ваш Игорь.

73

Toila, 5.I.1933 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Фелисса Михайловна и я сердечно поздравляем Вас, Фед.Фед. и Асю с Новым Годом, признательные Вам за приветствия ваши, желаем от души всего хорошего и всяческого благополучия. Да, наступил опять новый год,

но ничего хорошего в нем не чувствуется. Жить всем и каждому делается все труднее и труднее, взаимоотношения между государствами становятся все напряженнее и резче, безработица ширится, люди мечутся в тоске и полном отчаяньи, угроза голодных бунтов висит в воздухе. Людям терять уже нечего, – впереди всяческие эксперименты и пробы... Только в ночь на сегодня выпал снег, первый снег в этом сезоне, такой запоздалый, – вообще, все как-то странно, жутко и небывало...

"Адриатика", эта маленькая серенькая книжечка, доставившая нам столько розовых радостей, – морально и материально, – увы, последнее время перестала нас окончательно не только подкармливать, но и кормить, нигде уже больше не расходится совсем, и, следовательно, положение наше стало из рук вон плохо, и впереди – ужас беспредельный. Жестокая, мучительная бессонница терзает меня по ночам ежедневно, тяжелые, жгучие мысли лезут в голову, сердце не выдерживает, давая перебои, в нем часто такое чувство, как будто огонь сжигает его, колики, и оно рвется на части. Иногда боли физические попросту невыносимы. Совсем, совсем я разболелся от горя, от безнадежности, от безвыходности положения поэта в такие варварские, дикие, "ультра-культурные" времена! Вдобавок частые острые боли в области желудка, и от малейших физических усилий, если приходится пилить или рубить дрова, головокружения, одышка, обильный пот, и в результате пластом валюсь на диван, прерывисто дыша, в полусознании. О пище лучше уж и не говорить: хронический отварной картофель, соленая салака, кипяток с несколькими ложками молока. Ни мяса, ни масла, ни жиров. Иногда – днями! – не видим даже хлеба!.. Одним словом – дошли "до точки". Хуже быть, пожалуй, не может. И это при здешней дешевизне баснословной, это тогда, когда день приличной жизни обходится около кроны! Из этого Вы видите, что мы тратим значительно меньше кроны... Еще бы! – мы тратим последние недели на все не более 20-30 сентов, т.е., часто меньше трети кроны!.. Тут не удивительно, что будут головокружения. Но мы не сможем тратить больше, пока нет надежды расплатиться. И без того уже опять пришлось всюду задолжать. Но больше всего нас, конечно, мучает, прямо с ума сводит долг теще за содержание Вакха. А этот долг все растет и растет, и уж нельзя больше должать, это уже становится наглостью, безнравственным деяньем. Но повторяю – выходов нет. В Ревель мы до сих пор так и не съездили за неименьем денег на дорогу. Туда и обратно стоит 13 крон. Посудите сами, как это трудно, просто невыполнимо для нас, у которых, даже при получении в свое время денег за книжку, никогда не бывало в доме более 2-6 крон! Единственный раз только было 24 кроны, полученных от Вас, но мы тогда прозевали съездить, растерявшись от такой крупной суммы и сгоряча уплатили часть долга, чтобы хоть чуточку вздохнуть полегче. Да и не известно, что мы сумеем сделать в Ревеле: теперь, говорят, там такой кризис, что вряд-ли сможем достать денег на дорогу в Кишинев. Не дают под векселя – ходят слухи. Не дают даже при надежных жирантах. А риск большой: истратишь 13 крон и ничего не достанешь. А самое главное – и пробовать не можем, не имея денег на дорогу. Вот и сидишь тут, медленно, но верно погибая. А для того, чтобы уехать в Кишинев нужно минимально 250 крон: одни билеты стоят (III класса) – 140 крон в один конец. А визы? А паспорт заграничный? А отэ-

ли в пути? Господи! Как все это непередаваемо тяжко! И Фелисса Мих. совсем разболелась: и сердце пошаливает, и бессонница, и глухой постоянный кашель. Что тут предпринять? Как поступить? Голова идет кругом. Вот какие невеселые новости приходится сообщать Вам, дорогой друг мой. Уж Вы простите, ради Бога, что пишу так откровенно. Но я думаю, что смысл нашей переписки – именно в откровенности. Иначе она не была бы дружеской, а лишь светской, т.е., ненужной душе.

И самое горькое, что знаем, отлично знаем, что стоит только выбраться отсюда и мы будем спасены. Так всегда бывало. Но выбраться почти невозможно. Toila – прелестное местечко, но тупик. И этот тупик дает себя иногда чувствовать. А из Югославии, Болгарии и Румынии, где моих книжек продано крон на 30, никаким образом денег получить нельзя. Все пишут, что пересылка абсолютно запрещена. И нет никаких обходов закона. Нового писать ничего не в состоянии, единственно чем занимаюсь – это переписываю старые рукописи, приводя их в порядок, не теряя все же надежды, что когда-нибудь они понадобятся.

Все чаще и чаще нам с Ф.М. приходит в голову мысль о насильственном прекращении жизни. Пока, однако, еще решиться не можем: слишком мы еще жизнерадостны! Но при таких условиях жизнерадостность вскоре окончательно испарится. Да она уже и испаряется заметно.

Целую Ваши ручки. Шлем искренний привет Вам и Фед.Фед. Нам так радостно, что в его лице Вы, дорогая, нашли верного и чудного человека, спутника Вашей жизни. Да сохранит Господь Ваше счастье! Вакх вспоминает Вас, приветствует. Мы часто говорим ему о Вас и Асе.

Всегда Ваш
дружески

Игорь.

74

Toila, 20.I.1933 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, все время ждал от Вас весточки от 15-го, которая, обыкновенно, приходит к нам 18-го, но, увы, не дождался, и вот пишу вне очереди, чтобы просить Вас передать от имени Вакха сердечную благодарность милому Асе за его трогательное внимание. Само собою разумеется, и Фелисса Михайловна, и я очень тронуты добрым поступком Аси и выражаем ему искреннюю нашу признательность. В ближайшие дни мы едем в Ревель на несколько дней, чтобы на месте выяснить все возможности. Это – последняя ставка. Риск для нас крупный. Пока не были там, все-же есть надежда, хотя и очень смутная, но, если, побывав, ничего не устроим, тогда не будет и ее, а без надежды, вдобавок истратив на поездку последние деньги, нельзя будет существовать. Впрочем – "смелым Бог владеет!" "Итак, мы начинаем!.."

Душою Ваш

Игорь.

P.S. Ф.М. и я шлем Вам, Ф.Ф. и Асе наши искренние приветы и еще раз выражаем всем вам свою признательность. В ночь на 5 янв. у нас установилась зима, и вот уже третий день мороз достигает 18-20 градусов. Приходится топить трижды в день, чтобы поддерживать 12-14 град. в комнатах: домик деревянный и без обшивки. Морозы нас – при кризисе – на радуют... Совершенно непредвиденные траты. Жду Вашего письма.

Иг.

P.S. Где тонко, там и рвется: сейчас принесли повестки из волости – требуют так назыв. "подушный" налог в размере – за нас с Ф.М. вдвоем – 15 крон 25 сент. Вот и поездка в Ревель повисла в воздухе!.. От этого же налога не отвертеться. Срок уплаты: 28 янв. А потом – "с молотка"!..

75

Кишинев, 25.III.1933 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, с 9.III. мы живем здесь! Из Toila уехали 1.III. Побывали в Юрьеве, Риге, Варшаве. В Ревеле провели 10 дней – от 7 по 18.II. С трудом раздобыли тогда деньги на дорогу, сделав долги. 17.III. дал здесь первый вечер, собравший полный зал.[1] Но билеты столь дешевы, что выручка оказалась до смешного микроскопической. Теперь мы ее проживаем, в ожидании второго вечера, имеющего быть дней через пять.[2] Зовут и в провинцию, однако и это не сулит никакой пользы. Предприниматели робки и пользуются неважной репутацией. Устраивать же на свой счет у нас нет ни средств, ни уменья, ни знанья местных условий. Вдобавок крупные налоги. Принимают всюду очень тепло и радушно, много знакомств и приглашений, но и я, и Ф.М. почти все время кашляем и чихаем и редко куда выходим, боясь окончательной простуды. Впереди, вообще, весьма смутно. По этой причине и Вам не хотелось писать. Да и никому не пишу. Не сердитесь на меня, это так легко понять. Погода ужасная: то дождь, то снег. В городе – грипп. Не очень-то радостное настроение. Меня очень интересует результат мартовского розыгрыша в Стокгольме. Не будете ли добры сообщить и, вообще, написать по адресу: Romania. Chişinău. Str. Dm. Kantemir. L. Evitski pour I.S. (забыл указать № дома: Dm. Kantemir 10 A). Целую Ваши ручки, искр. привет Фед.Фед. и Асе. Ф.М. шлет свой всем привет. Пишите. Еще не знаем дальнейшего маршрута: 1933 г. дает себя чувствовать!..

Ваш Игорь.

76

28.VI.1933 г. — Замок "Храстовац". Словения

Дорогая Августа Дмитриевна! Сегодня ровно неделя, как мы приехали сюда, в старинный (600 л‹ет›) замок в 120 комн. гр‹афини› Герберштейн, чтобы провести здесь несколько недель при русской школе.[1] От Марибора (Марбурга) 18 кил. автобусом, от Вены четыре часа в поезде, от Белграда 12 ч. езды в скором. Легкий горный воздух, прекрасный стол. Вокруг поля, буковые леса, река, горы. Вдали синеют Альпы. В Румынии мы провели два месяца, из них три дня в Аккермане и четыре в Бухаресте. Остальное время ушло на Кишинев, где я дал три концерта.[2] Месяц прожили в Белграде, три дня в Дубровнике и восемь в Сараеве. Сборы везде хорошие, но денег не остается никогда: слишком низкие цены на билеты, все поэтому уходит на отэли и поезда. В Тойле растет с каждым месяцем долг по содержанию Вакха. Домой возвращаться без определенных результатов мы не можем. Не знаем, как все устроится, пока же живем здесь, по предл‹ожению› Держ‹авной› Комиссии, для отдыха, в котором и Ф.М., и я сильно нуждаемся: не забудьте, что мы уже четыре месяца скитаемся, а при теперешних условиях это очень, ведь, утомительно. Ф.М. так измучилась и устала, что большую часть дня проводит в постели. В сумерки идет на прогулку в лес. Есть здесь и речка, где мы иногда ловим рыбу. Письмо Ваше на Кишинев получил своевременно, – благодарю Вас. Но с тех пор я, вообще, никому не писал, был слишком озабочен и омрачен. Только теперь принимаюсь за письменную работу. Напишите нам сюда, что Вы поделываете, где думаете провести лето. Нас с Вами разделяет одна лишь Австрия. Хорошо было бы, если бы Вы с Фед.Фед. приехали в пограничный Марибор с нами повидаться, вместе погулять и побеседовать. Это прелестный город, очень благоустроенный. Автобус ходит из него к нам и обратно трижды в день. Жду Вашего письма поскорее. Ф.М. и я сердечно Вас, Фед.Фед. и Асю приветствуем. Целую Ваши ручки. В Мариборе мы были уже в 1931 г. и имеем знакомых, кот. приглашают к себе и собираются к нам. Я давал там вечер. От Любляны (Лайбах) часа два езды. От нас близко и Триест, и Фиуме. Пятое мая?.. В этот день мы покинули Кишинев. А пятого июня были в Дубровнике. Побывали и в Бугасе на Черном море (в 4 часах от Одессы!).

Ваш неизменно

Игорь.

77

28.IX.1933 г. — Замок Hrastovac. Slovenija

Дорогая Августа Дмитриевна, мне написали из Toila, что от Вас получена из Италии на мое имя открытка.[1] Из этого я вижу, что Вы не получили ни

моей открытки отсюда от 28.VI., ни письма от 15.VII. Напишите сюда до 10-го окт., и я напишу Вам большое письмо. Мы с Фелиссой Мих. очень жалеем, что переписка наша почему-то прервалась. Мы живем в замке вскоре три с половиной месяца. Бываем в окрестностях, много читаем, а я написал целый цикл лирики. Итак, откликнитесь поскорее! Мы приветствуем Вас и Фед.Фед. Ася, вероятно, уже уехал. После десятого мы уезжаем в Загреб, Сараево, Белград и дальше. Целую Ваши ручки.

Всегда Ваш

Игорь.

78

Сараево, 15.XI.1933 г.

Пишу Вам в Ваш день, дорогая Августа Дмитриевна, торопясь сообщить, буквально вырывая свободную минутку, что оба письма Ваши в Hrastovac получил и от всего сердца благодарю за чувства и пожелания, в них вмещенные! Занят я бесконечно. Дело в том, что меня просили прочесть здесь две лекции: одну на тему: "Русская поэзия начала XX века", а вторую: "Поэзия Эстонии". А потом заказали и о футуризме. Пришлось сначала все это написать, при том не имея никакого под рукой матерьяла, а потом три дня читать. Первая лекция состоялась 9-го, вторая 12-го и третья 13-го в залах Народн‹ого› Унив‹ерситета› и Югослав‹ской› Лиги. Кроме того, дал и первый в сезоне концерт (всего 3-ий в Сараеве). А теперь пишу статью по заказу хорватск‹ого› журнала. Пробудем здесь еще дня два (всего, следов., 2 недели), а потом поедем в Белград. В замке прожили ровно 4 1/2 месяца. Как только устроимся где-либо длительнее, напишу Вам подробно о летней жизни и о своих работах. А пока целую Ваши ручки. И Ф.М., и я шлем свои искренние приветы Вам, Ф.Ф. и Асе. Всегда вас всех вспоминаем, радуемся, что лето вы провели вместе и удачно.

Всегда Ваш

Игорь.

79

Белград, 15.XII.1933 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

с 18 ноября живем здесь. Прочел одну лекцию и дал концерт.[1] Были пущены в ход оба раза приставные стулья и многие стояли. Но цены до смешного низкие: от 20 до 5 дин‹аров›. Ежедневно десятки визитеров, интервьюеров, фотографов и пр. Почти всегда у кого-нибудь обедаем и ужи-

наем. Одна почитательница даже ананасы в шампанском на дессерт устроила!.. Были на "Онегине" и "Вертере". Ни мига свободного. Пишу в пальто: идем на вернисcаж выставки А. Ганзена. Часто-часто Вас вспоминаю. Целую ручки. Вскоре пришлю адрес. Фелисса Мих. и я приветствуем Вас и Фед.Фед.

Ваш Игорь.

Завтра покидаем Югославию. В Сараево были 15 дней.

80

Кишинев, 19.I.1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

редакция "Золотого Петушка" очень просит Вас не отказать в любезности посодействовать распространению среди Ваших знакомых первого номера нашего журнала. Со своей стороны полагаю, что почетную попытку молодого энтузиаста Леонида Евицкого стоит всячески поощрить и поддержать: это, ведь, героизм – в наше трудное и неблагодарное время пробовать организовать вестник Чистого искусства! Если Вы возьмете на себя труд по распространению и Вам удастся распродать экземпляры, деньги соблаговолите перевести на имя Леонида Григорьевича: Leonid Evitski. Str. Dm. Kantemir, 10 A. Chişinău. Basarabia. Roumanie.[1] На его же имя пишите письма и мне. 2-го ноября мы уехали из замка Hrastovac в Sarajevo, где пробыли, как я Вам писал оттуда, две недели. Затем мы проехали в Белград на три недели. Прочел лекцию и дал вечер, а также читал по радио.[2] Вечера прошли с аншлагом. В Софии пробыли 27 дней. Дал там четыре вечера. Сутки провели в Бухаресте. Обедали у Л.Я. Липковской, ужинали с Е.И. Арцыбашевой. Сюда приехали 5 янв. Наняли особняк в одну большую теплую комнату. В центре города. Пробудем до весны.

При редакции открываются курсы версификации, и я приглашен преподавателем.[3] Думаю, кроме того, объездить всю Бессарабию, читая лекции о русской и эстонской поэзии и устраивая вечера своих стихов.

Как только устроюсь, напишу Вам более подробно и детально. Пока же у нас страшная горячка: журнал только что вышел, и мы заняты рассылкой его по всем центрам Европы и Америки. М.б., наладите нам какую-либо связь с русскими книжными магазинами Берлина? Будем крайне обязаны. Мы не знаем к кому в Берлине можно обратиться. Знаю только, что Вы – мой испытанный друг и верю, что охотно пойдете встречно. В Кишиневе журнал пошел очень успешно. Расходы большие, средства ограниченные. Надо во что бы то ни стало, поставить его на ноги. Фелисса Мих. и я шлем сердечные наши приветы Вам, Фед. Фед и Асе. Целую Ваши ручки. Ежедневно Вас вспоминаем. Напишите поскорее. Теперь уже переписка наладится, т.к. будем сидеть на одном месте.

Ваш неизменно

Игорь.

81

Кишинев, 5.II.1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

Итак, пишу Вам в "наш" день! 25.I. послал Вам "редакционное" письмо. 2.II. послано Вам 10 экз. журнала. В последний момент я перерешил высылать 20, боясь обременять Вас слишком большим количеством экз. Проводим время мы очень мило и тихо. Ежедневно навещают нас наши друзья и приглашают к себе. Ф.М. много времени проводит на воздухе, гуляя ежедневно не менее двух часов. Квартирой очень довольны: тепло и уютно. Да и хозяйка оказалась моей давнишней и горячей почитательницей и постоянно оказывает всяческие знаки внимания. У меня много работы по подготовке лекций. Вскоре постараюсь все-же написать Вам побольше: так часто вспоминаем Вас. И с большою и искренней приязнью. Ф.М. и я шлем Вам, Ф.Ф. и Асе наши теплые приветы. Целую ручки.

Игорь.

Постоянный адрес: S. Stodulski[1] pentru Ig.-Sev. Str. Bratianu, 91 A. Chişinău. Basarabia. Roumanie.

82

Кишинев, 5.III.1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

искреннее спасибо за Ваше исчерпывающее вопрос продажи в Берлине письмо от 14.II. и за обычное – всегда милое сердцу! – от 15.II. Сегодня ровно два месяца, как мы здесь. За это время я дал (24.II) один закрытый вечер. Второй предположен около 15.III. 9.III. состоится второй вечер в Бухаресте, куда мы поедем на два дня и снова сюда, вероятно, вернемся. Во всяком случае, жду Вашего письма на Стодульского. Срок нашей визы кончается 3.IV. Здесь снег почти весь растаял, часто стоят солнечные дни, но бывают и морозы. Ежедневно у нас собирается по несколько человек: читаем, беседуем. С курсами ничего не вышло; для турнэ по стране нет ни импрессарио, ни средств. Журнал может быть выйдет, а м.б. и нет, т.к. Евицкий ухлопал много денег на первый номер (27 т‹ысяч› лей!), а вернул пока около трех!.. А денег у него, вообще, нет. Но возможно все-же, что найдет соиздателя. Все это, конечно, очень грустно и даже безнадежно, т.к. дома нас не ждут никакие заработки. 1.III. исполнился год, как мы выехали из дома, и до сих пор едва концы с концами сводим, и часто не знаем, как проживем завтрашний день. Из Софии мне пишут о скоропост‹ижной› кончине Любови Столицы.[1] Было ей 53 года, и она была веселая и цветущая женщина. Мы часто встречались с ней у Массалитиновых[2] и

Разгоневых, и бывали у них в доме. В день смерти она принимала участие в литер. вечере, сама играла в своей пьесе, много танцевала и через 15 минут, по возвращении домой, умерла. Это производит тяжелое впечатление на недавно ее видевших. Умерла и А.Н. Игнатовская, у которой мы часто бывали в Белграде. Ее муж – известный профессор, имеет клинику. 6.XII. я был у них, она была немного больна, а 7-го, на другой день после нашего отъезда в Софию, скончалась (нарыв в желудке, о котором еще накакуне не подозревали врачи и муж!). Письмо мое, как видите, не из веселых, таково время, видимо. Фелисса Мих. и я шлем Вам. Фед.Фед. и Асе приветы искренние. Я рад, что у Вас все, слава Богу, благополучно, что Вы довольны своей жизнью, рад, что у Аси хорошие друзья. Мои "Медальоны" вышли в свет. В настоящее время получены здесь и поступили в цензуру. Когда освободятся, вышлю Вам.[3] Целую Ваши ручки.

Ваш Игорь.

83

Кишинев, 5.IV.1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Фелисса Мих. и я сердечно поздравляем Вас, Фед. Фед и Асю с Праздниками св. Пасхи, шлем лучшие пожелания и всегда вспоминаем. 31.III. вернулись из Бухареста (12 ч. езды в рапиде), где пробыли 8 дней. Я дал там концерт, превзошедший все ожидания. 29.III произошло сильное землетрясение. Мы сидели в отэле. Впечатление потрясающее. В Белграде вышла в свет новая моя книга – "Медальоны". Половина издания сразу же распродана. Вскоре выпускаю здесь роман: "Рояль Леандра". "Петушок" все-таки вскоре выйдет (№ 2-3). Но с ним много хлопот и трудностей, т.к. издатель абсолютно без денег. В Бух‹аресте› мы с одной дамой посетили мецената, и так как дама была очень красива, получили для издателя некий куш. На-днях издатель начнет действовать, и № вскоре выйдет. Сияет солнце, зеленеет трава, распускаются почки. Целую Ваши ручки. Приветствуем Вас, Фед.Фед. и Асю.

Ваш всегда

Игорь.

Постоянный адрес: S. Stodulsky pentru Ig.-Sev. Str. Bratianu, 91A. Chişinău, Basarabia. Roumanie.

Toila, 5. VII. 1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, 12-го июня мы, наконец-то, вернулись на милый север, пробыв в отсутствии 1 год, 3 месяца и 12 дней. 7 месяцев пробыли в Югославии, 1 месяц в Болгарии и 7 месяцев (2 в 1933 и 5 в 1934) в Румынии. Поездка не дала в матер‹иальном› отношении ровно ничего: все заработки сразу же улетучивались. В Кишиневе всего прожили полгода и месяц в Бухаресте. Всего везде дал 20 концертов и лекций. Последний был 2-го июня, с участием Л. Я. Липковской, в Бухаресте. Мне так грустно, что переписка наша опять временно прервалась, но на это были веские причины: меня закружил "проклятый" (по Пушкину) Кишинев, и в его обольщениях я (буквально!) чуть не сложил головы... Чудом спасенный, с радостью и упоеньем вернулся домой. Пробудем до осени, а там опять в скитания. Что делать, – таков удел горестный лирического поэта! Куда? И сами еще не знаем. М. б., в Париж и Брюссель, м. б. – в Грецию и Турцию. А у нас снова уже гости. Приезжала из Ревеля Грациэлла с подругой-англич‹анкой›, только что прибывшей из Лондона, приезжал на гоночном велосипеде из Ревеля (220 кил.) молодой баритон – поэт, приезжал с озера Uljaste наш хозяин с детьми, а на-днях ждем из Юрьева эст‹онского› поэта Вильмара Адамса. № 2 "Золотого Петушка" печатается в Бухаресте и вскоре выйдет в свет. Цена та же, но в нем более 60 страниц и масса иллюстраций. Издание перенесено в столицу и половина текста идет по французски. Дай Бог успеха Евицкому и его детищу! Его любовь к искусству положительно трогательна.

Когда мы ехали со станции в белую холодную ночь, в лесу в открытом экипаже было очень холодно (9 град.), и Ф.М. получила ангину. Неделю пришлось пролежать и вызвать врача. Вакх собирает теперь марки, и, если у Вас имеются какие-либо, пришлите, пожалуйста: будет крайне признателен. В Бухаресте 800 т‹ысяч› жителей, и город этот элегантен и параден. У нас там появилось много интереснейших знакомых. Мой роман в сент. будет печататься именно там. А "Медальоны", выш‹едшие› в свет в феврале в Белграде, почти уже все распроданы. Имеется ли у Вас экземпляр?[1] Напишите, как проводите лето, о своих планах и самочувствии. Целую Ваши ручки. Сердечный привет от Фел. Мих. и меня Вам, Фед. Фед. и Асе. Наша Toila очаровательна!

Ваш Игорь.

85

Toila, 5 сент. 1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Наша переписка опять все не может никак наладиться, что мне крайне досадно. Я писал Вам, вернувшись из Бухареста, 5-го июля, а около 20-го июля получил от Вас открытку из Италии.[1] На зная, вернулись ли Вы к 5 авг. в Берлин, каюсь, умышленно пропустил срок, все поджидая от Вас весточки с извещением о возвращении домой и о получении моей июльской 'постальки'. Но вот Вы молчите, и поэтому рискую написать Вам на Берлин. Лето промелькнуло очень быстро, и было оно чудесным. К нам приезжали все время гости, мы были много на воздухе и в движении. Почти ежедневно проливались краткие, но потрясающие грозы, да и теперь нельзя жаловаться на отсутствие влаги. По соглашению с редакцией "Зол. Петушка", деньги за проданные в Берлине экз. можно переслать на мое имя, а равно и все непрод‹анные› экз., которые я имею возможность здесь распродать. Будьте добры, пришлите мне, пожалуйста, теперь же все оставшиеся экз. № 2-3 на-днях все-же вышел. В нем 64 стр., и составлен он, и выглядит внешне несравненно лучше, чем первый. К сожал., я получил пока всего пять номеров, и они моментально разошлись. Живем мы исключительно на книги и журналы. К сожал., книги все уже распроданы, а редакция очень небрежна касательно высылки номеров. Приготовил для издания новую книгу, но нет пока для этого средств, а жаль, т.к. 500 экз. "Адриатики" дали мне 110 долларов прибыли, а 200 экз. "Медальонов" 58 долларов. Издание же обходится около 15 долларов всего! И окупается в месяц буквально. Как Вы провели лето? долго ли были вместе с Асей? Сообщите нам, прошу Вас, подробнее. Часто с Ф.М. вспоминаем Вас, Фед. Фед. и Асю. Странно: никогда не видимся, ведь, а все вы постоянно с нами, и, когда нет от Вас долго вестей, скучно и пусто. Целую Ваши ручки. Привет вашим самый искренний.

Дружески с Вами

Игорь.

86

Toila, 5. X.1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

оба Ваших милых письма получил своевременно, за которые очень признателен Вам и рад, что переписка наша вновь наладилась. Вакх был сильно обрадован марками и просит передать Вам его горячую благодарность. Ваш присыл – ценный вклад в его коллекцию. У Вас, очевидно, большая переписка, что видно из количества государств. Напр., у меня

тоже переписка не маленькая, однако, нет ни Турции, ни Греции, ни Испании. Фелисса Мих. и я, в свою очередь, выражаем Вам свою признательность за Ваше внимание к Вакху. Учится он хорошо, на-днях начал пятый класс основной шестиклассной школы. Только уж очень много нам забот с ним и таких мало интересных забот. Мы так далеки от всего прозаического и суетного. Итак, Ася готовится к поступлению на службу. Дай ему Бог успехов в его начинании. Верим, что, при хорошей протекции, ему, в конце концов, все же удастся прилично устроиться. Просто верить не хочется, что он не найдет службы. Очевидно, дело во времени только. Это хорошо, что Вы с Фед.Фед. ежелетне возите его с собою по Италии и Швейцарии, ибо эти путешествия очень много дают и сильно способствуют общему развитию. Поступление же на курсы русского языка в Стокгольме можно только приветствовать, т.к., вероятно, учась постоянно в Швеции, он не мог в совершенстве ознакомиться с родным – и таким прекрасным! – языком. Надеюсь, что он много читает по русски: это, ведь, так полезно, на мой взгляд. Когда будете ему писать, передайте, пожалуйста, наши искренние приветы и такие же пожелания. На-днях мы ездили в Ревель, где и провели у знакомых четыре дня. Город, очень красивый и своеобразный, показался нам после Бухареста провинциальным и заглохшим. Но в нем все-же около 140 тысяч. Мой концерт состоится 1 ноября в Синем зале театра "Эстония".[1] Хотели послушать неувядающего "Севильского цирюльника", но ошиблись днем. Побывали на вернисcаже выставки эстонских художников.[2] Даровитый Арен выставил сильно модернизованную "Даму с моноклем" – некую наглую "современницу" с неожиданной застенчивостью в лице. Оригинальная по замыслу композиция.[3] Кайгородов фигурирует подчеркнутыми "Журавлями" над морем.[4] Но море выписано небрежно, смутно и, если хотите, даже нелепо. У него на квартире мы встретили ряд вещей гораздо более выдержанных, и, вообще, он, надо признаться, делает большие успехи. Его ценят даже в Голландии. Повидали в Ревеле всех своих знакомых, порассказали о своих скитаниях по Балканам и вернулись в тишь и благодать приморской красавицы – Тойлы. В Бухаресте печатается мой новый роман "Рояль Леандра".[5] Издание опять-таки авторское. В книге будет 70 страниц и продаваться она будет по одной эст. кроне. Это – единственная возможность для нас как-нибудь существовать, т.к. концерты дают до смешного мало. А "Адриатика", отпечатанная в 500 экз., принесла нам не более – не менее, как 110 долларов чистой прибыли, что нам хватает на полгода жизни. Но, конечно, это только при том условии, если книгу продают знакомые, а не книжные магазины. Но у нас, слава Богу, знакомых много повсюду, и из стран, откуда нельзя переводить денег, можно получать почтовыми купонами, которые я имею возможность обменивать здесь на деньги, благодаря любезности одной дамы, держащей лавку.[6] Кстати, я Вам крайне признателен за присланные купоны за журнал. Евицкий выпустил № 2-3, который значительно лучше первого. 8 страниц из 67 по французски.[7] Евицкий очень милый и восторженный, но крайне легкомысленный, большой вивер и мечтатель. Вряд ли он сумеет поставить журнал на должную высоту, т.к. игнорирует интересы сотрудников, даных ему мною. Так, напр., ни Ремизов, ни Лукаш, ни другие до сих пор не получили от него гонорара, что мне крайне неудобно, т.к. я просил их прислать рассказы.[8] Я писал

ему, чтобы он выслал Вам очередной номер в одном экз. gratis, – не знаю, получили ли Вы. Он так непростительно небрежен, этот экс-хусар! Пользуясь дивной осенью, мы совершаем ежедневные длительные прогулки в парке у моря. На море участились бури. Но солнце сияет так ярко, и воздух напоминает Дубровник в январе. А это так упоительно. Мы с Фелиссой Мих., трижды за последние годы там побывавшие, часто грезим об Адриатике. Пожалуй, в этом сезоне никуда, увы, ехать не удастся. А это жаль, конечно, т.к. приятно зимою очутиться в теплых краях солнечных. Хорошо еще, что у нас в деревне живет одна прелестная дама из Петербурга, приехавшая сюда тринадцатилетней девочкой и превратившаяся на наших глазах в красивую очаровательную русскую женщину. Ей 29 лет.[9] Муж ее держит лавку, где мы и пользуемся кредитом. Эта милая дама приходит к нам ежедневно уже много лет, вместе гуляем и читаем по вечерам Блока, Брюсова, Гумилева и других излюбленных авторов. Она знает наизусть много моих стихов (почти все!) и других авторов. Человек она остроумный, очень тонкий и веселый. Даже как-то странно порой, что она вынуждена сидеть за прилавком, обладая совсем иными данными. Мы все зовем ее ехать с нами в турнэ, и она, конечно, мечтает об этом, но к сожал., дело не позволяет ей бросить Тойлу. По воскресеньям она задает нам дивные приемы и закармливает моими любимыми русскими пирогами. Присутствие этой женщины в Тойле несомненно скрашивает наше в ней пребывание. А других знакомых, ведь, здесь абсолютно нет. Вот только Эссен, разве. Но он живет, как Вы знаете, в шестнадцати километрах от нас. Есть еще и в десяти километрах знакомый старичок – капитан 1-го ранга Клапье де Колонг[10], флаг-капитан адм. Рожественского[11]. Ему 77 лет, и он недавно женился на Римской-Корсаковой[12], которой 57!.. Но все это в отдалении. Да и скучно, по правде говоря, со старцами. Целую Ваши ручки. Фелисса Мих. и я шлем сердечные приветы Вам, дорогая Августа Дмитриевна, Фед.Фед. и Асе, жду с нетерпением Вашего письма от 15.X. Получу его, как всегда, 18-го.

Дружески Ваш неизменно

Игорь.

P.S. Посылаю Вам книжечку стихов одной знакомой дамы из Сараева, которой я рекомендовал отпечатать их в нашей нарвской типографии[13], и прошу Вас высказать о книжке свое мнение, что меня очень интересует. Неправда ли, как мило издана брошюрка? На мой взгляд, лучше даже "Адриатики". Вал‹ентина› Вас‹ильевна› гостила прошлое лето у нас в Словении под Марибором, и мы провели чудесные дни там.

Иг.

Toila, 7. XI.1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

только вчера поздним вечером мы вернулись из Ревеля, где третьего я дал в Синем зале театра "Эстония" концерт, собравший почти полный зал публики и прошедший с большим брио.[1] Как всегда, 3/4 было женщин, конечно. К сожал., в материальном отношении не так уж удачно: 15 долларов фикс, из них дорога (поезда и лошади) 7 долл., привезли домой ололо шести, т.к., хотя и останавливались у знакомых, но два долл. выскочили на мелочи, а по лавкам и за Вакха платить надо сразу же около 20 долл.!.. И так за последнее время почти всегда, и это уже приняло просто хронические формы. Все это далеко, понятно, не радует, и не хочется даже говорить на эту тему. Бог даст, все улучшится. А меня все время беспокоит судьба Вашей приятельницы из Испании: откликнулась ли она?[2] Получил ли Ася службу? Нас очень и очень тронуло, что мои книги так почетно выделены в кабинете Фед. Фед. Впрочем, я никогда и не сомневался в хорошем Вашем отношении к себе, за которое всегда сердечно признателен. Вчера, когда мы в темноте ехали 9 кил. со станции лесом в Тойлу, молодые и горячие лошади, испугавшись встречного автомобиля, ослепленные его прожектором, понесли, и только чудом мы не угодили в разлившуюся от осенних дождей речку. Кучер с большим трудом удержал их у самой воды. Ландо совершенно уже покренилось. Мы с Фел. Мих. любим быструю езду, но в темноте это изобилует большими опасностями. Книга моя печатается уже в Бухаресте, и на-днях мне прислали корректуру первых двух печатных листов.[3] В Ревеле время провели очень насыщенно, повидались с большинством знакомых. Ревель живописен и колоритен. Приятно изредка туда ездить.

Простите великодушно, что не написал из Ревеля пятого, но там буквально минуты не было свободной, мне же хотелось написать Вам более подробно. Вакх искренне благодарит Вас за марки. Фелисса Мих. и я шлем Вам, Фед. Фед. и Асе искренние наши воспоминания. Целую Ваши ручки. Привет и Вам от г-жи Штрандель, нашей петербурженки, скрашивающей наши приморские досуги. Я только-что закончил книгу Марии Ундэр, переведенную с эстонского совместно с Фел. Мих. – в ней 42 страницы.[4] Вскоре нужно ее печатать. Жду Ваших скорых вестей.

Всегда Ваш

Игорь.

88

Toila, 1.XII.1934 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, пишу Вам в декабре не пятого, а первого, т.к. хочу поскорее Вам ответить. Меня крайне тронула Ваша испанская приятельница. Я рад, что на Земле есть еще живые сердца! Будете ей писать – приветствуйте. К сожал., ни одного свободного экз. "Классических роз" у нас давно уже нет. И достать их не могу, т.к. книга издательством перепродана кому-то. Это мне крайне досадно. 20.XI. послал Вам экземпляр "Медальонов" с надписью.[1] Известите, пожалуйста, о получении, иначе буду думать, что книга пропала, т.е., почему-либо до Вас не дошла... Роман в строфах ("Рояль Леандра") выйдет в свет между 15-20 дек. Надо ли говорить, что без промедлений вышлю его Вам?[2] У нас дней шесть назад выпал первый снег, но теперь почти весь растаял. Было даже 2 гр. ниже ноля, но теперь опять тепло: от 3 до 7. На море частые бури. Наш гость из Софии пробыл у нас всего два дня.[3] Ему здесь очень понравилось. Летом приедет одна милая дама из Кишинева – та самая, у которой мы жили три месяца и которая сходила с ума и тоже три месяца провела в сумасш. доме.[4] Ей 34 года, она тонкая и умная. Поет, рисует, декламирует. Внешностью – Брунгильда. (В смысле массива!) Выше меня на голову, – великанша. И при этом, что удивительно, сложена пропорционально. Редкой красоты – южного типа – женщина. И редкой доброты. Замужняя, но уже 6 лет назад разошлась со своим инженером. У нее в Кишиневе три дома. Именье и авто недавно продала, но старого повара Илью трогательно бережет. Вообще, у нас столько колоритных и интересных встреч. Жаль, что в письме всего не расскажешь. Вакх благодарит за марки и почтительно целует, как и я, Ваши ручки. Ф.М. и я шлем сердечные приветы Вам, Фед.Фед. и Асе.

Ваш всегда

Игорь.

Спасибо за надежду выиграть в декабре. Всегда верю!

Вчера заболел Вакх. Сегодня был доктор. Кажется воспаление легких и корь. Не хватало еще болезней!

89

‹Toila. 21.XII.1934 г.›[1]

Дорогая Августа Дмитриевна!

Фелисса Михайловна и я поздравляем Вас, Федора Федоровича и Асю с Праздниками Рождества Христова и с Новым Годом, от всей души желая всем вам счастья и радости душевной! Итак, Ася первый раз не с Вами? Обидно, но он, ведь, в январе приедет, и это уже скоро. К счастью, Вакх от-

делался корью и то в легчайшей форме. А в Нарве теперь свирепствует дифтерит, – все школы закрыты. От нас около 45 верст, и это воистину страшно. С Божией помощью, не дойдет до нас. Ф.М. и я сердечно благодарим Вас за "шоколад" Вакху: Вы такая всегда трогательно милая и любезная. Корректура романа мною уже отослана в Бухарест, и книга выйдет около 10 января. Спешу послать Вам это письмо, чтобы не опоздать на сегодняшнюю почту.

Целую Ваши ручки.

Все мы приветсвуем Вас,

Фед.Фед. и Асю.

Всегда Ваш

Игорь.

90

Toila, 5.I.1935 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

наши письма разошлись: и Вы, и я писали их одновременно 21.XII.! Мы все сердечно благодарим Вас за Ваше большое внимание к болезни ребенка, к счастью, прошедшей легко. Сегодня я получил письмо из Бухар‹еста› от Ольги Леонт‹ьевны› Мими[1], в котором она извещает меня, что роман мой выходит в свет 3-4 янв., так что я надеюсь, Вы вскоре будете его уже иметь. Опоздание по случаю Праздников. Нам всем очень понравился Ася: серьезный и вдумчивый. И очарованы милым и добрым выражением лица Фед.Фед. А Вас мы, ведь, давно знаем по ранее присланным и в альбоме находящимся карточкам. Жалеем только, что до сих пор не собрались в нашу очаровательную страну: она некоторым образом близка любимой Вами Швеции. Приезжайте с Фед.Фед. и Асей на Пасху! Если у нас покажется Вам слишком тесно и убого, можно остановиться в одном из трех комфорт‹абельных› пансионов или же в новом отэле "Инда". День обходится с полным пансионом (и с пост‹ельным› бельем) всего две эст. кроны (с человека). А поезд тоже дешев. Так искренне хотелось бы со всеми вами повидаться, и это желание вполне естественно: с февраля 1918 г. мы не виделись! 28 янв. будет 17 лет, как я переехал сюда. Дважды выезжал в Петербург (в феврале и мае) и в февр. в Москву и Ярославль. Помните?[2] Фелисса Мих., я и Вакх шлем всем вам искренние наши приветы. Целую Ваши ручки. Всего хорошего в Новом году!

Ваш сердцем

Игорь.

91

Toila, 1.II.1935 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, пишу Вам в день своего тридцатилетнего юбилея.[1] Статьи в газетах некоторых уже появились.[2] Общ‹ественные› организации устраивают в середине месяца мой концерт и банкет в Ревеле.[3] Да, как видите, постарел я. Одно утешенье, что дебютировал семнадцати лет... На этих днях (25.I.) послал Вам 10 экз. новой книги[4] в надежде, что не откажете в любезности ее рапространить: мы, ведь, живем исключительно своими изданиями. Ольга Леонт‹ьевна› Мими издала роман на свой счет, оставив себе на покрытие расходов 200 экз., а мне прислала 800. Любезность, конечно, редкостная. И еще большая сердечность, не правда ли? Ей 29 лет, золотая красавица, поэтесса, жена директора банка. Пишет часто то из Констанцы, то из Синайи, то откуда-то из Трансильвании: вечно путешествует. В Бухаресте они нас заласкали и катали в авто всюду. В особенности дивные поездки по шоссе, построенному русским генералом Киселевым: десятки километров "стрелы"! И уютные рестораны над озерами. Недавно был в Ревеле, где провел три с половиной дня. Вернулся вместе с редактором "Вестей дня" Шульцем[5]. Он погостил у нас два дня. Приезжал и беллетр‹ист› из Нарвы – Волгин[6]. Они взяли у меня сведения и фотографии. Вчера одна из них и статья Пильского появились уже в "Сегодня".[7] Думается, роман можно продавать по одной марке. Деньги можно послать почтовыми купонами. Кстати: и Вакх, и мы сердечно тронуты Вашим "шоколадом" и приносим Вам искреннюю свою благодарность. Вы такая всегда милая, Августа Дмитриевна, право. Спасибо Вам за все. Приехал ли уже Ася?

Сейчас приехал опять Шульц из Ревеля, а через 1/2 часа из имения в 12 кил. "Онтика" наш сосед – помещик флаг-капитан адм. Рожеств‹енского› в Цусимском бою на "Князе Суворове" капит‹ан› 1-го ранга Конст. Конст. Клапье-де-Колонг. Ему 76 лет[8], и дворец его на побережье славится на весь округ: громадный дом Николаевской эпохи. Мы все страшно тронуты его вниманием, тем более, что вьюга и мороз. Вскоре садимся обедать.[9] Спешу послать эту открытку. Целую Ваши ручки. Фед. Фед. и Асе Фелисса Мих. и я шлем искренние свои приветы, как и Вам.

Всегда Ваш

Игорь.

92

Toila, 5.III.1935 г.

Дорогая Августа Дмитриевна, спасибо Вам за открыточку с Вашим домом от 15.II. Из нее узнали, что Ася до сих пор не приехал и посочувствовали Вам. Узнали и о получении Вами книжек. А вот не знаем – получили ли Вы открытку от 2.II.? Напишите, пожалуйста: для меня это очень важно. Дав-

ным давно не имею от Вас длинных писем, что очень грустно. Не зная получили ли Вы мою открытку, не знаю знаете ли о готовящемся в Ревеле чествовании меня? Этот вечер и банкет пока устроители отложили, и состоится все это только 15-20 марта.[1] А 10-го даю вечер в Нарве.[2] Зовут и в Печоры, и в Валк.[3] Веду переговоры, но вряд-ли что выйдет; уж очень дешево теперь платят везде: по 30 крон! В эту сумму входят и поезда, и лошади, и отэли!.. А один билет до Печор туда и обратно – 10 крон! Нет заработков хронически, а, когда предлагают, "курам на смех". И живи – как хочешь! Разослал по всей Европе 150 экз. на сумму 150 крон, но пока получил только 50 фр‹анков› чеком из Белграда от одной богатой дамы за проданные ею 10 книг. И больше ни от кого. А жизнь идет вперед, и уже у нас в Тойле накопилось около 100 крон долга. Все это удручает. Понравился ли Вам роман? У нас почти весна. И уже дней десять. Снега мало осталось. Не сегодня – завтра тронется лед в речке. А море совсем в эту зиму не замерзало. Был ли у вас мой друг – отец Сергий Положенский? Он хотел засвидетельствовать Вам свое уважение. Он лет 17 знаком со мной, долго жил в Тойле и Ревеле. Теперь, благодаря своей энергии, окончил Богосл‹овский› Инст‹итут› в Париже и состоит помощн‹иком› Иоанна (кн. Шаховского[4]). Пишет стихи. Много расскажет Вам о нас и о нашей жизни. Человек он редкостной порядочности и доброты. Совсем молодой. Целую Ваши ручки. Фел.Мих. Вас и Фед.Фед., как и я, приветствует.

Неизменно Ваш

Игорь.

‹Приписка на поле:›

Если посчастливилось продать книги, не откажите в любезности выслать почтовыми купонами.

93

Дорогая Августа Дмитриевна, спешу черкнуть Вам несколько хотя бы слов. Не осуждайте за молчание. Я жив и здоров, не писал Вам оттого, что в жизни моей происходят некие события. С 7.III. переехал от Ф.М. из Тойлы в Пюхаеги (в 3 килом. от Тойлы). Нанял домик над рекой. Почти все время жил в Ревеле, иногда наезжая в природу. С 25 мая живу здесь постоянно. А Ф.М. с 3.IV. переехала в Ревель и домой, в Тойлу, не собирается. Живет у знакомых.[1] Я забросил совсем всю переписку и ничего не творю: нет подходящего настроения. Ловлю рыбу, конечно, с упоеньем. Целую Ваши ручки, приветствую Фед.Фед. и Асю. Напишите о себе.

Ваш Игорь.

Pühajõgi, 17.VI.1935 г.
Адрес прежний.

Toila, 30.IV.1937 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

не осуждайте меня, пожалуйста, за мое, столь длительное, молчание: за эти годы я, вообще, никому не писал, и да послужит это обстоятельство мне в оправдание.[1] Нечеловеческих, воистину титанических усилий стоит существовать, т.е. получать хлеб и одежду, за последнее время зарубежному поэту. Ни о каких заграничных поездках не может быть и речи: при громадных затратах денег, нервов и энергии они вовсе не оправдываются. Не может быть речи и о творчестве: больше года ничего не создал: не для кого, это во первых, а во вторых – душа петь перестала, вконец умученная заботами и дрязгами дня. Живу случайными дарами добрых знакомых Белграда и Бухареста. Конечно, все это капля в море, но без этой "капли" и жить нельзя было бы. И всегда хронически ежемесячно не хватает, т.к. самая убогая даже жизнь все-же стȏит денег, а их, увы, очень немного присылают. Фелисса Михайл. получила, год проработавши на заводе, злокачественное воспаление почек, и вот уже больше года нигде не работает, предоставленная целиком, – можете себе представить это?! – моим беспомощным о ней заботам. А откуда же мне-то взять и на ее прожитие, и на образование Вакха, и на собственную жизнь?! Вакх учится в Ревеле в ремесленной школе, и только чудом Господним можно объяснить, что откуда-то достаются гроши на все это. Но как все это трудно и тяжко! Через 4 года, если я сумею продержаться, он окончит училище с дипломом заводского мастера и сразу же встанет на ноги: 50 $ в месяц обеспечены! Но каково <u>это</u> время пережить! Как-то Вы, Федор Фед. и Ася поживаете? Не перестаю никогда думать о всех вас. Самые лучшие чувства с вами. Напишите нам о себе, пожалуйста. Ф.М. очень просит Вас поискать у букинистов книгу В. Брюсова "Последние мечты" (советск. изд.), Ахматовой "Anno domini" и мою "Тост безответный". Если бы нам удалось найти их: ведь, все-же, перестав творить, мы не перестали, как это ни странно, боготворить поэзию. Деревня – вот единственное, что дает силы еще жить. К сожал., месяцами мне приходится проводить в Ревеле, где я всю зиму продавал даже незнакомым свою новую книгу, беря цену по желанию покупателей.[2] Это немного поддерживало.

16-го мая исполняется 50 лет со дня моего рождения. Грустная дата... Если бы от‹ец› Сергий Положенский и Вы могли бы собрать какую-нибудь сумму среди знакомых для меня, сына и Ф.М., мы были бы так светло Вам признательны, всегда дорогая Августа Дмитриевна! Неужели никто не поможет гибнущему поэту в уже погибшем мире? Есть же люди, хочется

верить! Наш сердечный и теплый привет Вам, Фед. Фед. и Асе. И Серг. Серг. И его помним и любим постоянно. Целую Ваши ручки.

Всегда, всегда Ваш

Игорь.

Estland. Toila. Postkontor.

95

Toila, 14-го сент. 1937 г.

Дорогая Августа Дмитриевна,

простите меня, пожалуйста, что не сразу обответил Ваше проникновенное и родственно-благожелательное письмо, продиктованное лучшими чувствами дружбы Вашей неизменной, что я отлично чувствую и глубоко ценю всегда. Все лето я провел вдали от Тойлы (в 39 килом.) около Гунгербурга, на берегах многоводной и тихой, очень красивой, Россони, впадающей в Нарову против курорта. Жил я в русской деревне, занимая отдельную избушку, арендовал рыбачью лодку, что все вместе за все лето стоило баснословно дешево – около 8 $! Я никого не трогал, радый, что и меня никто не трогает, вел отшельнический образ жизни, питался собственной рыбой, собственными грибами и собственной ягодой, во всем решительно себе отказывая и лишь изредка, в видах все той же экономии, совершая пешком в Тойлу прогулки за почтой, ибо я не люблю изменять своего адреса, дабы не терялись письма. Так продолжалось до конца августа, когда, вдруг, Фелисса Михайловна, человек неимоверной гордости и такого же сверхъестественного, прямо-таки не человеческого упрямства, граничащего с жестокостью, что между прочим, и побудило меня 2 1/2 года назад, после громадной борьбы и желания найти какой-либо компромисс, с нею расстаться, в конце концов, и искать духовного пристанища у мягкой, добрейшей и обожающей меня моей теперешней верной подруги – Веры Борисовны[1], скромной учительницы в Ревеле, когда, повторяю, вдруг Фелисса Мих. неожиданно предъявила мне ультиматум: в пятидневный срок определить пятнадцатилетнего Вакха, окончившего первым учеником начальную шестиклассную школу в Тойле и седьмой, дополнительный, класс ремесленный, определить немедля в четырехклассное техническое училище в Ревеле, дающее право стать мастером на заводе с окладом до 50 $ в месяц и, следовательно, могущего впоследствии помогать своим родителям, если он, конечно, пожелает помогать, что, м. б., и сомнительно, например, в отношении отца... Все это, слов нет, было бы весьма мудро и основательно, если бы я получал определенное жалованье, а не жил бы большею частью на счет бедной, души во мне не чающей, Верочки! И вот мне пришлось (иначе Ф.М. угрожала самоубийством) нестись в Ревель и с чудовищными трудностями доставать (вымаливать) деньги на следующее: 1) 10 $ за пансион до 29 сент. (не больше!), 2) 12 $ на костюм

форменный, 3) 12 $ на пальто, 4) 4 $ за право ученья (первое полугодье), 5) 10 $ на фуражку, гимнастический костюм, костюм рабочий и прочее-прочее, включая книги, тетради, инструменты. А Вакх пишет матери отчаянные письма и т р е б у е т все новых и новых, совершенно непредвиденных, расходов!!! Само собою разумеется, что на в с е перечисленное я денег достать никакими унижениями не смог, а достал лишь всего на всего 15 $. Тридцать же опять из пятидесяти з и я ю т! А нужды тем временем растут, и не за горами 29-ое сент., когда понадобятся новые 10 $ за пансион в октябре. Нужно, извините меня, быть совершенно сумасшедшей (иного слова, право, не подыщешь!), чтобы залезать в такую а в а н т ю р у, как начинать давать образование мальчугану, решительно н и к а к и х средств не имея. Надо еще Вам сказать, что полтора года (с 9-го апр. 1936 по сент. 1937 г.) я, безработный, содержал на свой (откуда то доставал!..) счет Фелиссу Мих. в Тойле: она, прослужив год перед этим на заводе, заболела злокачественным воспалением почек, и вот теперь полуинвалид, т.к. до сих пор не может поднимать тяжестей и промочить ног. Все свои случайно получаемые гроши я отдавал ей лично и даже ухитрялся покупать иногда ей туфли, чулки и покрыть сгнившую на лачуге крышу возобновить! Бо̀льшего, дорогая, от меня, думаю, и требовать было нельзя: ведь, все эти траты – явный ущерб для нашей с Верочкой жизни. Не надо забывать, что она грошевое жалованье получает, имеет от мужа пятилетнюю дочь и живет не в деревне дешевой, как Ф.М., а в г о р о д е, что далеко не одно и то же. Верочка безропотно переносит все невзгоды и бывали случаи, когда она из с в о и х денег помогала через меня Ф.М., которая, к слову сказать, ненавидит ее (за что, спрашивается?!) бешеной ненавистью и знать ее не хочет, не будучи даже с нею знакома. А вся вина, все преступленье Верочки заключается, видимо, в том, что она, русская женщина, делится последним (и с какою, надо видеть, радостью!) с русским поэтом, оберегая его, по возможности, от меркантильных забот и дрязг уродливой за последнее время жизни. Фелисса Мих. мотивирует свое желание дать Вакху образование так: "Если я не смогу дать хотя бы элементарного образования сыну и сделать из него хотя бы квалифицированного рабочего, я не достойна даже того, чтобы продолжать жить на свете." Это рассуждение не выдерживает ни малейшей критики, ибо в ы х о д все же есть: директор завода Ван-Юнг, дающий Вакху, по моей просьбе, 4 $ в месяц, предлагает взять его к себе на завод в ученики н а ж а л о в а н ь е с р а з у ж е и через те же четыре года сделать его у себя же мастером с окладом до 50 $, т.е. и м е н н о т о, что даст ему техническое училище!!! И вот Ф.М., выслушав от Ван-Юнга его изумительное по сердечности предложение, к а т е г о р и ч е с к и и в е с ь м а о с к о р б и т е л ь н о его отвергла. Мотивы? "А вдруг Ван-Юнг умрет за эти годы! А вдруг мастер завода, где он будет учеником, захочет поставить на место Вакха, его не взлюбив, своего родственника и заест 'ребенка'!"... И тому подобная чепуха. Да, ведь, если так рассуждать, то и сам герой нашего дня – Вакх тоже может умереть за это время!.. Так или иначе, Ф.М. неистовствует и ставит меня в невозможное положенье, обрекая на добыванье денег. А иначе угрожает с собою покончить и т.д. – еще похуже... А пока что она, полубольная, изнервленная и обозленная предельно, собирается итти в... прислуги!! Умнее ничего не придумала: это, ведь, два-три доллара в месяц! А на завод

ни за что не хочет, хотя хозяин сразу же взял бы ее обратно с восторгом: работала идеально. Что мне делать, дорогая Августа Дмитриевна, – скажите! Вы всегда выручали меня добрым советом, а зачастую и денежно. Теперь я не прошу Вас помочь мне денежно, т. к., Вы сами понимаете, в этом случае никакая денежная помощь, видимо, уже не поможет: слишком большие расходы! Еще должен Вам сказать, что правительство, в воздаянье моих заслуг по переводам с эстонского, назначило мне пожизненную пенсию в размере 8 $ в месяц. Выдача будет в конце октября. Само собою понятно, что мы с Верочкой гроша себе не возьмем и ц е л и к о м отдадим Ф.М. в ее распоряженье всю эту пенсию на в с е годы. Тогда, возможно, присоединив 4 $ от Ван-Юнга, она к а к - н и б у д ь и сможет выполнить свой каприз. Но ей самой н и ч е г о не останется, если подсчитать приблизительно хотя бы, и ее судьба меня тревожит крайне. На этих днях моя хорошая знакомая, жена директора завода, Лидия Харлампиевна П у м п я н с к а я, едет в Берлин, недавно вернувшись из Парижа и Зальцбурга. Вчера я у нее ужинал и просил ее, когда она будет в Берлине, войти с Вами, ближайшим другом моим, в контакт. Так вот, если Вы найдете возможным и нужным хотя бы немного помочь мне, пожалуйста, дайте ей эту помощь в марках (для покупки в Германии вещей), а она передаст мне в эст. кронах. Не сердитесь на мою просьбу: уж очень туго живется. Прямо невозможно передать Вам. Знаю, что и Вы, и Федор Федорович – люди добрые и такие с в о и. Не знаю, к сожал., лично мужа Вашего, но ч у в с т в у ю его.

Да, наше положенье очень тяжелое, очень приниженно и подавленно мы себя чувствуем. Не хватает самого н е о б х о д и м о г о... Не хочется подробностями Вас тревожить. Положенский на мою просьбу угостил меня советами, меня попросто оскорбившими: удивляться можно, как он, зная меня, додумался до такого абсурда, как говорить о какой-то службе. Всю жизнь я прожил свободным, и лучше мне в нищете погибнуть, чем своей свободы лишиться. Вы в письме своем говорили о прозе. Да, конечно, я мог бы писать прозой, но у меня, увы, нет м е с т а, где я мог бы писать, з а д е н ь г и. Писать же gratis я не нахожу возможным, ибо это не разрешит задачи заработка. Ни одна газета, ни один журнал моей прозы не желает т е п е р ь. Несколько же лет назад я написал десятка два статей и прилично заработал. А теперь, к сожал., негде печататься. Причин на это много. Главная же из них – к р у ж к о в щ и н а, кумовство. Везде свои люди, новых не подпускают близко, готовые горло перегрызть из-за куска хлеба. Как решился вопрос со службой Фед. Фед.? Переезжаете ли Вы в Вену, Стокгольм или остаетесь в Берлине? От всей души сочувствую Вам и ему, надеясь, что все образуется. Как справляется Ася со своими новыми обязанностями? Целую Ваши ручки и искренне благодарю заранее за все, что напишете мне для моего ободрения, в котором, признаться, я очень нуждаюсь. Всегда помню Вас, и внушил Вере Борисовне и любовь к Вам, и уважение. Она приветствует Вас сердечно. Известите меня, прошу Вас, о получении этого письма.

Любящий Вас и признательный Вам

Игорь.

Письмо это написано в Ревеле, но Вы, пожалуйста, ответьте на Toila – мой постоянный адрес: почтмейстер мне его доставит. А можно и на Ревель написать, если хотите: Estland. Tallinn. Suur Tartu, 35-2 (kort. Feodorova). Ig. Severjanin.

Если встретитесь с Положенским, расскажите ему обо всем, сообщенном Вам мною. Т.к. вывоз денег из Германии воспрещен, Лидия Харламп‹иевна› накупит вещей и, следовательно, денег из страны не вывезет.

‹Приписки на полях:›

Главная причина упрямства Ф.М. и ее нежелания отдавать Вакха в ученики Ван-Юнга еще в том, что и мать ее, и обе сестры совершенно с нею солидарны и смотрят на меня, как на врага, сами, однако, ни сантимом не идя встречно, а взваливая на меня и на Ф.М. всю тяжесть добыванья средств. Это возмутительно, и я теряю здоровье.

Сейчас я живу у тетки В‹еры› Б‹орисовны› г-жи Федоровой, где и пробуду всю зиму.

96

Toila, 11.VII.1938 г.

Дорогая Августа Дмитриевна!

Ваше письмо от 15-го мая, столь потрясшее меня, я получил с громадным опозданием, т.к. бываю в Тойле весьма редко, а пересылать почту к себе не позволяю, ибо меняю часто места. Но все же даю Вам и впредь старый, – постоянный, – свой адрес: в июле и августе мне часто придется ездить и ходить в Тойлу.

Нет слов человеческих, дорогой друг мой, чтобы выразить Вам свое соболезнование. Вот, ведь, странно: я не знал Федора Федоровича лично, но, как живого, видел и вижу его перед собою. Чудесный, обаятельный был человек, чувствую. Мне остается только преклониться перед Вашим горем: слова бессмысленны и обидны.[1]

Но Вы должны жить, и опять-таки: для сына. Вы права не имеете причинить ему муку. Сознательную. Этим Вы обессилите его, причините ему вред. Конечно, Вы не покончите с собою: нельзя. Если Вам дана мука, не давайте ее сами другим. Воздержитесь, молю Вас.

Что делает теперь Ася? Как он устроился? Воображаю, как и на него повлиял уход Федора Федоровича.

Ваше желание быть сожженной одобряю вполне. И я хотел бы того же. Благодарю Вас за честь, мне оказанную, и за доверие. На практике не знаю, как поступить. И потом: почему бы я должен пережить Вас?

При состоянии моего здоровья это просто невозможно. Я – в полном одиночестве. Не первый год. Одно расстроилось, другое не могло наладиться. Горчайшую нужду переживаю. Ничего ни откуда не имею. Нередко н е е м. Живу каким-то чудом. И сам не знаю – к а к. Люди черствы и скотоподобны. Не помогают даже богатые. Конечно же, я ничего ровно не пишу: люди недостойны Искусства!.. Для себя?! Я давлю в себе малейшее вдохновенье. Болезнь сердца: застарелый апендицит, сердце изношенное. Одышка, головные боли частые и жгучие. Фелисса Мих. сидит сидьмя в Тойле – совсем тоже больная и мрачная: почки хронически болят. И душа.

Что касается Вакха, ему 1-го авг. исполнится 16 лет. Окончил шестиклассную начальную школу, один класс ремесленного, а осенью 1937 г. поступил в Госуд. Техн. Учил. с пятилетним курсом. Этой весной блестяще, – без экз‹аменов›, – перешел во второй класс. А строгости там невероятные, и многих среди года даже гонят прочь. Еще 4 года должен учиться, и тогда будет мастером на заводе с окладом около 50 $ в месяц. Но увы: уже просто нет н и к а к о й возможности с осени, т. е. с 1 сент., ему дальше учиться. Очевидно, останется на зиму в Тойле при голодающей матери. Ужасно, дорогая, что я х о ч у и не могу им ничем помочь! Равно и себе самому. Придется, видимо, не сегодня-завтра уйти из этой несправедливой, издевательской жизни. Немыслимо переносить муки свои и близких. А Вакх – хороший, честный, добрый, способный, деликатный. Не дать ему образования – нельзя жить. Он сказал, что никогда не оставил бы нас с Ф.М., окончив школу. Болезненно переживает невозможность окончания школы. Еще бы: пансион в Ревеле стоит ему ежемесячно 11 долларов! Откуда же мы можем бесконечно доставать такую сумму?! Первый год содержало мин. нар. просв., но с весны прислало формальный отказ: за неименьем средств. Простите за откровенности – невеселые и жуткие. Всегда помним и любим Вас, а, если не пишем, не хотим ныть. И омрачать Вас. Асю целуем, целую Ваши ручки, Ф.М. шлет сочувствие, сама совсем умученная. Будьте добры и благостны!

Всегда любящий Вас

Игорь.

Напишите о получении этого письма и пишите и впредь, прошу. В Тойле буду около 17-20 июля.

Комментарии

Письма и открытки Северянина написаны по старой орфографии, а печатаются здесь по новой. Они почти все датированы самим Северяниным; исключения оговорены в комментариях. Ссылки на книги Северянина даются без указания места и года издания – полное описание изданий см. "Список книг Северянина, упоминаемых в настоящем издании". В старых и новых русских и эстонских географических названиях помогает ориентироваться "Указатель географических имен, связанных с Игорем Северяниным".

Письма Северянина изобилуют сокращениями. Чтобы правильно передать эпистолярный стиль автора, мы расшифровываем эти сокращения лишь в самых необходимых случаях. Фигурирующие чуть ли не в каждом письме сокращения личных имен расшифровываются следующим образом: М.Д., Мак.Дм. = Макарий Дмитриевич; Ф.М., Фел.Мих. = Фелисса Михайловна; Ф. Ф., Фед.Фед. = Федор Федорович.

1

1. Мария Васильевна Домбровская (1895 – ?), с которой поэт сожительствовал в это время. Согласно устному сообщению Ю.Д. Шумакова, эта женщина носила и фамилию Волнянская. Ср. посвящение в сб. *Громокипящий кубок* (М. 1915): "Эта книга, как и все мое Творчество, посвящается мною Марии Волнянской, моей тринадцатой и, как Тринадцатой, последней." С М.В. Домбровской Северянин расстался в 1921 г. См. дальше письмо 6.

2. Вера Георгиевна – подруга семьи Барановых.

3. Мария Асафьевна Баранова (р. 1894) – сестра А.А. Баранова. В 1918 г. вышла замуж за работника шведской дипломатической миссии в Москве, Gustaf H. Sandberg, и уехала с ним в Стокгольм, где проживает с тех пор.

4. Асаф Асафович Баранов (1889-1920) – муж А.Д. Барановой с 1912 г., юрист, служил в Московском купеческом банке.

5. Барановы жили в Георгиевском переулке, д. 12, на Спиридоновке.

6. В 1900-е годы Северянин с матерью снимали в Гатчине дачу, там началась его первая любовная история, отразившаяся в поэме "Злата" (1909) и романе "Падучая стремнина" (1922). Ср. 8:12. Кроме того, в Гатчине Северянин познакомился с почитаемым им К.М. Фофановым (в 1907 г.) и неоднократно навещал его там. В Гатчине написан ряд известных стихотв. Северянина, в том числе "Весенний день" (1911). См. также посвященное Гатчине стихотв. "Музей моей весны" (1916; *Миррэлия*).

2

1. А.А. Баранов умер 21 июня 1920 г., так что семья еще жила в Москве.

2. Макар Дмитриевич Кабанов – брат А.Д. Барановой, остался в России, где исчез в 30-е гг.

3

1. По поводу смерти А.А. Баранова. А.Д.Баранова с сыном и тещей выехали из Москвы в Ревель еще 15 февраля и с Северяниным не встретились.

2. Письмо заказное, адресовано А.Д. Барановой в Таллин, до востребования. Оттуда переслано в Стокгольм, до востребования.

4

1. Начиная с этой даты, письма Северянина адресованы А.Д. Барановой в Стокгольм.

2. 8 апреля Северянин выступал в Шавляе, в театре Фантазия, при участии Балькис Савской (т.е., видимо, М.В. Домбровской), артиста Итальянской оперы С.М. Ульмана и проф. Алекс. Брауера (листовка).

3. Поэзо-концерты Северянина в Риге состоялись 25 и 27 января. О первом критик В.Третьяков писал, что "читка Игорем-Северяниным своих стихов местами отдает цыганским пошибом и дешевит его строки. Но в принципе против такого чтения ничего нельзя возразить, ибо мелодия, слышная в каждом стихе, сама напрашивается на мотив" ("О красивой галантности. 1-й поэзоконцерт Игоря-Северянина", *Сегодня*, 1921:22, 27 янв.).

4. Ср. газ. *Свободное Слово* (1921:24, 18 мая), где помещен анонс о "4-м поэзоконцерте" Северянина 21 мая в здании Бюргермуссе в Тарту. Отчетов об этом вечере, к сожалению, обнаружить не удалось.

5. В справке для *Новой Русской Книги* от 7 февраля 1921 г. Северянин называет своего импресарио Ханон Сролевич Лурье, "литовский подданный. Свед‹ений› о нем пока не имею. Проживает в Ковно и в Риге: все время разъезжает" (цит. по сб. *Русский Берлин 1921-1923*, Париж 1983, стр. 317). В объявлениях о "турнэ поэзоконцертов" Северянина в газ. *Сегодня* (1921: 61, 15 марта) импресарио назван В. Лурье (Валенти).

6. Ср. газетн. сообщение: "Известному поэту Игорю Серверянину разрешен въезд в Германию, где он устроит несколько поэзовечеров" (*Свободное слово*, 1921:15, 4 мая). Эта поездка не состоялась.

7. Издателство "Odamees" выпустило в 1919 г. два сборника избранных поэз Северянина: *Pühajõgi. Эстляндские поэзы* и *Crème des Violettes* и в 1920 г. сборник новых стихов *Вервэна. Поэзы 1918-1919 гг.* Последнюю книгу Северянин послал А.Д.Барановой с надписью: "А.Д.Барановой в знак неизменного душевного устремления – автор. Eesti. Toila. 7.VI. 1921 г."

8. Сб. *Менестрель. Новейшие поэзы* вышел в Берлине в 1921 г. (изд. маг. "Москва"). Heinrich Sachs – издатель, знакомый Северянина.

9. Вера Асафьевна Линделёф (Lindelöf, 1893-1985), ур. Баранова, сестра А.А. Баранова, в 1918 г. вышла замуж за работника шведской дипломатической миссии в Москве, Eric Lindelöf, и уехала (вместе со своей сестрой Марией и ее мужем – см. 1:3) в Швецию.

5

1. См. предыдущее письмо.

2. Евгений Александрович Ляцкий (1868-1942) – литературовед, автор работ о Чернышевском, Горьком, Чехове и др. Его главный труд – монография о Гончарове, первое издание которой вышло в 1904 г. После революции Ляцкий эмигрировал в Швецию, где основал издательство Северные огни, выпустившее в 1920 г. третье изд. книги о Гончарове. Издательство Ляцкого, сотрудничавшее с типографией Hasse W. Tullberg, специализировавшейся на изданиях на русском языке, сразу развернуло интенсивную деятельность и за период с 6 июня 1920 г. по 27 сентября 1921 г. выпустило 20 книг, в том числе *Избранные рассказы* Чехова, *Герой нашего времени, Басни* Крылова, *Горе от ума, Гамаюн* Бальмонта, *Рассказы* Сельмы Лагерлёф, *Рассказы* Тэффи, *Пеструю книгу* (тт. I-II) Дионео, *Испытание дипломата* К.Д. Набокова (дяди писателя). Изд. Северные огни также выпустило две книги по сельскому хозяйству (переводы со шведского). Среди книг, намеченных к изданию, но так и не вышедших, числятся *История русской литературы XIX века* Ляцкого и антология русских классиков. Из Швеции Ляцкий уехал в Прагу, где основал изд. Пламя, начавшее свою деятельность в марте 1923 г.

3. Можно полагать, что библиография была А.Д.Барановой передана "заправилам" издательства, т.к. она не сохранилась среди ее бумаг.

4. Письмо заказное.

6

1. Поездка в Берлин и Париж опять не состоялась.

2. Северянин выступал в ресторане Villa Mon repos 1, 6, 8, 14 и 29 сентября. Ср. рецензию на первый концерт: "Поэт был-таки поднят 'народом на щит'

– публика отдала ему должное. При совершенно смолкнувшем зале Северянин прочел ряд поэз преимущественно из сборника 'Громокипящий кубок', как известно, наиболее интересного. Как воспоминание далеких петербургских времен, безвозвратно канувших в лету, прозвучали напевные строки 'Письма голубого', 'Ананасов в шампанском', 'В желтой гостиной серого клена', и многого другого, что поэт неустанно читал, отвечая на несмолкавшие вызовы публики. Кажется, так в 'Mon repos' не принимали еще никого" (М. Манский, "Концерт", *Последние Известия*, 1921: 216, 3 сент.). Ср. также рец. в газ. *Revaler Bote*, 1921:198, 3 сент. и стихотв. Северянина "Villa Mon repos" (*Фея Eiole*).

3. 12 сентября в Таллинском драматическом театре состоялся большой концерт с разнообразной программой, доход которого, по сообщению соперничающего издания *Свободное слово*, предназначался для поддержки пошатнувшегося финансового положения газ. *Последние Известия* (где печатался и Северянин). Среди выступавших был и Северянин, "чьи поэзы в артистическом исполнении самого автора не устаешь слушать, восхищаясь ими" (*Последние Известия*, 1921:221, 11 сент.)

4. Фелисса Михайловна Крут (Kruut; 1902-1957) в декабре 1921 г. стала женой Северянина. См. письмо 7. Ф. Крут писала стихи на эстонском и русском языках, несколько ее стихотворений было опубликовано, но литературной известностью она не пользовалась и "поэтессой" была в первую очередь в глазах Северянина (см. Р. Круус, "Новые данные о жизни и творчестве Игоря Северянина", *Ученые Записки Тартуского Государственного Университета*, т. 683, 1986, стр. 79-81).

5. Северянин именует М.В. Домбровскую по героине поэмы М.А. Лохвицкой "На пути к Востоку" (1897) – Балькис Савская (ср. 4:2). После разрыва с Северяниным М.В. Домбровская жила в Таллине. Ср. о ней в письме Хильды Францдорф (жены Г.Виснапуу) к Эмилии Варес (жене эстонского поэта И.Вареса-Барбаруса), относящемся, по всей вероятности, к 1922-24 гг.: "Я была у жены Игоря, которая голодает. Я купила ей за 700 марок еды и дала 500 марок денег. Вышлю ей свое старое зимнее пальто и хочу купить материю на платье. Если у тебя найдется пара белья, вышли ей." В письме Г.Шенгели от 12 сентября 1927 г. (в архиве Ю.Д.Шумакова) Северянин сообщил: "В 1921 г. [...] я расстался, – наконец, – с М‹арией› В‹асильевной›. И это было предначертано, как Вам, думается, известно. Теперь она где-то в СССР."

6. "Очаровательные разочарования" – излюбленный оксюморон Северянина, давший название одному из его не вышедших сборников стихов (рукопись в ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 3). Ср. также строки стихотворений "Знакомы мне..." (1930; И. Северянин, *Стихотворения*, М. 1975, стр. 412; газ. публ.: *Вести дня*, 1935:15, 17 янв.):

Знаком и ты, восторг любовного свиданья,
И – как финал – всегда печаль наедине.
Очаровательные разочарованья
Знакомы мне. . .

"Интермеццо" (1918; сб. *Соловей,* стр. 161-162):

Чаруют разочарованья
очарованьем своим...

"Прелюдия" (1921; ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 8):

Очаровательные разочарованья
мне в жизни выпали в безрадостный удел.

и др.

7

1. Мать Северянина, Наталия Степановна Лотарева (ур. Шеншина), умерла в Тойле 13 ноября 1921 г. в возрасте 76 лет (ср. траурное объявление в газ. *Последние Известия,* 1921:278, 18 нояб.). См. также стихотв. Северянина "За несколько часов", датированное "13.XI.1921, 10 ч. вечера" (*Фея Eiole*).

2. Ряд газет опубликовал анонсы о предстоящем "5-м и последнем поэзовечере" Северянина 14 декабря в зале Бюргермуссе в Тарту, в котором примет участие и Б. Правдин. Отчетов об этом вечере не обнаружено.

3. Ср. предыдущее письмо. Это был единственный законный брак Северянина. Ср. надпись на книге А. Блок, *Собрание сочинений*, т. I, Берлин 1923, подаренной Северяниным Ф. Крут: "Дорогой Фелиссе в день пятой годовщины моего единственного з а к о н н о г о брака. Ее Игорь. Eesti. Toila. 21.XII.1926."

4. В нарвских газетах не удалось обнаружить никаких сведений о концерте Северянина, а в Гельсингфорс Северянин попал только осенью 1923 г.

8

1. Письмо сохранилось не полностью.

2. Это письмо не сохранилось.

3. А.Д.Баранова с февраля 1922 г. до декабря 1923 г. была заведующей канцелярией Стокгольмского отделения Российской Железнодорожной

Миссии заграницей, возглавляемой профессором Ю.Вл.Ломоносовым. См. Введение.

4. Книга вышла в 1929 г. под названием *Поэты Эстонии* (изд. В. Бергман, Юрьев). Ср. 15:4 и 49:1. Об истории издания книги см. Круус, *ук. соч.*, стр. 81-83.

5. Marie Under, 1883-1980 - выдающаяся эстонская поэтесса, с 1944 г. жила в Швеции. Перевод ее книги *Предцветенье* (*Eelõitseng*, 1918) вышел только в 1937 г. в Таллине. Ср. 87:4.

6. *Падучая стремнина. Роман в 2-х частях* (т. XVII) вышел в Берлине в 1922 г. (изд. Otto Kirchner).

7. Сб. *Литавры солнца* никогда не вышел. Рукопись хранится в ЦГАЛИ (см. "Список книг...").

8. Изд. Otto Kirchner выпустило две книги Северянина: *Фея Eiole. Поэзы 1920-1921 гг.* (т. XVI) и *Падучая стремнина* (обе в 1922 г.).

9. У Закса вышли *Менестрель. Новейшие поэзы* (т. XII) и *Миррэлия. Новые поэзы* (т. VII) под издательской маркой "маг‹азин› 'Москва'". Последнюю книгу Северянин послал А.Д.Барановой с надписью: "Августе Дмитриевне Барановой в знак любви за любовь к Искусству и в воспоминание лет, когда ее Единственный был с нами, - той, кто неземное создала на земле, - Игорь. Eesti. Toila. 1922. VI, 19."

10. *Amores*, книга переводов эстонского поэта Генрика Виснапуу (Henrik Visnapuu; 1890-1951), вышла в Москве в 1922 г.

11. Мадлэн(а) - знакомая Северянина. Ср. стихотв. "Поэза для Мадлэны" (в кн. И. Северянин/А. Масаинов, *Мимозы льна. Поэзоальманах 2-х*, Пг. 1916 и в сб. *Тост безответный*):

> Когда назад четыре года
> Ее я встретил в первый раз...

12. Злата - ласкательное имя "первой любви" Северянина, Евгении (фамилия неизвестна). После революции жила в Берлине. Возможно, она и есть та Eugenie Mennecke, чей адрес Северянин указывает в письме 9. В 1939 г. она посетила Северянина в Гунгербурге. Согласно устному сообщению А. Раннита, у Северянина со "Златой" была дочь. О посещении "Златой" Эстонии см. Петроний [= П. Пильский], "Первая любовь Игоря Северянина", *Сегодня*, 1939:282, 11 дек.

13. Борис Николаевич Башкиров-Верин - поэт, после революции эмигрировал в Германию, поселился в Эттале близ Мюнхена. Напечатал несколько стихотв. в эмигрантской прессе. См. стихотв. Северянина "Борису Верину" (*Вервэна*). Ему посвящено и стихотв. "Поэза строгой точности"

(*Поэзоконцерт*). См. дальше прим. 15, а также в кн.: В. Рождественский, *Страницы жизни*, М. 1974, стр. 335-347; И. Нестьев, *Жизнь Сергея Прокофьева*, М. 1974, стр. 101.

14. Борис Васильевич Правдин (1887-1960) – ученый, поэт, участник альманаха *Via Sacra* (Юрьев, 1922), где представлен 12 стихотв., в том числе стихотв. под названием "Игорь Северянин". Ему посвящено стихотв. "Рондо" (*Фея Eiole*, стр. 42). См. дальше прим. 15.

15. А.К. Эссен – "Принц Лилии" (см. "Поэзу принцу Лилии", *Фея Eiole*; "В блокнот Принцу Лилии", дат. Järve, 23.XI. 1921, *Литавры солнца*, и ОР Лит. музея им. Ф.Р.Крейцвальда, ф. 216, к. 2:8.); Б.Н. Башкиров-Верин – "Принц Сирени" (ср. "Ты принц от ног до головы...", *Вервэна*, стр. 76, и "Поэза принцу сирени", *Фея Eiole*, стр. 44); Б.В. Правдин – "Принц Нарциссов".

16. К письму приложено стихотв. Ф.М. Крут "Волна лазурная сияет..." (опубл. в газ. *Свободное Слово*, 1921:34, 29 мая).

17. Миррэлия – страна Мирры (Лохвицкой), обоготворимой Северяниным поэтессы, и название сб. 1922 г. (ср. прим. 9). Мнение А.Д.Барановой о тождестве Миррэлии с Готландом, вероятно, было обусловлено строками стихотв. Северянина "Осенний рейс" (Газ. публ. *За Свободу!*, 1925:169, 30 июля), описывающего путешествие на пароходе из Таллина в Штеттин:

Лунеет ночь. За дальним Висби
темнеет берега клочек:
Уж не Миррэлия-ль? Ах, в высь-бы
подняться чайкой – обозреть
окрестности: так грустно ведь
без сказочной страны на свете!...
...
Ты удалилась вновь, удальяясь,
Миррэлия, моя мечта:
житейской прозности анализ
сразил тебя, о, красота!

18. Неточная цитата из драматической поэмы Мирры Лохвицкой "Вандэлин. (Весенняя сказка)" (1899), где в уста короля вложена реплика: "Но в этом мире все, что выше мира / Зовется сном". Поэма напечатана в имевшейся в домашней библиотеке Северянина книге М. Лохвицкой *Стихотворения*, т. III (СПб. 1900).

19. "Поэза о Иоланте" вошла в сб. *Тост безответный* (1916). Она была переписана для А.Д.Барановой значительно позже, в 1925 г. – см. 37. Иоланта – персонаж драмы датского писателя Хенрика Херца *Дочь короля Рене*, положенной в основу оперы П.И. Чайковского "Иоланта".

9

1. Письмо заказное.

2. Единственный поэзоконцерт Северянина в Берлине состоялся 21 ноября в Oberlichtsaal'e Филармонии (см. *Накануне*, Берлин 1922:186, 15 нояб.). О других выступлениях Северянина см. прим. 9.

3. Эти поездки не состоялись.

4. Композитор С.С.Прокофьев (1891-1953) в это время вместе с другом молодости Б. Башкировым-Вериным (см. 8:13) жил в Германии, в Эттале. 18 июня 1922 г. Прокофьев оттуда писал Э. Дамской: "Я много работаю, меньше гуляю и по вечерам играю с Б.Н.‹Башкировым-Вериным› в шахматы. Затеяли мы с ним конкурс: кто лучше переведет сонеты Эредия (J.-M. de Hérédia), в сонетной же форме. В этих сонетах сам черт ногу переломит. В жюри выбраны Бальмонт и Северянин... ‹Они› ставят отметки и делают очень пикантные примечания" (И. Нестьев, *Жизнь Сергея Прокофьева*, М. 1973, стр. 222-223). Ср. стихотв. Северянина "Сергею Прокофьеву" (1927; ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 80).

5. Николай Максимович Минский (наст. фамилия: Виленкин; 1885-1937) – поэт, философ, уехавший за границу еще в 1900-е гг. В первые годы после революции жил в Германии; 14 ноября 1922 г. он был избран председателем правления берлинского Дома искусств (см. *День*, Берлин 1922:16, 16 нояб., стр. 5).

6. Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867-1941) – литературный критик, историк литературы, специалист по английской литературе. Эмигрировала в 1921 г.

7. Иван Альбертович Пуни (1894-1956) – художник, в 1921 г. эмигрировал в Берлин, откуда, год спустя, уехал в Париж.

8. Илья Маркович Василевский (псевд. Небуква; 1882-1938) – автор юмористических рассказов, журнальный редактор. В 1919-23 гг. жил за границей, потом вернулся в Россию.

9. В.В. Маяковский приехал в Берлин в середине октября и пробыл там до середины декабря. 20 октября Северянин присутствовал на собрании Дома искусств, посвященном Маяковскому, и 7 ноября он выступал в советском полпредстве в день пятой годовщины революции. Северянин вспоминал потом: "Маяковский и Кусиков принимали во мне тогда живое участие: устроили в 'Накануне' четыре мои книги: 'Трагедия титана', 'Соловей', 'Царственный паяц' и 'Форелевые реки'. Деньги я получил за все вперед, выпущено же было лишь две первых. [...] Я присутствовал на всех вечерах Маяковского. В болгарском студенческом землячестве выступали вместе. Володя сказал мне: 'Пора тебе перестать околачиваться по европейским лакейским. Один может быть путь – домой.'"(цит. по *В.В. Мая-*

ковский в воспоминаниях современников, М. 1963, стр. 674-675). Сам Маяковский рассказывал об этом так: "[...] вся заваруха в России – по словам Северянина – началась едва ли не по вине Маяковского и Д. Бурлюка, [но] он, увидав Маяковского, пытался броситься ему в объятия и убеждал последнего помочь ему вернуться в Россию..." (*ПСС*, XII, стр. 463).

Ср. также мемуарный очерк Северянина "Беспечно путь свершая..." (*Балтийский альманах "Аргус"*, Рига 1924:4, стр. 59): "[...] когда [...] на Unter den Linden меня остановил возглас Маяковского:

– Или ты, Игорь Васильевич, не узнаешь меня! – я от всего сердца рад был этой встрече: мне нет дела к какой политической партии принадлежит он теперь, ибо я вижу в нем только поэта, моего некогда враждовавшего со мною друга, дружественного мне врага. Мы зашли в ресторан и просидели около часа, беседуя об искусстве и предаваясь волнующим нас воспоминаниям. [В автографе – ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 13, л. 48 – далее следует отсутствующее в печатном тексте предложение: "Был в тот день с нами и Б. Пастернак".] Спустя несколько дней, он посетил меня вместе с А. Кусиковым, и мы продолжали неоконченный разговор о стихах и чтение стихов. Заходил и я к нему в гостиницу, и он угощал меня там 'настоящей' русской паюсной икрой и моими же стихами в своем исполнении, что он любит, вообще, делать уже с давних пор." [В 1967 г. очерк был по автографу подготовлен к печати Б. Смиренским. Машинописный экз. невышедшей публикации хранится в ЦГАЛИ в фонде Б. Смиренского (ф. 2823, оп. 1, ед. хр. 3). Без ссылки на Смиренского или печатную публикацию 1924 г. очерк был заново опубликован Е.Ю. Филькиной в сб. *Встречи с прошлым*, вып. 4, М. 1982, стр. 130-132.]

О том, что Маяковский очень ценил творчество Северянина, см. Л.Ю. Брик, "Чужие стихи", *В.В. Маяковский в воспоминаниях современников*, стр. 334-336.

10. См. 8:10.

11. Ольга Владимировна Гзовская (1889-1962) – актриса, эмигрировала после революции, вернулась в СССР в 1943 г. Гастролируя в ноябре 1920 г. – январе 1921 г. в Эстонии, О.В. Гзовская со своим мужем В. Гайдаровым 9 декабря устроили "Вечер романтики и новой поэзии", в программу которого входили и стихи Северянина. Ср. его "Сонет Ольге Гзовской", датированный 21.I. 1921 г. (*Фея Eiole*). Посвящение ей же имела и газ. публ. стихотв. "Бессмертная поэза" (1922; *Последние Известия*, 1924: 176, 11 июля). В сб. *Классические розы* стихотв. напечатано без посвящения и под названием "Я мечтаю..."

12. О Злате см. 8:12. Ср. письмо Г. Виснапуу жене из Берлина (18.10.1922): "Игорю его бывшая Злата нашла комнату. И знаешь, сколько он платит – 400 немецких марок, включая еду, за двух человек! Это 50 эстонских марок в день; где на родине можно найти такое место" (*Keel ja Kirjandus*, 1968: 6, стр. 354).

13. Вакх, сын Северянина и Ф. Круут, родился 1 августа 1922 г.

10

1. Письмо заказное; год устанавливается по содержанию.

2. См. 9:2. Ср. хроникальное сообщение в журн. *Новая Русская Книга* (Берлин 1922:11/12, стр. 28): "21 ноября в помещении Филармонии состоялся поэзо-вечер Игоря Северянина. Автор читал поэзы из сборников 'Громокипящий кубок', 'Златолира', 'Вервэна' и др." Отчетов об этом вечере обнаружить не удалось, но изданные в Берлине сборники *Менестрель* и *Миррэлия* получили отрицательный отзыв в приуроченных к приезду Северянина рецензиях (А.Б‹айкалов›, *Дни*, Берлин 1922:21, 22 нояб., и 1922:24, 26 нояб.). 1 декабря 1922 г. Северянин из Берлина писал Л. Круут: "Концерт дал нам 52 тысячи, 8-го дек. будет второй. Числа 10-го уедем, но куда – пока не знаем: б.м. в Прагу или в Ковно."

3. Ср. 4:5.

4. См. 9:9.

5. О каких книгах идет речь – установить не удалось. Ср. в письме А.М. Коллонтай Северянину от 29 ноября [1922 ?] года: "Вы не издаетесь разве в Москве, в Госиздате? Мне казалось, что я там видела Ваши произведения. Снеситесь с ними (адр‹ес› Москва, Госиздат, в Коллегию или т. О.Ю. Шмидт)" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 23; письмо приводится полностью в приложении). Ни одной книги Северянина Госиздат не издал. Вряд ли имеется в виду переведенный Северяниным с эстонского сб. стихов Г. Виснапуу *Amores*, изданный в Москве имажинистами на рубеже 1921-1922 гг.

6. Маргарита Карловна Кайгородова – жена художника А. Д. Кайгородова (1878-1945), сына проф. Д.Н. Кайгородова (1846-1924) – известного естество-испытателя, автора многочисленных научно-популярных очерков о животно-растительном мире России. А.Д. Кайгородову посвящено стихотв. "Отзнак" (*Фея Eiole*, стр. 43).

7. Не совсем ясно, кого Северянин имеет в виду. Вероятно, кроме матери, М.В. Домбровской, себя с женой, сына и тещи Северянин причисляет к "семье" еще и жившую в Тойла Елену Яковлевну Золотареву, от которой у него была дочь, Валерия Игоревна Семенова (1913-1978). Возможно также, что имеются в виду сестры Фелиссы – Линда и Ольга, а не умершая мать и покинувшая Северянина М.В. Домбровская.

11

1. Письмо заказное.

2. М.К. Кайгородова; см. 10:6.

3. Это письмо не сохранилось, но сохранилась открытка:

God Jul kära Igor
Assaff Baranoff
Желаю хорошего Рождества 1922 г.
Асаф по русски не пишет, посему то, что он написал Вам,
я перевела Вам на русский язык.
А. Б.

4. А. Д. Баранова зарабатывала в Российской железнодорожной миссии большие деньги: 1300 крон в месяц, приблизительно в пять раз больше шведской нормы для подобной работы. Кроме того, служа в советской фирме, она не платила шведских налогов. Когда, в начале 1924 г., она начала работать для Волховстроя, ее зарплата была еще на 100 крон выше.

5. Федор Ясеевич Долидзе (1883-1977) – импресарио, устроитель литературных выступлений Северянина, Маяковского и др. Уезжая в Эстонию зимой 1918 г., Северянин оставил у Долидзе свои рукописи (см. *Миррэлия*, стр. 122). Ср. положительный отзыв Маяковского о Долидзе в *ПСС* XIII, стр. 278, и восп. Долидзе о Маяковском в сб. *Перед вами, багдадские небеса*, Тбилиси 1973, стр. 121-123. См. также письмо 26 и приложение.

6. Эта поездка не состоялась, но мысль о поездке в Россию не покидала Северянина. См. дальнейшую переписку. Желание Северянина "поехать в Россию" надо, по-видимому, рассмотреть в контексте осенних разговоров с Маяковским. В это же время в Советскую Россию просились многие эмигранты, в том числе В. Б. Шкловский, получивший разрешение вернуться через посредство Маяковского. Ср. 9:9.

7. См. 8:7 и письмо 45.

8. *Via Sacra* – альманах с участием Северянина (пьесы "Плимутрок", "Вакханка из Кальяри", "Аэро-фарс"), Владимира Адамса-Александровского (р. 1899), Ивана Беляева (1893-1927) и Бориса Правдина. 7 февраля Северянин выслал А. Д. Барановой этот альманах, с надписью: "Августе Дмитриевне Барановой в знак глубокого расположения души поэта. Игорь." (См. следующее письмо).

9. К письму приложена рукопись стихотв. "Солнечной женщине", датированная 10 января 1923 г. Название стихотв. восходит к тому пансиону, где воспитывался ее сын Асаф – Solvik, "Солнечный залив". См. приложение. Ср. также письмо 36.

12

1. Письмо заказное.

2. Речь идет, по всей вероятности, о невышедшем сб. *Литавры солнца* и об "автобиографическом романе в 3-х частях" *Колокола собора чувств* (Юрьев, изд. Вадим Бергман, 1925).

3. См. 11:8.

13

1. Одноактная "комедия-сатира" "Плимутрок" вошла в сб. *Via Sacra*. См. 11:8.

2. *Калевипоэг* – эстонский эпос, воспевающий национального богатыря эстов, исполина, сына Калева ("Калевича", Калеви поег). Эпос составлен эстонским ученым Ф. Крейцвальдом по примеру Э. Леннрута (E. Lönnrot), составившего во второй трети XIX века финскую *Калевалу*. Эстонский эпос был впервые издан в 1857-61 гг. Перевод Северянина не состоялся.

14

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.

2. Письма 12 и 13.

15

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.

2. О какой книге идет речь, неизвестно.

3. См. 8:10.

4. Речь идет о сб. *Утесы Eesti*, который вышел только в 1929 г. под названием *Поэты Эстонии*. См. 8:4.

5. Надо полагать, что Северянин имеет в виду сб. стихов Марии Ундер, который вышел в 1937 г. под названием *Предцветенье.*

6. *Колокола собора чувств* и *Роса оранжевого часа.* См. 33:2 и 37:2.

7. Речь идет, по всей вероятности, о сб. *Литавры солнца*, так и не вышедшем.

8. Ляцкий в это время уже жил в Праге. Если он и приезжал в Швецию, то только на короткий срок. Ср. открытку А.Д.Барановой от 2.6. 1923 г.: "До сих пор не могу точно узнать, где Ляцкий."

9. Начиная с этого письма, Северянин и А.Д.Баранова переписываются по предложенной поэтом системе. Ср. открытку А.Д.Барановой от 14.4.1923 г.: "Ваше письмо от 4/IV мною получено. Ваша 'выдумка-система' привела меня в восторг! С одинаковой аккуратностью и открытой душой я буду выполнять Ваши обе просьбы: каждую 'субботу' открытку и каждое первое число 'чек'."

10. Имеется в виду пасхальная открытка от А.Д.Барановой с припиской Асафа: "Дорогой Игорь. Веселой Пасхи. Благодарю за стих."

11. Письмо написано на линованой блокнотной бумаге.

16

1. Письмо заказное.

2. На эту просьбу А.Д.Баранова ответила, что просимая в письме сумма "для меня совершенно не под силу" (открытка от 21.IV. 1923).

17

1. В открытке от 21.4. 1923 г., которую Северянин еще не получил, А.Д. Баранова объяснила, что обещанного большого письма она не написала: "[...] у меня сильно изменилось настроение в сторону грусти, уныния, тяжелых, хотя и не личных переживаний. Когда приду в равновесие, напишу длинно и подробно, как обычно, а пока еженед‹ельные› открытки."

2. Pierre Loti (псевд.; наст. имя: Julien Virand; 1850-1923) – французский писатель, известен своими книгами об экзотических краях. Переведен на русский язык.

3. Paul Bourget (1852-1935) – французский писатель и критик. *Собр. соч.* Бурже в 10-и тт. было издано в России в 1901 г. Ср. стихотв. Северянина "Поль Бурже" в сб. *Медальоны.*

4. Samuel Smiles (1812-1904) – шотландский писатель. Многие его книги переведены на русский язык.

5. Речь идет об исторической трилогии А.К.Толстого (1817-1875): *Смерть Иоанна Грозного* (1866), *Царь Федор Иоаннович* (1868) и *Царь Борис* (1870). Ср. стихотв. Северянина "А.К.Толстой" в сб. *Соловей* и сонет "Алексей К. Толстой" в сб. *Медальоны.*

18

1. Открытка изображает "Volkstracht in Eesti".

2. А.Д.Баранова каждое первое число месяца высылала Северянину чек.

3. Как пишет анонимный рецензент, 28 апреля 1923 г. в помещении кинотеатра "Скэтинг" "при большом стечении публики прошел концерт и поэзовечер Игоря Северянина. Выступая во всех 3 отделениях, поэт продекламировал значительное число своих последних стихотворений. Оригинальная манера чтения нараспев с ударениями на рифмах и подчеркиванием ударных слогов произвела свое впечатление на слушателей" (*Нарвский Листок*, 1923:6, 2 мая).

4. Ср. 15:8.

19

1. Правый угол почтовой карточки с маркой отрезан, поэтому текст не полный.

2. Леонид Витальевич Собинов (1872-1934) – знаменитый тенор Большого театра.

3. Слова "И вместе с тем себя" подчеркнуты карандашом А.Д.Барановой.

20

1. Открытка изображает "Volkstrachten in Eesti".

2. Предыдущая открытка (5.5. 1923) написана подругой А.Д.Барановой, т.к. она была "больна и сама писать не может".

21

1. Открытка изображает "Volkstrachten in Eesti".

22

1. См. стихотв. "Канцона" о водопаде Aluoja (*Фея Eiole*).

2. Письма М.Д.Кабанова, видимо, не сохранились, но сохранилась книга Б. Гусман, *Сто поэтов. Литературные портреты* (Тверь 1923) с дарственной надписью: "На память тому, чье имя стоит на стр. 237 этой книги. Если бы

она была составлена не по алфавиту авторов, то бесспорно имя это вероятно оказалось бы там, где теперь написано 'Адалис'. М. Кабанов. Май 1923." (На стр. 237-39 – характеристика Северянина; книга открывается литературным портретом Анны Адалис.)

23

1. Ср. ответ А.Д.Барановой от 19.6. 1923 г.: "Ваше письмо получила, глубоко тронута его содержанием и буду бесконечно удовлетворена если путем влияния моих писем смогу передать Вам иные взгляды на жизнь, чем они стали у Вас. Тяжелый путь, который я прошла здесь в Швеции, заставил меня понять жизнь, и в написанном с меня портрете переданы два выражения: глаза говорят – эта женщина пережила очень много, а спокойная улыбка говорит – но она не боится жизни."

24

1. Речь идет о стихотв. Северянина "Зреющая книга" (1923), вошедшем в рукописный сборник *Литавры солнца* и опубликованном в газ. *За Свободу!* (1925:196, 27 июля), а также в очерке П. Пильского "На тихом озере" (*Последние Известия*, 1925:174, 2 авг.). Оно содержит строки:

> Ты, Ульястэ, в миниатюре
> Всю жизнь мне снящийся Байкал:
> Не те же ль вспыльчивые бури?
> Не тот же ль вид лесистых скал?

25

1. Правый угол почтовой карточки с маркой отрезан, поэтому текст не полный.

26

1. К А.Д.Барановой 5 июня приехала ее сестра Анна Дмитриевна Бостельман со своим сыном, чтобы провести лето в Швеции.

2. Ср. открытку А.Д.Барановой от 2.6. 1923 г.: "Пришлете ли Вы мне 'Иоланту'?" Поэза была переписана для А.Д.Барановой только спустя два года – см. письмо 37.

3. Письмо Ф.Я. Долидзе сохранилось; см. приложение.

4. Троюродная сестра Северянина, А.М.Коллонтай (1872-1952), в детстве дружила со старшей сестрой Северянина, Зоей, и часто бывала в доме Лотаревых. В октябре 1922 г. Коллонтай уехала на дипломатическую работу в Норвегию, и по приезде написала Северянину оттуда письмо, в котором просит своего родственника откликнуться: "Если Вам захочется вспомнить прежнее, Зоечку, детство, напишите мне [...]." (Цит. по журн. *Москва*, 1967: 1, стр. 166-167, где письмо напечатано полностью – публ. Г. Петрова.) В 1924 г., проездом в Стокгольме по пути в Норвегию, А.М. Коллонтай завязала знакомство – перешедшее скоро в дружбу – с А.Д.Барановой. Когда, в 1930 г., А.М. Коллонтай стала советским полпредом в Швеции, А.Д.Баранова жила уже в Берлине, но связь продолжалась и они часто виделись в немецкой столице. Сохранилось большое количество писем А.М. Коллонтай к А.Д.Барановой и краткая рукопись воспоминаний А.Д. Барановой о Коллонтай. Ср. 10:5.

27

1. Открытка изображает "Estonia teater" в Ревеле.

2. Ср. ответ А.Д.Барановой от 7.7. 1923 г.: "Я тронута Вашим мнением обо мне. Классическая аккуратность, которая была нарушена из за того что я занята много больше, чем Вы можете себе это представить. Письмо следует, чек выслан."

29

1. На конверте рукой А.Д.Барановой помечено: "160 кр<он>."

30

1. Угол почтовой карточки с маркой отрезан, поэтому текст не полный. Датируется по почтовому штемпелю.

31

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю. Ср. ответ А.Д.Барановой от 18.8. 1923 г.: "Глубоко сожалею, что я оказалась права и написав Вам деловое письмо, субботних открыток не получаю. Если я их временно прекратила, то ведь только потому, что работаю по 16 часов в сутки. Сплю 6 часов и остается 2 часа на еду, одевание и проч. Мое отношение к Вам неизменно прежнее." Упомянутое "деловое письмо" не сохранилось. Ср. также открытку А.Д.Барановой от 25.8. 1923 г.: "Шлю Вам 'субботний' привет – от Вас эти приветы прекратились. Чек Вам выслала. Объясните Ваше молчание."

32

1. Ср. 8:14.

33

1. Ср. появившуюся в газ. *Последние Известия* (1923:227, 17 сент.) заметку: "Поэт Игорь Северянин в настоящее время проживает в Юрьеве. В октябре поэт предполагает поехать в Финляндию, а оттуда в Чехословакию, где будут печататься его новые романы в стихах: 'Роса оранжевого часа' и 'Колокола собора чувств'."

2. *Роса оранжевого часа (Поэма детства в 3-х частях)* вышла только в 1925 г. Ср. 15:6 и 37:2.

3. Книга Марии Ундер *Предцветенье* вышла только в 1937 г. в переводе и издании Северянина (Таллин).

4. Сведений о выступлении Северянина в Везенберге обнаружить не удалось. "Последний перед отъездом заграницу поэзовечер" Северянина в Нарве состоялся 7 октября в помещении Русского общественного собрания. Вместе с Северяниным с чтением стихов выступала его жена Ф.М. Крут (под псевдонимом Ариадна Изумрудная): "[...] по окончании каждого номера программы приветствовали ‹автора› бурными и восторженными хлопками, да так, что в ушах звенело" (*Нарвский Листок*, 1923:65, 9 окт.).

5. 17 октября Северянин выступал в помещении созданного в 1918 г. (и существующего до сих пор) Русского Купеческого Общества и 19 октября в зале Александровской гимназии ("большой поэзоконцерт", судя по объявлению). Ср. рецензию на оба выступления: "Давно знакомые широкой публике произведения Северянина представляют собою интересное сплетение подлинного таланта, блещущего яркостью и свежестью, со смелым новаторством в словотворчестве и рифме, с безвкусной надуманностью и подчас даже пошловатостью. [...] Так же, как и раньше, Игорь Северянин имел большой успех, его чтение захватывало аудиторию, но ее малочисленность говорила за то, что жестокая школа последних лет жизни увела русскую молодежь от увлечения поэзотворчеством, живущим 'острым и мгновенным', к другим запросам и другим ценностям" (Б., *Русские вести*, Хельсинки 1923:397, 26 окт.). О выступлении 18 октября нет сведений.

6. П. Сирота, импресарио и аккомпаниатор знаменитого тенора Д.А. Смирнова (1882-1944), поселившегося после революции в Таллине. Согласно газетной заметке, он дал 16 октября 1923 г. концерт в Народном доме в Хельсинки (*Русские вести*, 1923:385, 12 окт.).

1. А.Д.Баранова послала Северянину поздравление с Рождеством и Новым годом: "Откликнитесь, где Вы и что с Вами и давайте вновь начнем 'субботнюю' переписку, которая мне так нравилась. Мне очень недостает Ваших писем. Простите, что мною была нарушена эта система. Пишите обязательно и укажите Ваш адрес. Привет жене. С неизменными лучшми чувствами к Вам" (почтовый штемпель неразборчив, м.б. Tartu 24.XII.1924).

2. Концерт Северянина в Риге состоялся 13 ноября 1924 г. в Театре Русской Драмы. В тот же день в рижской газете *Сегодня* было напечатано стихотв. поэта "Экспромпт по приезде в Ригу":

Талант – талант, бездарь – бездарность,
будь это швед ли, иудей.
Не оскверняйте светозарность
приписыванием "идей",
совсем не свойственных поэту,
и помните, что он творит,
служа не тем, а только свету,
как истинный космополит.

В рецензии отмечалось, что Северянин "все тот-же [...], несмотря на то, что страна [...] от Северянина улетела и корчится теперь под пьяные песни Есенина и Маяковского. И потому грустно. Хорошие стихи, из них несколько, что безусловно останутся навсегда. Живой русский поэт, правда, запутавшийся в красоте напрасной. А движения нет... А все же слушаешь с удовольствием. Хотя припев мешает. Монотонный припев, от которого, видимо, страдает сам Северянин" (К. Риг, "Поэзовечер", *Сегодня*, 1924:261, 15 нояб.).

3. Северянин выступал в Варшаве, в зале Гигиенического общества, 10 и 14 сентября 1924 г. (О первом концерте см. Ш‹евченко, Е.›, "Поэзо-концерт Игоря Северянина", *За Свободу!*, 1924:244, 12 сент.)

4. Началом своей профессиональной литературной деятельности Северянин считал день, когда стихотворение Игоря Лотарева "Гибель 'Рюрика'" было опубликовано в 1905 г. в февральской книжке официозного журнала *Досуг и дело*, хотя уже в 1904 г. им было за собственный счет выпущено в виде отдельных брошюрок несколько стихотворений, посвященных русско-японской войне. Так, напр., отдельное изд. стихотв. "Гибель 'Рюрика'" имеет цензурное разрешение от 12.10. 1904 г.

5. *Колокола собора чувств* были высланы А.Д.Барановой только весной 1929 г., с надписью: "Августе Барановой, – другу, – автор." *Роса оранжевого часа* в собрании книг А.Д.Барановой отсутствует.

6. Петр Маркович Костанов – учитель музыки. Его сестра Анаида вышла замуж за кн. Оболенского; см. 63. П.М. Костанову посвящено стихотв. "Купанье звезд" (1924; *Классические розы*).

36

1. См. 11:9.

2. Этот сборник не вышел.

3. См. 8 и 37.

4. Северянин уехал в Берлин только в конце апреля. Ср. 40.

5. Публикации по случаю 20-летия литературной деятельности Северянина удалось найти в трех газетах: *Последние Известия* (1925:26, 1 февр.) поместили статью Я. Воинова "Привет Северянину. 1905 – 1 февраля – 1925" и *Время* (1925:341, 2 февр.) опубликовало статью В. Ирецкого "Игорь Северянин (1905-1925)" вместе с приветственными стихотворениями Жака Нуара и А. Юрисона. Варшавская газ. *За Свободу!* (1925:31, 2 февр.) опубликовала краткое сообщение о юбилее, а 9 февраля перепечатала из газ. *Время* стихотв. Жака Нуара "Игорю Северянину" и опубликовала автобиографическиой очерк Северянина "Газета ребенка (И.В. Игнатьев и его 'Петербургский Глашатай')."

Ср. "Открытое письмо" Северянина редактору Р.С.Ляхницкому (*Последние Известия*, 1925:31, 7 февр.): "Дорогой Ростислав Степанович! Крепко целуя Вас за Вашу сердечную телеграмму, прошу оттиснуть следующее: Выражаю, как это в подобных случаях принято, признательность поэтам за посвященные моему пятилетнему ‹sic› юбилею 'приятельские' стихи, знакомым и незнакомым – за письма и телеграммы, газетам – за так называемые 'приветственные' статьи... Но больше всех благодарен я – хотя это, может быть, и совсем не принято – неизвестному мне лично мальчику, В и т е из Р е в е л я, [...] приславшему сто эстонских марок. Я горжусь, что еще (или у ж е?) существуют такие м у д р ы е русские мальчики; он же может гордиться, в свою очередь, тем, что подарил русскому – с в о е м у – поэту д е н ь т в о р ч е с к о й ж и з н и! [...]" Текст этого "Открытого письма" Северянин включил и в рукописный сборник прозы "Уснувшие весны".

37

1. К письму приложен список "Поэзы о Иоланте", датированный 15 февр. 1925 г.

2. *Колокола собора чувств* и *Роса оранжевого часа*.

3. А.Д.Баранова эти книги не выписала. Ср. 35:5.

4. Речь идет о книге *Рояль Леандра (Lugne). Роман в строфах*, вышедшей в 1935 г. в Бухаресте (изд. автора). В книге указано, что она написана "в одну из недель марта 1925 г. в Эстонии (Тойла)". Она состоит из трех частей (121 строфа).

38

1. Намек на стихотв. Северянина "Поэза вне абонемента" (*Громокипящий кубок*).

2. Обязательство Северянина вернуть деньги в ближайшее время А.Д. Барановой отмечено карандашом. А.Д.Баранова удовлетворила просьбу поэта; на конверте ее рукой написано: "Всего 250 кр‹он›." Ср. 39.

3. Письмо заказное. А.Д.Баранова ответила 30.3. 1925 г.

4. См. письма 1922-23 гг.

5. Намек на стихотв. Северянина "Девятнадцативешняя" (1915; *Тост безответный*).

40

1. Северянин выступал 4 мая перед публикой Литературно-художественного Кружка. "Время наложило свою печать на характер его творчества, поблекла его пресловутая эстетность, утихомирилась самовлюбленность, не слышно нарочитых словечек. Лирика его новых стихов посвящена мотивам гражданским: душа поэта скорбит об умученной родине, тянется к ней, верит в ее близкое освобождение; поэт утверждает, что Россию мало любить, надо ее и 'заслужить'. Эти мотивы встретили у собравшейся в большом количестве публики теплый отклик, но наибольший успех все-же выпал на долю нескольких старых 'эстетных' стихотворений, которые поэт прочел в конце вечера" (Г.В.,"Вечер Игоря Северянина", *Дни*, 1925: 759, 8 мая).

41

1. О первом концерте см. 40. О втором сведений не удалось обнаружить. Северянин приехал в Прагу 29 мая. Он дал корреспонденту *Цепса* интервью, которое под заголовком "Игорь Северянин – в Праге" было перепечатано в таллинской газете *Последние Известия* (1925:125, 5 июня). В. Морковин в статье "Пражский ПЕН-клуб и его русские гости" (*Československá rusistika*, XIII, 1968:5) цитирует решение заседания ПЕН-клуба пригласить Северянина и Цветаеву 18 июня 1925 г. на ужин ПЕН-клуба в честь Ж. Рони. Отсутствие Северянина на ужине В. Морковин считает последствием

выпада против "пивных" чехов, допущенного Северяниным во время своего выступления на вечере "Чешско-русской едноты", который описан в воспоминаниях Ф. Кубки (F. Kubka, *Hlasy od východu*, Praha 1960, с. 15-16). Но Ф. Кубка относит описанный им вечер к 1924 году, и, как явствует из данного письма, в июне 1925 г. Северянин в Праге публично не выступал. Отсутствие Северянина на ужине ПЕН-клуба, видимо, объясняется просто его отъездом из Праги. Впрочем, в списке своих выступлений за 1910-1931 гг. в книге *Адриатика* Северянин не отмечает ни одного выступления в Чехословакии. Однако, в более позднем списке (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 3, л. 82 об.) значится и одно выступление в Праге в 1925 г.

2. В более ранних берлинских изданиях упоминаются артистические "вторники" Марии Бран (*Время*, 1921:175, 7 нояб.). 14 февраля 1924 г. О. Лившин писал Северянину: "Дал В<аш> адес Mlle Бран, к<о>т<о>р<ая> В<ам>, вероятно, уже написала."

3. Лидия Яковлевна Липковская (1884-1958) - колоратурное сопрано, артистка Мариинского театра и театра Музыкальной драмы в Петрограде. Из совместных выступлений Липковской и Северянина, о которых речь заходит ниже в письме, известно только одно: 2 июня 1934 г. в Бухаресте. См. также стихотв. "Лидии Липковской" (*Классические розы*), упоминания о ней в романах *Падучая стремнина* и *Рояль Леандра*, в "Поэме беспоэмия" (*Тост безответный*), автобиографическом очерке "Мое первое стихотворение" (*Сегодня*, 1930:43, 12 февр.) и др. произведениях Северянина.

4. С. Прокофьев в "Автобиографии", не называя имени антрепренера, упоминает свой "первый клавирабенд в Берлине 24 января 1925 года, прошедший не без аттракциона: перед концертом меня предупредили, что импрессарио денег не заплатит; я поинтересовался, нельзя ли получить их вперед, но импрессарио и след простыл. Публика в зале волновалась, и я вышел играть. На другой день газеты меня же попрекали за опоздание, а денег я так и не получил" (сб. *С. С. Прокофьев*, М. 1961, стр. 174).

5. Чехословацкое правительство во главе с президентом Масариком щедро помогало русским эмигрантам, поддерживая их материально и предоставляя им возможности учиться и печататься в Чехословакии.

6. Зинаида Юрьевская (1892?-1925) - петербургская оперная певица, в эмиграции пела в немецкой опере.

7. Мария Аксарина - певица, осенью 1925 г. выступала в Париже.

8. Евгений Николаевич Чириков (1864-1932) - писатель. Сохранилась книга Чирикова *Семья* (б.м., изд. Глаголь, [1925]) с дарственной надписью: "Милому душе Игорю Северянину с искренним расположением. Прага 7/VI [возможно: 4/VI] 1925 г. Евгений Чириков." См. также стихотв. "Модель парохода (Работа Е.Н. Чирикова)" (1925; *Классические розы*) и сонет "Чириков" (1926; *Медальоны*).

9. Василий Иванович Немирович-Данченко (1844-1936) – писатель, автор исторических романов; брат драматурга. Эмигрировал после революции, жил и умер в Праге. См. портрет "Немирович-Данченко" (*Медальоны*, стр. 60), датированный 1925 г.

10. Владимир Георгиевич Гайдаров (1893-1976) – актер. Вместе со своей женой О. Гзовской выступал перед русскими эмигрантами. Ср. 9:11.

42

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.

2. Ср. открытку А.Д.Барановой от 15.9. 1925 г.: "Не могу понять, почему не имею от Вас подтверждения в получении моего заказного письма от 10/VII, ни ответа на открытку от 15/VIII, ни обычных вестей от '5го'. В чем дело? – Недоумеваю."

3. Ср. недатированное стихотв. "Фокстрот" в рукописи неизданной книги Северянина "Настройка лиры. Стихи 1896-1932 г." (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 2, л. 67 об.):

Немногим, кому незнакомо, –
Но вряд ли: ведь это повально! –
Я сделаю изображение
Фокстротта, как грёзы земной:
– Кровать из публичного дома,
Поставленная вертикально
В рискованнейшее мгновение
Слияния любви покупной.

Другое стихотв. под названием "Фокстротт" Северянин опубликовал в газ. *Сегодня* (1927:19, 25 янв.) и включил в книгу *Классические розы*.

4. Писательница Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер (1871?-1924), автор многочисленных оккультных романов (*Во власти прошлого*, *Гнев Божий*, *Маги*, *Смерть планеты*, *Эликсир жизни* и др.), умерла в Таллине 29 дек. 1924 г. В связи с этим в печати получило огласку и ее бедственное положение в последние годы жизни. См. написанный П. Пильским некролог (*Последние Известия*, 1924:329, 30 дек.) и публикацию беседы с врачом Д.Я. Федоровым "Последние дни В.И. Крыжановской-Рочестер" (*Последние Известия*, 1925:3, 5 янв.).

43

1. Дальнейшие письма Северянина адресованы А.Д.Барановой в Берлин.

2. Согласно газетному объявлению, Северянин выступал в Варшаве (в ПЕН-клубе) 12 февраля. "'Польский клуб литераторов и журналистов' устроил 'чашку кофе', на которой находящийся в Варшаве Игорь Северянин прочел короткий доклад 'Об эстонской поэзии', сопроводив его переводом ряда произведений эстонских поэтов последнего столетия.

За звучные стихи в оригинальной, мелодичной декламации, наш поэт был награжден аплодисментами представителей польского литературного мира.

На 'чашке кофе' из видных поляков-писателей присутствовали г-жа Налковская, г.г. Серошевский, Гетель, который перед докладом, как представитель польского 'Пен-клуба', приветствовал И. Северянина, Слонимский и др. Равным образом на докладе был поверенный в делах эстонской миссии, г. Хаман, адв. Ледницкий, ген. Былевский и др.

Из русских были: Д.В. Философов, Е.С. Шевченко, А.М. Федоров и С.Ю. Кулаковский.

После 'чашки кофе' в 'Пен-клубе', [...] Игорь Северянин читал свои произведения в зале Гигиенического о-ва, где был устроен вечер его поэзии" (вырезка из неизвестной, видимо варшавской, газеты).

3. Северянин выступал в рижском театре Тагоне "несколько дней", начиная с 8 ноября (см. *Сегодня*, 1927:262, 8 нояб.). Согласно сохранившейся программе, вечер стихов Северянина при участии А. Формакова состоялся 2 ноября 1927 г. в зале Двинского городского клуба.

4. В сентябре 1927 г. А.Д.Баранова переехала в Берлин к Федору Федоровичу Перно (Theodor Pernaux, 1881-1937), латышскому гражданину, мужем которого она стала в 1929 г. О своем переезде в Берлин А.Д.Баранова сообщила в открытке от 24.2. 1928 г.

44

1. Ср. открытку А.Д.Барановой от 24.9. 1928 г. из Италии: "Не могу понять, почему от Вас нет известий и нет отзвука на мое письмо, посланное мною в июне. Быть может, мой адрес затерялся, сообщаю его еще раз: Hewaldsstrasse 2 II, Berlin-Schöneberg. Откликнитесь."

2. Речь идет о Ф. Перно. См. Введение.

3. Частная Русская Опера, организованная Марией Николаевной Кузнецовой-Масснэ (1880-1966) открыла свой первый сезон 27 января 1929 г. постановкой *Князя Игоря*. Декорации и костюмы: К.А. Коровин. Балет поставил М. Фокин. Роль Ярославны исполняла сама М.Н. Кузнецова, сопрано, артистка Мариинского театра. В рецензии кн. Сергея Волконского отмечалось: "Вот настоящий русский праздник, праздник русского духа в его лучшем, нам незабвенно дорогом проявлении" (*Последние Новости*, 1929:2869, 29 янв.). Во время заграничных гастролей зимой 1929-30 гг. (восемь месяцев, 146 выступлений) опера обанкротилась, но открылась вновь 15 ноября 1930 г. под руководством кн. А. Церетели и В. де Базиль.

4. См. 43.

5. Годовщина дебюта Северянина. Ср. 35: 4.

6. Сб. *Классические розы* вышел в Белграде в 1931 г.

7. "Lugne" вышел под названием *Рояль Леандра* в Бухаресте в 1935 г.

8. Согласно надписи в передней дома в Тойла Северянин с женой поселились в нем 19 июня 1928 г. (до этого они жили в маленьком соседнем доме на том же дворе).

45

1. Речь идет об Арсении Ивановиче Формакове (1900-1983), авторе сб. стихов *Вечера прошлого* (Рига 1925), *В пути* (Двинск 1926), *Встреча* (Двинск 1934) и романа *Наша юность* (Рига 1929). Сохранилась программа поэзоконцерта Северянина при участии А.И. Формакова в зале Двинского городского клуба 12 марта 1929 г. Воспоминания Формакова о Северянине опубликованы в журн. *Звезда*, 1969: 3; сокращенно перепечатаны в рижском журнале *Родник*, 1987: 5.

2. Ср. 8: 4 и 15: 4.

3. Тамара Платоновна Карсавина (1885-1978) – знаменитая танцовщица имп. Мариинского театра, эмигрировала в 1918 г. С 1909 г. и в течение 20 лет Карсавина танцевала в Русском балете Дягилева. В 1930-55 гг. была вицпрезидентом Королевской Академии танца в Лондоне. Ср. ее воспоминания *Theatre Street*, London 1929 (сокращенный русский перевод: *Театральная улица*, Л. 1971.)

46

1. Северянин выступал в театре Капитолий с 18-го по 24-е марта (*Сегодня*, 1929: 77, 18 марта).

2. О какой газете идет речь, установить не удалось.

3. Очевидно, смерть Плеханова в 1918 г. прошла мимо Северянина.

47

1. Ср. стихотворение Северянина "Моя удочка" (1927; *Классические розы*, стр. 59-60):

Эта удочка мюнхеновского производства,
неизменная спутница жизни моей [...]

О Б. Башкирове-Верине см. 8:13.

2. Георгиевский переулок в Москве, где жила А.Д.Баранова.

48

1. Сын А.Д.Барановой, Асаф, учился в Швеции и приезжал к матери в Берлин во время летних каникул.

2. Северянин прислал А.Д.Барановой стихотв. К.Д. Бальмонта, посвященное Северянину, "Тебе созвонный, родственный, напевный...". Она его списала и вернула Северянину рукопись. См. приложение. Стихотв. было напечатано в газ. *Сегодня* (1927: 47, 27 февр.). 1 марта 1927 г. Северянин написал ответное послание "Бальмонту", опубликованное там же (1927: 53, 6 марта) и включенное в сб. *Классические розы.*

3. Это стихотв. в бумагах А.Д.Барановой не сохранилось.

4. Позже эта поездка все же состоялась. См. следующее письмо.

5. М.П. Арцыбашев (1878-1927) в Варшаве редактировал (вместе с Д. Философовым) газ. *За Свободу!* После его смерти, Е.И. Арцыбашева осталась в польской столице. В начале 30-х гг. она переехала в Бухарест.

6. А.Д. Кайгородов – см. 10:6.

49

1. Этот сборник был готов и продан издательству В. Бергман еще в 1922 г. Ср. 8:4 и 15:4.

2. Сб. *Поэты Эстонии* в собрании А.Д.Барановой нет.

50

1. А.Д.Баранова написала одну открытку (4.9) и одно письмо (не сохранилось) из Швейцарии и одну открытку из Италии (15.9), где она путешествовала с мужем. В открытке из швейцарского курорта Pontressina она писала: "Я не написала Вам 15/VIII по той причине, что в это время уезжал от меня в Швецию Ася и в связи с отъездом было много дел, да и на душе было слишком грустно, даже не писалось друзьям... При сем письмо Вам от Мак.Дм."

2. Северянин контаминирует названия двух стихотв. из сб. *Громокипящий кубок* – "Алтайский гимн" и "Коктебель". Письмо от М.Д. Кабанова побудило Северянина написать стихотв. "Ночь на Алтае" (ср. 51 и 54).

3. Местная газета поместила об этом в разделе хроники следующее сообщение: "8-го сентября Печерским русским об-вом просвещения был устроен вечер в зале гимназии, где современный поэт Игорь Северянин и известный пианист Гамалея блестяще исполнили программу вечера; первый читал свои стихи, а второй исполнил вещи великих композиторов Чайковского, Бетховена и Шопена. Публика осталась довольна. Аплодисментам не было конца. Из публики были поднесены исполнителям роскошные букеты цветов" (*Голос Народа*, Печеры, 1929:15, 16 сент.). См. об этом вечере очерк Северянина "Загадочный кучер" (1929) в рукописной книге "Уснувшие весны" (ЦГАЛИ; см. "Список книг...").

4. Всеволод Гаврилович Гамалея (1883-ок. 1942) и Мария Николаевна Баринова (1878-1956) – пианисты, профессора Петроградской консерватории.

5. К письму приложено письмо Северянина к М.Д. Кабанову. В архиве А.Д. Барановой сохранился список письма ее же рукой.

51

1. С предыдущим письмом к А.Д.Барановой [50] Северяниин послал письмо для М.Д.Баранова, в котором, в частности, пишет: "Итак Вы почувтствовали Алтай, с давних пор меня к себе влекущий, воспетый мною в Петербурге [...] Читали на бивуаке мои стихи, – горжусь такой декорацией! Как хотелось бы самому быть там, самому читать водопадам – 'водопадам и облакам' (Гумилев) – какой, кстати, блистательный поэт. К сожалению, у меня всего 7 его книг." Стихотв. "Ночь на Алтае" было опубликовано в газ. *Сегодня*, 1930:18, 18 янв. Ср. 54.

2. В Риге Северянин печатался в газ. *Сегодня*, в Варшаве в газ. *За Свободу!*, в Шанхае в газ. *Время*.

3. Даниил Лукич Мордовцев (1830-1905) – русский и украинский писатель, автор романов и рассказов на современные и исторические темы.

4. Friedrich Spielhagen (1829-1911) – немецкий писатель, автор злободневных политических романов. Его собр. соч. в 23-и тт. вышло в Петербурге в 1896-99 гг.

5. Eliza Orzeszkowa (1841-1910) – польская писательница. Ее собр. соч. в 8-и тт. вышло на русском языке в 1902-10 гг.

6. Пантелеймон Сергеевич Романов (1885-1938).

7. Николай Никандрович Никандров (1878-1964) – русский писатель, член партии социалистов-революционеров, автор многочисленных рассказов и повестей.

52

1. О подробностях поездки см. 53.

53

1. А.Д.Баранова послала одну открытку из Rapallo (Италия; 15.3) и одну из Берлина (31.3). В последней она писала: "Верю, что теперь-то наша переписка наладится как следует! С нетерпением жду обещанного Вами письма. Мне досадно и грустно, что когда Вы проезжали Берлин, я была в Италии и ‹мы› не смогли повидаться."

2. Белградские концерты состоялись в конце ноября-начале декабря 1930 г. См. "Вече Песама Игора Северјанина", *Политика*, 22, 24 нояб., "Опроштајно вече песама Игора Северјанина", *Правда*, 29 нояб., "Друго вече Игора Северјанина", *Критика*, 2 дек. См. также прим. 5.

3. Первое выступление Северянина в Париже состоялось 12 февр. в зале Дебюсси (8, rue Daru), со следующей программой: 1. "Там, у вас на земле" (Ирония), 2. У моря и озер" (Лирика), 3. "Чаемый праздник" (Стихи о России). Второй вечер состоялся 27 февр. в зале Шопена (там же), с другой программой: 1. "Классические розы" (Новая лирика), 2. "Медальоны" (12 характеристик), 3. "Громокипящий кубок" (Лирика довоенная) (*Последние Новости*, 1931, 10 и 27 февр.)

Ср. рец. Н. Оцупа на эти выступления,"Северянин в Париже" (*Числа*, 1931: 5, стр. 264-265): "Не зная новых стихов Северянина, можно было догадываться, что они все о том же и все так же 'поют'. Да и в самом деле Северянин мало изменился. Правда, он не поет больше своих стихов (иногда об этом жалеешь), а читает их. [...] Но появление Северянина в Париже оказалось нужным именно потому, что в сущности он нисколько не изменился, то есть не утратил своего непосредственного дарования. Он напомнил снова, как уже сделал это в свое время, восхитив Сологуба и Брюсова, что дар писать стихи не обязательно должен быть связан с большими знаниями и высокой культурой. [...] Быть может, как в свое время рядом с голосами умных и образованнейших литераторов должен был само собой зазвучать и этот голос, – полезно было его услышать его и теперь в Париже. Я не хочу этим сказать, что прошлые или нынешние поэты, обладающие высокой культурой, лишены лирического вдохновения. Но, быть может, никому за последние два десятилетия не было его столько отпущено, сколько Северянину. У него в поэзии легкое и от природы свободное дыхание."

На втором выступлении Северянина присутствовала Марина Цветаева. О своих впечатлениях она 3 марта написала С. Андрониковой-Гальперн:

"– Единственная радость [...] за все это время – долгие месяцы – вечер Игоря Северянина. Он больше чем: остался поэтом, он – стал им. На эстраде стояло двадцатилетие. Стар до обмирания сердца: морщин как у трехсотлетнего, но – занесет голову – все ушло – соловей! Не поет! Тот словарь ушел. При встрече расскажу все как было, пока же: первый мой ПОЭТ, т.е. первое сознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России)" (*Вестник РХД*, 1983:138, стр. 178). В то же время Цветаева написала восторженное письмо самому Северянину, но оно не было отправлено (напечатано с сокращениями в альм. *Поэзия*, 1983:37, стр. 142-143).

4. При короле Александре сербское правительство выплачивало русским писателям-эмигрантам (не только в Югославии) месячные пособия, а также финансировало издание книг (см. ниже).

5. Лекция "Первая книга Фофанова" состоялось 20 декабря 1930 г., "Эстляндские триолеты Сологуба" – 29 декабря. Роман *Рояль Леандра (Lugne)* читался 5 января 1931 г. См. Ф.В. Тарановский: "Русский Институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности (с 1928/29 по 1933/34 акад‹емический› год включ‹ительно›", *Записки Русского Научного Института в Белграде*, вып. 11, Белград 1935, стр. 221.

6. *Классические розы* вышли в Белграде летом 1931 г. (см. 57), *Медальоны* (там же) только в 1934 г., а *Lugne* в Бухаресте в 1935 г.

7. Ср. стихотв. "Двадцать восемь" (*Адриатика*). Газ. публ. *Сегодня*, 1931: 105, 16 апр.; *Русский вестник*, 1931:20, 17 мая. Ср. 64:1.

8. В библиотеке Северянина сохранились книги Ремизова с дарственными надписями: *Оля* (Париж 1927) – "Игорю Северянину – с прямой душой и открытым сердцем повесть о пламенном сердце Алексей Ремизов 5.2.31 Paris"; *Взвихренная Русь* (Париж 1927) – "Фелиссе Михайловне Игорю Васильевичу Северянинам память 1917-1921 и на воспоминание о Париже в самый суровый месяц февраль А. Ремизов 12.II.1931 Paris"; *Московские любимые легенды. Три серпа* (тт. 1-2, Париж 1929) – "Фелиссе Михайловне Игорю Васильевичу Северянинам чудесная повесть в легендах о жизни человека из человеков и сказки Алексей Ремизов 12.II.31 Paris"; *Посолонь. Волшебная Россия* (Париж 1930) – "Фелиссе Михайловне Игорю Васильевичу Лотаревым-Северянинам с русской земли земно-воздуховодные хвостатые и крылатые Алексей Ремизов 12.II.31 Paris". Ср. записку Ремизова Северянину от 2 февр. 1931 г.: "Дорогой Игорь Васильевич, против рус‹ской› церкви (Rue Daru) есть кн‹ижный› магазин Сияльского (2 Rue Pierre le Grand). Зайдите, и по прилагаемой записке вам выдадут мои книги: Посолонь, Взвихренную Русь, Три серпа. И принесите эти книги к нам в среду вечером, я надпишу вам и исправлю опечатки, (4-го) где можно. А записку мою оставьте у Сияльского: для них это 'оправдательный документ'. Кланяюсь Фелице ‹sic› Михайловне. Алексей Ремизов" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 27).

9. Тэффи – Надежда Александра Бучинская (1872-1952) – родная сестра боготворимой Северяниным поэтессы Мирры Лохвицкой; с 1920 г. жила в Париже. В библиотеке Северянина сохранилась ее книга *Городок. Новые рассказы* (Париж 1927) с надписью: "Игорь Северянин! Помните синий тюльпан? Тэффи." Ср. стихотв. Северянина "Тэффи" (*Медальоны*).

10. Николай Авдиевич Оцуп (1894-1959) – поэт, входил в "Цех поэтов", с 1923 г. в эмиграции. Редактор роскошного журнала *Числа*, выходившего в Париже в 1930-34 гг., много печатался в эмигрантской печати в качестве поэта и критика.

11. Юсуповы – кн. Феликс Феликсович (1887-1967) с женой кн. Ириной Александровной (1895-1970).

12. Петр Маркович Костанов.

54

1. В 1925 г. Северянин опубликовал в варшавской газ. *За Свободу!* (1925: 297, 22 нояб.) отдельную гневную заметку о допущенных в изданиях его книг опечатках, озаглавив ее "Наглая небрежность". Заметку эту Северянин включил также в рукописную книгу "Уснувшие весны".

55

1. Очевидно, Ф.Ф. Перно и Эссен были знакомы.

2. Имеется в виду праздник Ивана Купала.

57

1. Ср. ответ А.Д.Барановой от 15. 8. 1931 г.: "Сегодня коротенько, но не хочу пропустить наш день. Одна приезжая из Москвы, завтра уезжающая обратно, завладела моим временем. Как это хорошо Вы сказали – и все меньше и меньше впереди этих месяцев... то, о чем задумываюсь постоянно."

2. В парижском журн. *Числа*, 1931:5, были опубликованы стихотв. Северянина "Отличной от других", "Моя удочка", "Не более, чем сон", "Осенние листья", "У лесника". Ср. ответ А.Д.Барановой от 15. 8. 1931 г.: "Спасибо за указание журнала. 'Числа' приобрету."

3. См. статью Серг‹ея› Г‹орного› "На выставке Л. Голубева", иллюстрированную портретом Северянина работы художника Леонида Голубева-Багрянородного (*Руль*, 1931:3205, 14 июня).

58

1. Б.В. Правдин.

2. В. Адамс, который после окончания Тартуского университета со степенью магистра философии был в 1929-31 гг. стипендиатом при Пражском университете.

3. Ирина Константиновна Борман (1904-1985) – участница таллинского "Цеха поэтов" (в печати выступала под псевдонимом Ир-Бор). Ей посвящено стихотв. Северянина "Стихи сгоряча" (*Классические розы*; газетн. публ. – *Сегодня*, 1930:250, 10 сент.).

4. Художница Агате Веэбер (Agate Veeber; р. 1901), вдова художника Куно Веэбера (1898-1929). Ей посвящено стихотв. "По Швейцарии" (*Адриатика*, стр. 25; газ. публ. – *Сегодня*, 1931:170, 21 июня).

5. Графиня С.И. Карузо.

6. Речь идет о сб. *Классические розы.*

7. Видимо, речь идет о вошедших в сб. *Адриатика* стихотворениях "Прогулка по Дубровнику" (дат. Тойла 4 июня 1931 г.), "Пераст" (дат. Тойла 6 июня 1931 г.), и "Голубой цветок" (дат. Тойла 26 июня 1931 г.). Другие стихотворения Северянина, написанные летом 1931 г., неизвестны.

59

1. Ср. находящееся в частных руках письмо Северянина к И.К. Борман от 28 сент. 1931 г.: "Веду усиленную переписку с Берлином, Брюсселем и Парижем. Пока выяснено следующее: два концерта в Белграде, там же лекция в Союзе писат<елей> о Сологубе и два концерта в Любляне."

2. Ю.Л. Ракитин – ученик Станиславского, режиссер Народного театра в Белграде.

60

1. Имеется в виду не немецкий город Марбург, а словенский город Марибор, немецкое название которого тоже – Марбург.

2. Газ. *Русский вестник* (1931:90, 1 нояб.) сообщила: "Поэт Игорь Северянин проездом через Юрьев остановился здесь на три дня, которые он провел в кругу молодых русских поэтов, объединенных в недавно организованном 'Цехе Поэтов' под руководством лектора русского языка в Юрьевск<ом> Унив<ерситете> Б.В. Правдина. Совместно с Игорем Северяниным

критической оценке было подвергнуто творчество поэтов Западно-Европейских Объединений."

61

1. Эту должность занимал в то время поклонник Северянина Савва Чукалов (1889-1971). См. о нем: Х. Йорданов: "Игорь Северянин в Болгарии", в сб.: *Русско-болгарские фольклорные и литературные связи*, т. 2, Л. 1977, стр. 145-147.

2. Ср. стихотв. Северянина "Таверна в Дупнице", "Ущелье Рилы", "В Келье", "Скиты", составившее цикл "Поездка в Рильский монастырь", опубликованный в газ. *Сегодня* (1939:355, 24 дек.). Стихотв. "Ущелье Рилы" воспроизводит в своей статье Х. Йорданов, ошибочно полагающий его непубликовавшимся (Йорданов, *ук. соч.*, стр. 149).

3. Николай Осипович Массалитинов (1880-1961) был в эти годы главным режиссером Народного театра в Софии.

4. Татьяна Краснопольская - писательница. Ей посвящены стихотв. Северянина "Октава" и "Заклинание" (*Victoria Regia*).

5. Любовь Столица - писательница. В библиотеке Северянина сохранился ее роман в стихах *Елена Деева* (Берлин 1923) с надписью: "Дорогому собрату по лире и... участи на память о Любови Столице. 1931 г. 7/20 ноября. София." Ср. написанное в тот же день стихотв. Л. Столицы "Игорю Северянину" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 37). См. дальше 82:1.

6. Александр Митрофанович Федоров (1868-1949) - писатель.

7. Н.А. Котляревский (1863-1925) - историк литературы, директор Пушкинского дома. Приехал в Берлин осенью 1922 г., вместе с высланными литераторами и учеными.

62

1. 1 марта 1932 г. Северянин в письме С. Чукалову недоумевал: "[...] никто не пишет нам ничего из Софии [...]. Не получаю я и прозаических переводов болгарских поэтов, как мне было обещано [...]" (Х. Йорданов, "Неизвестна страница от творческата съдба на Игор Северянин", *Проблеми на новата българска литература*, София 1978, стр. 262). Видимо, Северянин так и не получил эти подстрочники. Известны лишь два его перевода с болгарского, которые включены в рукописный сб. *Литавры солнца*: Христо Ботев "В корчме" (дат. София, 28 декабря 1933 г.) и Пенчо Славейков "Из цикла 'Сон о счастьи'" (дат. София, декабрь 1931 г.).

2. Имеются в виду полковник генерального штаба Александр Владимирович Сливинский и его жена Мария Андреевна. Ср. 64 и 68.

63

1. См. 35:6.

2. Елеонора Марковна Костанова, сестра А.М. Костановой.

3. См. следующее письмо.

4. Певец Д.А. Смирнов. См. 33:6.

5. В концертном зале "Эстония" в Таллине Северянин выступал 13 октября 1919 г. (см. *Свобода России*, 1919:24, 15 окт.) и 30 янв. 1924 г. (см. *Последние Известия*, 1924:27, 30 янв.). Объявлялось и о его выступлении в "Эстонии" 10 апр. 1924 г. (см. *Последние Известия*, 1924:96, 10 апр.), но отчетов об этом вечере или других данных о нем не обнаружено.

6. В последний раз до этого Северянин выступал в Таллине 25 января 1928 г. в зале Черноголовых (см. *Вести дня*, 1928:26, 27 янв.).

7. Газета *Вести дня* (1932:31, 6 февр.) сообщила: "17 февраля в эстонском общественном собрании 'Ильмарине' с участием поэта Игоря Северянина, а также литературных, музыкальных и вокальных сил г. Нарвы состоится большой вечер. На вечере молодыми авторами будут прочитаны собственные произведения на русском, эстонском, немецком, еврейском и чешском языках. Под руководством директора музыкальной студии Е.М. Шмитца будет исполнена большая концертная программа." См. также следующее письмо. Насколько известно, до этого Северянин в последний раз выступал в Нарве 6 февр. 1926 г., хотя бывал там и после этого (см. *Старый Нарвский Листок*, 1927:120, 18 окт.; 1928:1, 3 янв.).

64

1. А.Д.Баранова путешествовала с мужем по Италии и Швейцарии. Ср. ее открытку от 25.3. 1932, в которой она цитирует стихотв. Северянина "Двадцать восемь" (см. 53:7): "'Мы пьянеем, пламенеем от развернутых картин – грандиозным вьются змеем двадцать восемь серпантин!' Пасхальные дни мы проводим в Меране и отсюда говорим Вам и Фелиссе Михайловне: Христос Воскресе!"

С этим стихотворением А.Д.Баранова ознакомилась по одной из газетн. публикаций, ибо *Адриатика* вышла и была послана ей только в августе (вырезка из неизвестной газеты сохранилась в ее архиве). См. 66, 67.

2. Концерт Русского мужского хора под управлением И. Степанова, в котором участвовал Северянин, состоялся в концертном зале "Эстония" 16

февраля 1932 г.: "Кроме хора, на вечере выступил поэт Игорь Северянин, прочитавший несколько своих прекрасных, глубоких по содержанию стихотворений, приобревших еще особенную убедительность благодаря тому, что они исходили из уст самого автора, явно переживавшего и 'перестрадавшего' каждое слово, каждую мысль. Его интонация удивительно гармонирует с произносимыми словами, поэтому стихи оставляют весьма глубокое впечатление. Игорь Северянин имел громадный успех, читал на бис, но публика все снова требовала добавлений" (*Вести дня*, 1932: 41, 18 февр). 1 марта 1932 г. Северянин писал об этом С. Чукалову: "16-го февраля я был приглашен общественными организациями выступить в большом концерте в Ревеле. Публики было более тысячи человек. Встречали меня восторженно, хор в 40 человек пел мне 'Славу'" (Йорданов, *ук. соч.* 1978, стр. 262).

3. Судя по сохранившейся программе и газетн. отчету (*Põhja Kodu*, 1932: 19, 20 февр.) Северянин во втором отделении интернационального литературного вечера, состоявшегося в Нарве 17 февраля 1932 г., читал стихотворения из сборников *Классические розы* и *Адриатика*.

4. 16 апреля 1932 г. Северянин принимал участие в концерте-бале со смешанной программой, устроенном в Нарве в зале общества "Святогор" Союзом участников бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов. Газетн. информация о его выступлении ограничивается словами: "Популярный поэт Игорь Северянин с присущим ему талантом прочитал несколько своих стихотворений" (*Старый Нарвский Листок*, 1932: 43, 23 апр.).

5. О Кайгородовых ср. 10: 6.

6. Имеется в виду Mrs Braithwaite. См. 66.

65

1. Ср. открытку А. Д. Барановой от 15.5. 1932 г.: "Сегодняшний день застал нас в Гарце. Из мест воспетых Гете шлем Вам и Фел. Мих. привет."

2. В июле А. Д. Баранова с мужем и сыном опять была в Швейцарии (Lugano), откуда 30 июля послала Северянину открытку.

66

1. Mrs Braithwaite. См. следующее письмо.

2. Речь идет о выходе тиража *Адриатики*. Экземпляр А. Д. Барановой имеет надпись: "Дорогой Августе Дмитриевне Перно с искрен. дружбой Игорь Северянин. Toila. VIII, 5. 1932 г."

67

1. Письмо датируется по почтовому штемпелю.

2. Ср. письмо Северянина к С. Чукалову от 14 сент. 1932 г.: "'Адриатику' я разослал по всей Европе и даже Америке. Всего 300 экз., а 200 буду продавать на своих вечерах. Издание окупилось более, чем на 3/4, а вскоре думаю получить прибыль" (Х. Йорданов, *ук. соч.*, 1978, стр. 264).

68

1. Асаф Баранов поступил в торговый институт (Franz Schartaus Handelsinstitut).

2. В библиотеке Северянина сохранились вышедшие в Белграде в серии "Русская библиотека" книги Д. Мережковского *Тайна Запада. Атлантида – Европа* (1931) и *Иисус неизвестный* (т. I, б.г.), Е. Чирикова *Отчий дом. Семейная хроника* (тт.1-3, 1929-1931), Б.Зайцева *Избранные рассказы. 1904-1929* (1929), И. Бунина *Грамматика любви* (1929), А. Ремизова *По карнизам* (1929). В Белграде издан и труд С.П. Мельгунова *Трагедия адмирала Колчака* (1931). Возможно, Северянин получил все эти книги в дар или в качестве части гонорара от издателей "Русской библиотеки" (в этой серии вышли и его *Классические розы*).

69

1. С.В. Животовский (псевд. Пьер-о) – художник, после революции поселился в Хельсинки, иллюстрировал кн. *Наши друзья* А.И. Белокопытова (1920). Потом, видимо, уехал в США.

70

1. Бывшая секретарша А.М. Коллонтай, Пинна Васильевна Прокофьева, с которой А.Д.Баранова была знакома по Стокгольму, вышла замуж за испанского гражданина Feidt и уехала в Испанию. Ср. 87.

71

1. Ср. 41:5 и 53:4.

72

1. Возможно, речь идет о Евдокии Штрандель. Ср. 86, 87.

2. Mrs Braithwaite.

75

1. Первый вечер Северянина состоялся в зале городского управления (примарии). 20 марта газета *Бессарабское слово* писала об этом: "Вечер начался вступительным словом Юрия Калугина, вкратце охарактеризовавшего творчество Игоря Северянина и приветствовавшего его от имени Союза бессарабских журналистов-профессионалов. [...] Поэт читал новые стихи, главным образом из последнего сборника 'Классические розы'. [...] В конце по просьбе публики поэт прочитал несколько старых своих поэз из 'Громокипящего кубка' и 'Златолиры'" (цит. по: И. Марьяш, "'Здесь солнцем Пушкина...'", *Горизонт*, 1987: 8, стр. 60).

2. Второй вечер Северянина в Кишиневе состоялся 31 марта в театре Экспресс, третий – 28 апреля в зале городского управления (примарии). См. М. Хазин, "Пушкинские мотивы", *Кодры*, 1983: 4, стр. 59. О пребывании в Кишиневе Северянин писал также в очерке "Цветущая Бессарабия" (*Сегодня*, 1933: 97, 7 апр.).

76

1. О пребывании в Словении Северянин писал также в письме, напечатанном в газ. *Старый Нарвский Листок* (1933: 80, 20 июля). По всей видимости письмо было адресовано сотруднику газеты В. А. Никифорову-Волгину. Ср. также письмо С. И. Стодульскому от 19.10. 1933 г. (М. Хазин, "Пушкинские мотивы", *Кодры*, 1983: 4, стр. 61).

2. См. 75.

77

1. Открытка от 18.8. 1933 г.

79

1. Северянин читал лекцию о русских поэтах начала века (*Правда*, 24.11. 1933) и дал поэзоконцерт (*Политика*, 27.11 1933). Кроме того, в белградских газетах был объявлен совместный "художественный вечер" Игоря Северянина и Александра Черепова.

80

1. К письму приложена записка А.Д.Барановой от Л. Евицкого: "[...] Не откажите в любезности помочь молодому Петушку и распространить среди Ваших знакомых несколько номеров журнала." Три номера журнала Л.Г. Евицкого *Золотой Петушок* вышли в 1934 г.

2. Получасовое радиовыступление Северянина состоялось 3 декабря 1933 г. Ср. М.М., "Игорь Северјанин. Уз час читања његових дел по радиу у недељу 3 децембра у 19 ч." (*Радио Београд*, 1933: 49, 3 дек., стр. 7, 14).

3. Вероятно, именно с подготовкой к несостоявшемуся преподаванию на этих курсах (см. 82) связана рукопись Северянина "Теория версификации" (ЦГАЛИ), снабженная авторской пометой: "Работа выполнена исключительно по памяти в сентябре-октябре 1933 г. в замке Hrastovac. Slovenija. Yougoslavie." Судя по опубликованным Х. Йордановым (*ук. соч.* 1978, стр. 264) материалам, первоначальный вариант этой работы, называвшийся "Теории форм версификации", остался в 1932 г. в Болгарии во владении Александра Дмитриевича Дзивгова. См. также М.Л. Гаспаров, "Северянин – стиховед", сб. *О Игоре Северянине*, Череповец 1987, стр. 67-68.

81

1. Семен Ильич Стодульский – литератор, автор "исторической драмы" *Испытания любви* (1923). Вместе с Северяниным "наладил [...] выпуск журнала [...] 'Золотой петушок'" (М. Хазин, *ук. соч.*, стр. 53).

82

1. Любовь Никитична Столица (1884-1934) – русская поэтесса. Умерла в Софии 12 февраля 1934 г. Северянин в письме указывает ее возраст неточно. В № 2-3 журнала *Золотой Петушок* был опубликован сонет Северянина "Любовь Столица" (дат. Кишинев 1 марта 1934 г.; перепечатано в М. Хазин, *ук. соч.*, стр. 53-54). В том же номере журнала напечатан портрет поэтессы и заметка о ее смерти.

2. Видимо, речь идет о семье русского актера Николая Осиповича Массалитинова.

3. Северянин послал А.Д.Барановой сб. *Медальоны* в ноябре 1934 г. – см. 88.

84

1. См. 82:3 и 88.

85

1. А.Д.Баранова 15.7. 1934 г. послала Северянину открытку из итальянского города Мерано.

86

1. Концерт состоялся 3 ноября. См. следующее письмо.

2. Выставка Управления целевым капиталом изобразительного искусства, вернисаж которой был приурочен к открытию Дома искусств в Таллине 15 сентября 1934 г.

3. Речь идет о портрете актрисы Маре Леэт (Mare Leet) художника Пеэта Арена (Peet Aren; 1889-1970). В настоящее время картина находится в Государственном художественном музее ЭССР, репродуцирована в альбоме *Eesti maal. Estonian Painting*, Tallinn 1982. Северянин интерпретирует картину весьма субъективно.

4. В каталоге выставки картины Кайгородова с таким названием не значится. Возможно, Северянин имеет в виду картину "Лебеди".

5. Роман вышел в свет в январе 1935 г. См. 90, 91 и 92.

6. Речь идет, по всей вероятности, о Евдокии Штрандель. См. ниже.

7. № 2-3 *Золотого Петушка* имел на титульном листе параллельное название "Coq d'or. Revue littéraire et artistique". На стр. 40-49 по-французски были опубликованы стихотворения Octavian Goga "De Profundis" и Jean Minoulesco "Romance sans Écho" (trad. du romain par Olga Krouchevane), проза Cesar Petresco "La valse des roses" а также анонимная заметка о художнике N. Grigoresco.

8. А. Ремизов 28 октября 1933 г. писал Северянину: "Сейчас же примусь за переписку рассказа: потребуется неделя и пришлю в З<олотой> П<етушок>" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 27). "Узлы" А. Ремизова были опубликованы в № 2-3 журнала с редакционной пометой: "Рукопись прислана автором в октябре 1933 г." Рассказ И.С.Лукаша (1892-1940) "Отец" был напечатан в первом номере. Сохранилась открытка, адресованная в ред. *Золотого Петушка* на имя Северянина, где Ремизов 10 февраля 1934 г. пишет: "Еще раз повторяю: прежде чем что-нибудь решать, надо было спросить меня. И я бы сейчас же ответил, что такой способ расплаты - авторскими экземплярами - для меня неприемлем, и я готов лучше ждать, когда редакция найдет возможным со мной расплатиться, чем держать у себя экземпляры, которые я не в состоянии продать" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед.хр.27). Ср. также письмо К.Бальмонта Северянину от 3 октября 1934 г.: "Я не знаю, чем пленил Вас редактор 'Золотого петушка'. Во мне он вызывает чувство совсем иного порядка. Доселе не только он не послал мне

никакого вознаграждения, но даже не прислал ни мне, ни Мирре ни одного экз‹empляра› N-а. Это уже безъимянное безобразие" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 17). В первом номере журнала было опубликовано стихотв. К. Бальмонта "Дух жизни", во втором – посвященное А.К. Прокопенко стихотв. "Богатею слов", а также стихотв. Мирры Бальмонт "Молодость" и "О старости".

9. Евдокия Штрандель. См. следующее письмо.

10. О Константине Константиновиче Клапье де Колонг (Clapier de Colongue; 1859-1945) см. 91.

11. Зиновий Петрович Рожественский (1848-1909) – русский вице-адмирал, генерал-адъютант. В Цусимском сражении был ранен и взят в плен на миноносце "Бедовый", сдавшемся без боя. По возвращении в Россию предан военно-морскому суду, но оправдан как тяжело раненный в бою.

12. По сообщению Л. Столейковой, речь идет о Лидии Арсеньевне Римской-Корсаковой.

13. Речь идет о книге стихов Валентины Васильевны Берниковой *Хрупкие цветы* (Нарва 1934), напечатанной в количестве 500 экз. в типографии О.-ü. "Narva Kirjastusühisus". Книга открывается стихотв. Северянина "Вместо предисловия" (дат. Slovenija. Hrastovac. 1933), а среди стихотв. В. Берниковой имеется посвятительное – "Игорю Северянину" (дат. Сараево 1931 г.).

87

1. Газета *Вести дня* (1934:259, 5 нояб.) писала: "На последнем вечере, устроенном в Синем зале 'Эстонии', Игорь Северянин читал и новые стихи, еще не печатавшиеся, и старые свои поэзы. Преобладали субъективно-лирические, с калейдоскопом внутренних переживаний, вызванных мимолетными встречами, навеянных впечатлениями, вынесенными из поездки по Балканам (чудесный, полный настроения 'Кишинев', 'У маяка'). [...] Уступая просьбам, Игорь Северянин прочел, помимо намеченных 'основных' стихов программы, еще ряд знакомых, столь неотделимых от представления о нем поэз – 'Весенний день горяч и золот', 'Я соловей'; под конец он привел слушателей в восторг своим чудесным 'гимном' России с его дробной, как призывный колокол, рифмовкой. Закончил он вечер глубоко прочувствованным откликом поэта на смерть короля Югославии".

2. 4 октября в Испании Социалистическая партия опубликовала призыв к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию. Забастовка охватила ряд областей страны и в некоторых местностях переросла в вооруженные выступления, которые были подавлены правительственными войсками к 20 октября. Видимо, в связи с этими событиями у А.Д. Барановой на некото-

рое время прервалась переписка с П.В. Прокофьевой (см. 70:1) и она сообщила об этом Северянину.

3. Речь идет о книге *Рояль Леандра*. См. следующее письмо.

4. *Предцветенье* Марии Ундер вышло только в 1937 г. с напечатанным на обороте титульного листа посвящением: "Посвящаю Фелиссе Крут, моей сотруднице. Переводчик."

88

1. Книга сохранилась в архиве А.Д. Барановой. На ней надпись: "Дорогой Августе Дмитриевне Перно в знак неизменного душевного влечения и сердечной признательности за все воистину дружеское и доброе, делаемое ею мне и семье моей десятки лет. Любящий Игорь-Северянин. Toila. Eesti. 20. XI. 1934 г."

2. См. 91:4.

3. Видимо, речь идет о педагоге и журналисте П.Г. Пампорове. 14 ноября 1934 г. Северянин писал С. Чукалову: "Мы только что вернулись из Таллинна (Ревеля), где я дал свой концерт, собравший много публики и прошедший с хорошим успехом. Виделись там с док‹тором› Пампоровым, которого знаем по Софии еще с 1931 г. Сегодня в четыре часа он приедет к нам погостить из Нарвы, где вчера читал лекцию" (Х. Йорданов, *ук. соч.*, 1978, стр. 268). П.Г. Пампоров читал в нарвском Русском клубе лекцию "Болгария – страна роз" (*Старый Нарвский Листок*, 1934:132, 14 нояб.), и в обществе "Святогор" доклад "Пути новой культуры" (*Вести дня*, 1934: 270, 17 нояб.).

4. Речь идет, видимо, о Лидии Тимофеевне Рыковой.

89

1. Письмо датируется по письму 90. На письме рукой А.Д. Барановой написано: 24. XII. 34.

90

1. Ольга Леонтьевна Мими-Вноровская – румынская знакомая Северянина. 2 июня 1934 г. выступала с чтением своих стихов на вечере Северянина и Л. Липковской, в 1936 г. выпустила в Бухаресте книгу *Стихотворения*. См. дальше в следующем письме.

2. Северянин выехал из Тойла не ранее 19 февраля 1918 г. (по новому стилю), ибо опубликованный в сб. *Поэзоконцерт* (М. 1918) отрывок из его "Поэмы жизни" датирован (по старому стилю) "6.II. 1918. Тойла". Судя по анонсу в ярославской газете *Власть труда* (1918:31, 24 (11) февр.), поэзовечер Северянина в Ярославле должен был состояться в зале Екатерининской женской гимназии 25 (12) февраля 1918 г. Отчеты или иные отклики о вечере не обнаружены, ибо с полным комплектом местных газет того времени ознакомиться не удалось.

Во время пребывания в Москве Северянин был на состоявшемся 27 (14) февраля в Политехническом музее вечере избран "Королем поэтов" (второе место на голосовании получил В. Маяковский, третий – В. Каменский; см. В.А. Катанян, *Маяковский. Хроника жизни и деятельности*, изд. 5-е, М. 1985, стр. 141-142). Впоследствии честность "выборов" неоднократно подвергалась сомнению. Так, напр., актер Р. Симонов в своих воспоминаниях передает следующий разговор с В. Каменским:

"'Как же так получилось, – задал я вопрос Василию Каменскому, – что избран был Игорь Северянин?'

– О, да это интереснейшая история, – весело ответствует Каменский. – Мы решили, что одному из нас – почести, другим – деньги. Мы сами подсыпали фальшивые бюллетени за Северянина. Ему – на голову лавровый венок, а нам – Маяковскому, мне, Бурлюку – деньги, а сбор был огромный" (*Рубен Симонов. Творческое наследие*, М. 1981, стр. 40). См. также воспоминания самого Каменского, "О Маяковском", *Литературная Газета*, 1974:14, 3 апреля (публ. Н.И. Харджиева).

Судя по списку стихотв. "Поэза последней надежды", датированному по старому стилю "Москва. 16 февраля 1918 г." и подаренному А.Д. Барановой, последняя встреча Северянина с ней состоялась 1 марта 1918 г. по новому стилю. См. также Введение.

91

1. То есть, в годовщину своего литературного дебюта 1 февраля 1905 г. См. 35:4.

2. См. –ъ, "Тойлаский отшельник", *Вести дня*, 1935:27, 31 янв.; "Сегодня 30-летие литературной деятельности Игоря Северянина", *Старый Нарвский Листок*, 1935:13, 1 февр.; "Poeet Toilast. Igor Severjanini juubel", *Rahvaleht*, 1935:14, 1 февр.

3. Чествование Северянина в Таллине было отложено и, насколько известно, так и не состоялось. См. также комментарии к следующему письму.

4. Речь идет о романе *Рояль Леандра.* Экземпляр книги без надписи сохранился в архиве А.Д. Барановой.

5. Александру Эдуардовичу Шульцу посвящено стихотв. Северянина "Тоска небытия" (*Вести дня*, 1935:281, 29 нояб).

6. Василий Акимович Никифоров-Волгин – автор книг *Земля Именинница* (Таллин, изд. Русская книга, 1937), *Дорожный посох* (Таллин, изд. Русская книга, 1938) и др. Множество его прозаических произведений опубликовано в выходивших в Эстонии русских периодических изданиях. Ему посвящен сонет Северянина "В. Никифоров-Волгин" (*Вести дня*, 1936:59, 13 марта).

7. См. П. Пильский, "Странствующий рыцарь. 30-летие литературной деятельности Игоря Северянина", *Сегодня*, 1935:28, 31 янв.

8. Ср. письмо 86.

9. Ср. газетную заметку: "1 февраля маленький домик поэта посетило много народа, поздравить юбиляра приехал и маститый адмирал <sic> К. Клапье де Колонг, проживающий постоянно в своем имении в 12 клм. от Тойла.

В этот день до поздней ночи в уютном кабинете поэта, при лампе под синим абажуром гости и хозяева вспоминали прежние годы, начало творческой деятельности юбиляра, его триумфальный успех, горячие споры критиков по поводу его первых книг" (–ъ, "Как прошел юбилей Игоря Северянина", *Вести дня*, 1935:32, 6 февр.)

92

1. Ср. газетную заметку: "В Таллине юбилейный вечер Игоря Северянина и банкет в его честь состоится или в конце февраля, или в начале марта. Так как получены еще не все ответы от лиц, которые приглашены участвовать в вечере, то пока невозможно составить программу вечера и назначить день его" (*Вести дня*, 1935:37, 12 февр.)

2. Вечер состоялся в назначенное время. Газ. *Вести дня* (1935:61, 12 марта) сообщает: "Чествование Игоря Северянина в Нарве по случаю 30-летия его поэтического творчества прошло с подъемом. Во время исполнения концертной программы Игорь Северянин выступил с чтением своих стихов, восторженно принятых публикой. Вызовам не было конца. После концерта состоялся банкет, за которым было произнесено много соответствующих случаю речей.

К большому сожалению, зал Русского общественного собрания во время концерта был далеко не полон."

3. Ср. газетное сообщение: "На субботу, 27 апреля, Игорь Северянин приглашен в Валк, а в воскресенье, 28 апреля, поэт выступит с чтением своих новых стихов в Печорах" (*Вести дня*, 1935:59, 9 марта). Выходившая в Валк газета *Lõuna-Eesti* (1935:49, 3 мая) сообщила, что правление Союза русских учителей устраивает 5 мая в помещении 5-ой начальной школы закрытый литературно-музыкальный вечер, в котором примет участие и Северянин. Состоялось ли выступление в Валк – установить не удалось. В Печерах выступление Северянина состоялось лишь 4 мая. Газета *Вести дня* (1935:106, 6 мая) сообщает: "Из многочисленных прочитанных им

произведений особенно понравились стихи о России: 'Много видел я стран', 'Ты потерял свою Россию', 'Я чувствую близится судное время' и 'Бывают дни – я ненавижу свою отчизну'; каждое из этих прекрасных стихотворений вызвало шумные аплодисменты."

4. Кн. Дмитрий Андреевич Шаховской (р. 1902) – отец Иоанн, епископ Сан-Францисский. В 1920 г. приехал в Париж, в 1926 г. принял монашеский постриг на Афоне. Как поэт выступает под псевдонимом Странник.

93

1. О конфликте Северянина с Ф.М. Круут ср. письмо 95.

94

1. Ср. новогоднее поздравление А.Д.Барановой от 31.12. 1936 г.: "Полтора года уже без Ваших вестей, но, все же, я не теряю надежды получить отклик."

2. Речь идет о вышедшем в феврале 1937 г. сборнике переводов стихов Марии Ундер *Предцветенье.*

95

1. Вера Борисовна Коренди (р. 1903).

96

1. Ф.Ф. Перно умер в луцернской больнице 5 ноября 1937 г.

Приложение

I. А. М. Коллонтай: Письмо Игорю Северянину

В октябре 1922 г. А.М. Коллонтай отправилась на дипломатическую работу в Норвегию. В письме Северянину от 21 октября 1922 г. она пишет: "Проездом в Гельсингфорсе я на днях прочла Вашу поэму 'Падучая стремнина'. Прочла и задумалась. Сколько шевельнули Вы далекого, знакомого, былого..." (Г. Петров, "Меридианы дружбы", *Москва*, 1967:1, стр. 167). Возможно, что публикуемое письмо – отклик на ответ Северянина на письмо Коллонтай от 21 октября. Оно хранится в ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 23.

29 ноября ‹1922?› Lillehammer

Дорогой Игорь,

Вчера получила Ваш Express с опозданием, я сейчас в горах Норвегии. Перед тем – телеграмму. Не ответила на нее сразу, соображала, что можно сделать? Хотелось-бы быть Вам полезной, выручить из затруднения.

Если бы я была в России, легче было-бы действовать, там под рукой Госиздат, Наркомпрос и др. учреждения, связанные с литературными делами. Здесь же только представительство с бронированным бюджетом. Что касается личных средств, то тут еще хуже: живем на жалованье, не достигающее и половины той суммы, что Вам нужна. Нет, тут надо придумать что-нибудь радикальное.

Вы не издаетесь разве в Москве, в Госиздате? Мне казалось, что я там видела Ваши произведения. Снеситесь с ними (адр. Москва, Госиздат, в коллегию или т. О.Ю. Шмидт). С своей стороны и я сделаю в России необходимые шаги, но для этого мне надо знать – где Вы издаетесь и издавались в последнее время? Где сотрудничаете постоянно? Во всяком случае попытаюсь сделать все, чтобы помочь поэту, творения которого ценю и люблю. Уж очень досадно сознавать, что творцы, созидатели духовных ценностей должны выносить на своих плечах эту ненужную борьбу с житейской прозой! Боюсь только, что ответ из России придет не так-то скоро. Напишите мне, дорогой Игорь, немедленно по получении этого письма: где Вы издавались, что издавали? Где сотрудничали в последние годы? Точный свой адрес в Эстляндии. Адрес мой теперь: Norge. Lillehammer. Pension Lauysett, мне (A. Kollontay).

И я искренне обрадовалась Вашему письму. Очень, очень хотела бы Вас повидать. Жаль, что чисто технич‹еские› затруднения мешают Вам приехать сюда. Вот-бы где Вы повидали мощь Вашего бога – природы!

Сердечно жму руку.

Сегодня письмо только деловое, хочу, чтобы скорее его получили.

А. Коллонтай

II. Ф.Я. Долидзе: Письмо Игорю Северянину

Письмо импресарио Ф.Я. Долидзе к Игорю Северянину хранится в ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 20. Упоминаемый в письме Владимир Владимир Королевич (1895-1969) - поэт и режиссер, выступал с Северяниным в 1916-1917 гг.

Москва, 3 июня 1923 года

Дорогой Игорь Васильевич!

За позднее письмо приношу извинения, хотя я и заслуживаю снисхождения, если принять во внимание все обстоятельства задержки письма. Ваш знакомый передал мне, что Вы собираетесь в наши края и я наводил коекакие справки и затем хотел подробно написать Вам. Например, я узнал, что если Вы хотите сюда приехать, то Вам нужно прислать в Москву заявление о своем желании приехать и на этом заявлении должно быть согласие Вашего русского посла. Заявление Вы пришлите мне, я тут похлопочу и пропуск пришлю Вам. Вчера выступал А.Н. Толстой, читал о Париже. Публики было много. Сегодня 3 июня едем в Петроград, где завтра назначена его лекция, оттуда он на месяц едет в Берлин за женою и затем совсем переезжает в Москву.

Месяц тому назад я встретил в Петрограде поэта Королевича и он говорил, что в какой-то петроградской газете были опубликованы поэты и писатели, которым советская власть разрешает приехать в Россию и что там была и Ваша фамилия. Я его просил достать и принести мне газету на лекцию Толстого, если получу, то пришлю Вам. Теперь смело отдыхайте, а за это время мы поладим с пропуском, а в сентябре, октябре приезжайте сюда, объявим Ваши вечера в Петрограде, в Москве и в провинции. Такие люди, как Вы, нужны здесь. Все серьезные и талантливые поэты и писатели в начале переворота уехали, а тут остались начинающие и за неимением лучших приходится удовлетворяться этим. В настоящее время в Москве Брюсов, Маяковский, Шершеневич, В. Каменский, Шенгели и др., в Петрограде Ф. Сологуб, Королевич и др. Маяковский, Брик и др. составляют левый фронт. Шершеневич то левеет, то правеет, его не поймешь. Брюсов коммунист и как всегда занят более серьезными делами. Жизнь понемногу налаживается, оживает от стольких потрясений и в настоящее время Москва приняла довоенный вид. Я попрежнему занимаюсь устройством вечеров, кроме того, открыл театральную кассу на Тверской 38 и заведую расклеечной конторой. Понемногу работаем, только не с Марией Владиславной, с которой я разошелся уже 6 лет, а с Людмилой Евгеньевной, с которой живем и работаем дружно. С изданием Вашей книги (которую Вы мне оставили перед отъездом), не повезло и я понес на ней

большие убытки. Я сдал в типографию материал, уплатил половину стоимости и вот когда книга была набрана и корректура просмотрена, явились ночью и всю типографию конфисковали. Шрифты и всю обстановку вывезли. Я пытался хотя бы взять обратно рукопись, но меня вооруженная сила и близко не подпустила. И все это исчезло. Да, Игорь Васильевич, было дело под Москвою, мы многое пережили, не то что рукописи, но многие из людей не уцелели. Вам это трудно понять. Кто на море не бывал, тот и горя не видал. Я живу там же, д. 29, только не во втором этаже, а в пятом, и не в четырех комнатах, а в одной, уплотнили. Жду Вашего прошения.

Привет Вам и Фелиссе Михайловне от меня и от Людмилы Евгеньевны.

Жму Вашу руку

Ваш Ф. Долидзе

III. Игорь Северянин: Солнечной женщине

В первые годы жизни в Швеции, сын А.Д. Барановой, Асаф, жил и учился в детском пансионе Solvik – "Солнечный залив". Таким образом, он быстро вошел в шведскую жизнь и выучил язык. К письму 11, от 10 января 1923 г., приложено стихотворение Северянина "Солнечной женщине". "Гётеборгским каналом" Северянин в стихотворение ошибочно именует Göta Kanal.

Солнечной женщине

А.Д. Барановой

У Гётеборгского канала
Есть местность "Солнечный Залив",
Где зорь полярных перелив.
Там женщина, что счастье знала, –
Невероятное как миф, –
Утерянное вдруг, бывала,
В слезах печаль свою излив.

Там, под опекой мудрых шведов,
Растет ее ребенок-сын.
Он в жизни у нее – один
Восторг. Она, удар изведав,
От преждевременных седин,
От горя и от мрачных бредов
В нем зрит забвенья альмандин...

Быв мужу солнечной женою,
Будь сыну солнечная мать!
Как жизнь ни стала бы ломать
Тебя, пребудь сама собою:
Величественной и простою.

Мечты с Надземным перевив,
Не бойся бедствия сигнала
У Гётеборгского канала –
В местечке "Солнечный Залив"!..

Toila. Eesti.
10.I.1923.

IV. Константин Бальмонт: Игорю Северянину

Выехав в 1920 г. вместе с дирижером С. Кусевицким из России, К. Бальмонт некоторое время провел в Эстонии. В Таллине он встретился и с Северяниным, который 11 сентября 1920 г. посвятил этой встрече "Сонет Бальмонту (9-11 июля в Ревеле)" (*Фея Eiole*). Сохранилось также письмо, отправленное Бальмонтом Северянину 30 июля 1920 г. из Таллина: "Дорогой Игорь, завтра мы уезжаем в Штеттин, и дальше в Париж. Я очень жалею, что так и не удалось нам поехать к Вам. Поистине, ни одного дня здесь не было без хлопот, и лишь вчера я окончил все необходимые дела. Я не писал Вам раньше, ибо каждый день надеялся, что мне всетаки удастся вырваться к Вам" (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 17).

К. Бальмонт послал Северянину подписанный им машинописный текст стихотворения (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 36) вместе с вырезкой его публикации в газ. *Сегодня* (1927:47, 27 февр.). Эпиграф взят из стихотв. Северянина "Когда отгремел барабан".

Игорю Северянину

"...Мне взгрустнулось о всех,
кому во-время я не ответил..."
Игорь Северянин

Тебе, созвонный, родственный, напевный,
Пою мой стих. На землю пал туман.
Ты был – я был – всегда – везде – с Царевной.
Но в выстрелы врывался барабан.

И замирали пышные созвучья.
И умирала звонная душа.
Людская жизнь – слепое одноручье.
Ломались крылья, взлет не соверша.

Я был – ты был – всегда – с мечтой плавучей.
Как тучка, что слияла сердолик
С жемчужиной и с головнею жгучей.
Пожар наш – общий. Часто схож был клик.

Наш час свиданья – помнишь? – был желанен.
Там в Ревеле. Мы оба – из огня.
Люблю тебя, мой Игорь Северянин.
Ты говоришь свое – и за меня!

Capbreton, Landes.
Little Cottage.

1927, 17 февраля.

Список книг Игоря Северянина, упоминаемых в настоящем издании

Громокипящий кубок, Москва, Гриф, 1913, т. I
Златолира, Москва, Гриф, 1914, т. II
Ананасы в шампанском, Москва, Наши дни, 1915, т. III
Victoria Regia, Москва, Наши дни, 1915, т. IV
Поэзоантракт, Москва, Северные дни, 1915, т. V
Тост безответный, Москва, В. Пашуканис, 1916, т. VI
Вервэна, Юрьев, Одамес, 1920, т. XI
Менестрель, Берлин, ‹изд.› Москва, 1921, т. XII
Миррэлия, Берлин, ‹изд.› Москва, 1922, т. VII
Фея Eiole, Берлин, Отто Кирхнер и Ко, 1922, т. XIV
Падучая стремнина, Отто Кирхнер и Ко, 1922, т. XVII
Соловей, Берлин-Москва, Накануне, 1923 [т. IX]
Колокола собора чувств, Юрьев-Тарту, Вадим Бергман, 1925 [т. XVIII]
Роса оранжевого часа, Юрьев-Тарту, Вадим Бергман, 1925 [т. XVI]
Классические розы, Белград, 1931 [т. XXI]
Адриатика, Нарва, изд. автора, 1932 [т. XXII]
Медальоны, Белград, 1934 [т. XXIII]
Рояль Леандра, Бухарест, изд. автора, 1935 [т. XXIV]

Издания избранных произведений

За струнной изгородью лиры, Москва, В. Пашуканис, 1918 [т. XXIX]
Pühajõgi, ‹Юрьев,› Одамес, 1919 [т. XXX]
Crème des Violettes, ‹Юрьев,› Одамес, 1919 [т. XXXI]
Трагедия Титана, Берлин-Москва, Накануне, 1923 [т. XXXII]
Стихотворения, Л., Советский писатель, 1975

Переводы

Г. Виснапу, Amores, Москва, 1922 [т. XIII]
Поэты Эстонии, Юрьев, Вадим Бергман, 1929 [т. XV]
М. Ундер, Предцветенье, Таллин, изд. переводчика, 1937 [т. XXVI]
А. Раннит, В оконном переплете, Таллин, Академический Союз Объединенных Искусств, 1938
Г. Виснапу, Полевая фиалка, Таллин, изд. переводчика, 1939
А. Раннит, Via dolorosa, Стокгольм, Северные огни, 1940

Коллективные сборники

Поэзоконцерт, Москва, 1918
Мимозы льна. Поэзоальманах 2-х [с А. Масаиновым], Петроград, Амис, 1916
Via Sacra, Юрьев-Тарту, Вадим Бергман, 1922

Рукописные сборники

Литавры солнца, ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 1 [т. VIII]
Настройка лиры, там же, ед. хр. 2 [т. X]
Очаровательные разочарования, там же, ед. хр. 3 [т. XXV]
Теория версификации, там же, ед. хр. 12 [т. XXVII]
Уснувшие весны, там же, ед. хр. 13 [т. XXVIII]

В списке указаны только первые издания. В квадратных скобках приведен порядковый номер тома "Собрания поэз" по списку, составленному Северяниным в 1937 г. (ЦГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 13, стр. 200).

Указатель географических имен, связанных с Игорем Северяниным

Ссылки относятся к Введению и Письмам

Указатель имен и произведений

ACTA UNIVERSITATIS STOCKHOLMIENSIS

Romanica Stockholmiensia
Stockholm Contributions in Geology
Stockholm Economic Studies. New Series
Stockholm Economic Studies. Pamphlet Series
Stockholm Oriental Studies
Stockholm Slavic Studies
Stockholm Studies in Baltic Languages
Stockholm Studies in Classical Archaeology
Stockholm Studies in Comparative Religion
Stockholm Studies in Economic History
Stockholm Studies in Educational Psychology
Stockholm Studies in English
Stockholm Studies in History
Stockholm Studies in History of Art
Stockholm Studies in History of Literature
Stockholm Studies in Human Geography
Stockholm Studies in Linguistics
Stockholm Studies in Modern Philology. New Series
Stockholm Studies in Philosophy
Stockholm Studies in Psychology
Stockholm Studies in Russian Literature
Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New Series
Stockholm Studies in Sociology
Stockholm Studies in Statistics
Stockholm Studies in Theatrical History
Stockholmer Germanistische Forschungen
Studia Baltica Stockholmiensia
Studia Graeca Stockholmiensia
Studia Hungarica Stockholmiensia
Studia Juridica Stocholmiensia
Studia Latina Stockholmiensia
Studies in North-European Archaeology

Stockholm Studies in Russian Literature

Published by the University of Stockholm
Founded by Nils Åke Nilsson
Editor: Peter Alberg Jensen
Subscriptions to the series and orders for single volumes should be addressed to any international bookseller or directly to the publishers:
ALMQVIST & WIKSELL INTERNATIONAL, Box 638
S-101 28 Stockholm, Sweden
Universities, libraries, learned societies, and publishers of learned periodicals may obtain the volumes of the series and other publications of the University of Stockholm in exchange for their own publications. Inquiries should be addressed to Kungl. Biblioteket, Box 5039, S-102 41 Stockholm 5, Sweden, or to Stockholms Universitetsbibliotek, Universitetsvägen 10, Frescati, 106 91 Stockholm, Sweden.

1. NILS ÅKE NILSSON, Osip Mandel'štam: Five Poems. Stockholm 1974, 87 pp.
2. BENGT JANGFELDT/NILS ÅKE NILSSON (editors), Vladimir Majakovskij. Memoirs and Essays. Stockholm 1975, 196 pp.
3. CAROLA HANSSON, Fedor Sologub as a Short-Story Writer. Stylistic Analyses. Stockholm 1975. 136 (+ 62) pp.
4. SVEN LINNÉR, Starets Zosima in The Brothers Karamazov. A Study in the Mimesis of Virtue. Stockholm 1975. 237 pp.
5. BENGT JANGFELDT, Majakovskij and Futurism 1917–1921. Stockholm 1976. 133 pp.
6. PER ARNE BODIN, Nine Poems from Doktor Živago. A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak's Poetry. Stockholm 1976. 179 pp.
7. NILS ÅKE NILSSON (editor), Boris Pasternak. Essays. Stockholm 1976. 214 pp.
8. CHARLES ROUGLE, Three Russians Consider America. America in the Works of Maksim Gor'kij, Aleksandr Blok, and Vladimir Majakovskij. Stockholm 1977. 175 pp.
9. BARBARA LÖNNQVIST, Xlebnikov and Carnival. An Analysis of the Poem *Poèt*. Stockholm 1979. 166 pp.
10. NILS ÅKE NILSSON (editor), Russian Romanticism. Studies in the Poetic Codes. Stockholm 1979. 226 pp.
11. NILS ÅKE NILSSON (editor), Art, Society, Revolution. Russia 1917–1921. Stockholm 1980. 271 pp.
12. LUDMILA HELLGREN, Dialogues in Turgenev's Novels. Speech-Introductory Devices. Stockholm 1980. 148 pp.
13. BENGT JANGFELDT (editor), V.V.Majakovskij i L.Ju.Brik: Perepiska 1915–1930. Stockholm 1982. 299 pp. (+ 32 pp. ill.).
14. NILS ÅKE NILSSON (editor), Studies in Russian 20th Century Prose. Stockholm 1982. 246 pp.
15. MAGNUS LJUNGGREN, The Dream of Rebirth. A Study of Andrej Belyj's Novel *Peterburg*. Stockholm 1982. 179 pp. (+ 8 pp. ill.).
16. KURT JOHANSSON, Aleksej Gastev. Proletarian Bard of the Machine Age. Stockholm 1983. 170 pp.
17. KAZIMIERA INGDAHL, The Artist and the Creative Act. Study of Jurij Oleša's Novel Zavist'. Stockholm 1984. 172 pp.
18. ANNA LJUNGGREN, B. Pasternak's Juvenilia. Six Fragments about Reliquimini. Stockholm 1984. 172 pp.
19. LARS KLEBERG/NILS ÅKE NILSSON (editors), Theater and Literature in Russia 1900–1930. Stockholm 1984. 123 pp.
20. NILS ÅKE NILSSON (editor), Velimir Chlebnikov. A Stockholm Symposium. Stockholm 1985. 150 pp.
21. MÄRTA BERGSTRAND, Från Karamzin till Trifonov. En bibliografi över rysk skönlitteratur i svensk översättning. Stockholm 1985. 430 pp.
22. LARS KLEBERG/HÅKAN LÖVGREN (editors), Eisenstein Revisited. A Collection of Essays. Stockholm 1987. 145 pp.
23. PETER ALBERG JENSEN/FIONA BJÖRLING/BARBARA LÖNNQVIST/LARS KLEBERG/ANDERS SJÖBERG (editors), Text and Context. Essays to Honor Nils Åke Nilsson. Stockholm 1987. Stockholm 1987. 202 pp.
24. BENGT JANGEFELDT/REIN KRUUS (editors), Igor' Severjanin: Pis'ma k Avguste Baranovoj 1916–1938. Stockholm 1988. 166 pp.(+ 16 pp. ill.).

Stockholm Slavic Studies

Publisched by the University of Stockholm
Editors: Peter Alberg Jensen and Anders Sjöberg

1. SVEN LINNÉR: Dostoevskij on Realism. Stockholm 1967. 212 pp.
2. NILS ÅKE NILSSON: Studies in Čechov's Narrative Technique. 'The Steppe' and 'The Bishop'. Stockholm 1968. 110 pp.
3. SVEN GUSTAVSSON: Accent Paradigms of the Present Tense in South Slavonic. East and Central South Slavonic. Stockholm 1969. 145 pp.
4. IRENE MASING: A. Blok's "The Snow Mask". An Interpretation. Stockholm 1970. 100 pp.
5. NILS ÅKE NILSSON: The Russian Imaginists. Stockholm 1970. 117 pp.
6. VELTA RUKE-DRAVINA: Place Names in Kauguri County, Latvia. A Synchronic-structural Analysis of Toponyms in an Ancient Indo-European and Finno-Ugric Contact Area. Stockholm 1971. 158 pp.
7. BARBRO NILSSON: Old Russian Derived Nominals in -nie, -tie. A Syntactical Study. Stockholm 1972. 135 pp.
8. FIONA BJÖRLING: STOLBCY by Nikolaj Zabolockij. Analyses. Stockholm 1973. 112 pp.
9. DAG SVEDSTEDT: Position of Objective Personal Pronouns. A Study of Word Order in Modern Russian. Stockholm 1976. 200 pp.
10. SVEN GUSTAVSSON: Predicative Adjectives with the Copula byt' in Modern Russian. Stockholm 1976. 399 pp.
11. VELTA RUKE-DRAVINA: The Standardization Process in Latvian. 16th Century to the Present. Stockholm 1977. 130 pp.
12. BIRGITTA ENGLUND: Yes/no-questions in Bulgarian and Macedonian. Stockholm 1977. 143 pp.
13. BARBRO NILSSON: Personal pronouns in Russian and Polish. A Study of their Communicative Function and Placement in the Sentence. Stockholm 1982. 204 pp.
14. HAGAR SUNDBERG: The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and Commentary. Stockholm 1982. 210 pp.
15. CARL-ERIK LINDBERG: Text and Content. A Text Linguistic Interpretation of a Major Aspect of "Content" in Vladimir Tendrjakov's Novella "Črezvyčajnoe". Stockholm 1983. 124 pp.
16. ELISABETH LÖFSTRAND: Slavonic Parchment Fragments in Sweden. I. Paroemiarion, Triodion, Psalter. Stockholm 1984. 201 pp.
17. SIW WESSLÉN: Slavonic Parchment Fragments in Sweden. II. Gospels. Stockholm 1985. 320 pp.
18. INGEGERD NORDLANDER: Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1616. Text and Commentary. Stockholm 1987. 186 pp.

Bengt Jangfeldt / Rein Kruus (editors):

Igor' Severjanin: Letters to Augusta Baranova 1916-1938

The Russian 'Ego-Futurist' poet Igor' Severjanin (pseud. for Igor' Lotarev) lived in Estonia from 1918 to his death in 1941. Hitherto, little has been known about his life and activities during these years. This voluminous correspondence with his old friend and life-long admirer from pre-revolutionary Moscow, Mrs Augusta Baranova, sheds new light on Severjanin's life in emigration, his literary work and his contacts with other Russian émigré writers during his numerous trips to Poland, Czechoslovakia, Yugoslavia, Bulgaria, Germany, France, and other countries, including the Baltic states.

Acta Universitatis Stockholmiensis
Stockholm Studies in Russian Literature
24

Almqvist & Wiksell International
Stockholm / Sweden
ISBN 91-22-01204-4
ISSN 0346-8496